

**УРАЛА
НЕМЕЦКИЙ
ХАРАКТЕР
2 том**

**г. ЧЕЛЯБИНСК
2013**

Библиотека Ассоциации национально-культурных объединений
«Ассамблея народов Челябинской области»

О составителе: Нахтигаль Александр Яковлевич в 1985 года стал членом инициативной группы, которая организовала в 1989 году Немецкий культурный центр. Член правления с основания культурного центра и более 15 лет председатель правления. С этого же времени стал активным участником общественного движения советских (российских) немцев. Был членом областного оргкомитета по выборам делегатов I Съезда немцев СССР, делегатом III Съезда, членом последнего состава Совета немцев СССР. Активно включился в процесс объединения национальных объединений Челябинской области. Немецкий культурный центр стал одним из пяти организаций-учредителей Ассоциации национально-культурных объединений «Ассамблея народов Челябинской области». В период с 2000 по 2004 был председателем Совета Ассамблеи, когда число членов ассоциации достигло 17 областных национальных организаций. Сейчас Александр Яковлевич является заместителем председателя Совета Ассамблеи народов Челябинской области, членом Совета по межнациональным отношениям Законодательного собрания, членом Совета Форума народов Челябинской области и член Координационного совета при администрации Челябинска. (nacht57@mail.ru)

Памяти родителей,
Фриды Андреевны и Якова Яковлевича
Нахтигалеи, посвящается.
Они любили жизнь и друг друга.

3. В вере нашли спасение

Как выстоять в таких жесточайших условиях, откуда ждать помощи, если она ниоткуда не может прийти? Эти вопросы стояли перед нашими отцами и дедами, матерями и бабушками. Как всегда, помощь находили в том, в чем ее находит любой народ в самую лютую годину – в вере своих предков и во взаимопомощи. В история католической и лютеранской церквей, а большинство немцев относятся именно к этим конфессиям, немало сподвижников, которые вели за собой народ к свету. С некоторыми историями и ее героями хочу вас познакомить.

Лидия Мухамадеева

Католичество в Челябинске. История и современность.

Глава I. Конец XIX – начало XX века

Возникновение первой католической общины в Челябинске

Появление первых католиков на Урале было связано с миграцией населения из западных областей Российской империи в XVIII веке. Первая община католиков в городе Челябинске образовалась в конце XIX века, хотя появление первых верующих католиков в городе произошло раньше. Среди верующих католиков были и австрийцы, и немцы, и поляки. В сохранившихся метрических книгах прихода римско-

католического молитвенного дома среди крещеных детей 1909 – 1913 гг. значительная часть имеет немецкоязычные фамилии.

Свидетельством того, что среди общины католиков значительную часть составляли представители немецкоязычного населения, является тот факт, что во время миссии редемптористов в 1908 году для челябинских верующих один из отцов говорил проповеди на немецком языке.

Однако большую часть в общине составляли поляки. К тому же их число стреми-

тельно увеличивалось. В основном это были ссыльные, которые были сосланы в Сибирь и на Урал после подавления польских восстаний в 1830-31 и 1863-64 годах. На территории современной северной окраины города они создали поселение, которое назвали по имени одного из основателей – Щигела (со временем название трансформировалось в Шагол).

Число жителей католического вероисповедания в Челябинске стремительно росло также благодаря постройке транссибирской железнодорожной магистрали (в 1891 – 1916 годах), которая связывала европейскую часть России с Сибирью.

Статистические данные свидетельствовали о стремительном росте среди городского населения числа римских католиков: в 1894 году число жителей католического вероисповедания насчитывало 46 человек, в 1901 году – 222 чел., в 1908 году – 1000 чел., а в 1911 году – 1864 человека. В Челябинске также было много представителей греко-католичества (униаты). Челябинские униаты нашли греко-католического священника в Златоусте и стали приезжать туда как минимум раз в год, чтобы принять таинства. После постройки римско-католической церкви в Челябинске униаты стали проводить службы в новом храме.

В областном архиве Челябинской области сохранились метрические книги Челябинского Римско-католического молитвенного дома. В ней имеется информация о крещенных младенцах и усопших католиках, принадлежавших к челябинскому приходу. В записях метрической книги многие католики значатся как австрийско-, польско- и германско-подданные. Есть также и литовско-подданные.

Многие католики того времени (впрочем как и остальные жители Челябинска) умирали в совсем юном возрасте. Редко кому удавалось дожить до пожилого возраста. Некоторым из скончавшихся едва исполнилось 1 год.

В записях о смерти, в числе причин значатся тиф, скарлатина, воспаление лег-

ких, но чаще всего встречается запись: «скончался от неизвестной болезни».

Первый католический храм Челябинска

6 июня 1897 года жители города исповедовавшие римско-католическую религию обратились с заявлением в городскую управу, в котором, в частности, говорилось: «С приступом к сооружению Великого Сибирского пути, число жителей католического вероисповедания в г. Челябинске с каждым днем стало увеличиваться и в настоящее время достигло значительных размеров». В связи с чем они просили, чтобы им выделили место под молитвенный дом во вновь нарезанных кварталах между Железнодорожным шоссе и Уфимским трактом, добавляя при этом, что желательно было бы получить крайнее место по Уфимскому тракту, «считая от больницы».

Журнальным определением челябинской городской думы от 3 июля 1897 года под молитвенный дом был выделен участок земли в 99 квартале Челябинска площадью в 507,5 кв. саженей. Однако общину этот участок не удовлетворил, так как был очень удален от заселенных мест. В связи с этим они вторично обратились в городскую думу, конкретно указав участки, где они хотели бы строиться, а именно: «участки №1242 и 1243, близ городского кладбища, первый – 585, а второй – 345 квадратных саженей».

Постановлением городского собрания от 5 марта 1898 года площадь была выделена под молитвенный дом. Таким образом, в 1898 году появилось деревянное здание и началась служба.

Позже, рядом с деревянной церковью в 1909 году было начато строительство нового костела. По свидетельствам современников, деревянное здание находилось западнее каменного. 7 июля этого же года в газете «Голос Приуралья» было опубликовано: «На днях приступлено к постройке нового костела. Постройка производится около старого костела под наблюдением местного ксендза».

По словам современников, ксендзом костела был Пашкевич, а синдиками – Ольшевский, Круковский, Шубарчук. В ме-

стных газетах начала 20 века упоминается имя ксендза Грабовского и председателя Союза молодежи ксендза Шокалло. В городском архиве также сохранились документы, подписанные настоятелем отцом Иосифом Сенвайтисом.

Строительство храма Непорочного Зачатия Девы Марии было завершено, по разным данным, в 1913 или 1914 году. Новый храм освятили в 1914 году и началась служба. В храме проводили богослужения не только римские католики, но и униаты. Костел располагался на улице Спартака (современный проспект Ленина), напротив бывшей Ткацкой фабрики (пересечение современных проспекта Ленина и улицы Свободы). Сегодня на этом месте стоит типовый жилой дом. Среди низких одноэтажных и двухэтажных домов старой Челябины костел, выполненный в готическом стиле, заметно выделялся. Храм был выполнен из лекального красного кирпича с элементами декора из белого цемента. Главный западный фасад костела был обращен в сторону современной площади Революции.

«Храм был виден издали. Две башенки-звонницы, увенчанные шатровыми крышами, уходили ввысь, завершаясь крестами на голубых сферах. Увеличенные размеры стальных проемов придавали башням легкость и стройность. Между башнями на верху фигурного готического фронтона помещалась статуя летящего ангела (В первые годы существования нового костела мраморная статуя летящего ангела была заменена на чугунную – Авт.).

Изрезанный узкими стрельчатыми окнами, ребристыми от контрфорсов, храм с величественным видом красновато-коричневой кирпичной пирамидой возвышался над окружающими строениями. Богатый, мастерски прорисованный кирпичный декор и прочее скульптурное убранство придавали храму красоту, своеобразие и большую праздничность.

Неброский портал западного фасада, над которым помещалось круглое узорчатое окно (роза), открывал вход внутрь храма. Огромный интерьер освещался светом витражей, заполняющим оконные проемы.

Песнопение во время церковного богослужения шло в сопровождении органа» – так описывал костел краевед С. Уткин .

После постройки нового костела старый деревянный костел в дореволюционное время служил ночлежкой. Позднее переоборудованный в жилой дом это здание пережило век кирпичного и было снесено в начале 50-х годов.

Миссии отцов редемптористов в Челябинске

В 1908 году отцы редемптористы провели приходские миссии в Сибири, одним из пунктов, которые они посетили, был Челябинск. Организаторами миссий были польские священники – отец Бернард Лубеньский и администратор могилевской епархии ксендз Стефан Денисевич. Было назначено три миссионера: отец Владислав Богосевич из Варшавы, отец Мартин Нуцковский из Подгужа и отец Юзеф Палевский из Мостиска.

Миссионеры выехали из Варшавы 27 мая 1908 года. Вначале они направились в Санкт-Петербург, где в Министерстве Иностранных Дел получили разрешение на проведение миссий и после этого по железной дороге отправились дальше в Сибирь. Редемптористы посетили Екатеринбург, Тобольск, Омск, Томск, Красноярск, Иркутск, Читу, Харбин, Владивосток и Челябинск, который они посетили одним из первых.

Многие католики во время миссий вновь возвращались к религиозным практикам, многие принимали таинства впервые. Некоторые только во время миссий признались в том, что они католики. Происходили также немногочисленные случаи в городах Омске, Томске, Екатеринбурге перехода на католицизм представителей иных верований. «В Челябинске люди пришли к выводу, что теперь им будет легче жить, т.к. они увидели, что вдали от Родины Бог есть и заботится о них».

В Челябинске редемптористы пробыли со 2 по 12 июня. Почти все челябинские католики приняли таинства. Из 1000 человек Святое причастие приняли 950.

Миссии закончились 13 сентября 1908 года во Владивостоке. На обратном пути миссионеры еще раз остановились в Иркутске, Челябинске и Москве.

Разрушение храма

После известных октябрьских событий 1917 года власть перешла в руки большевиков. С захватом власти началось укрепление контроля правящей партии над политической и духовной жизнью общества. В конце 20-х годов начались гонения на религию и церковь.

Вследствие постановления ВЦИК от 16 февраля 1922 года в Челябинске была организована уездная комиссия по изъятию церковных ценностей. В конце марта началась работа по изъятию ценностей из церквей и молитвенных домов.

В 1929 – 1932 гг. была развернута борьба с религией, велась активная антирелигиозная пропаганда. Некоторые священнослужители подверглись репрессиям. Многие церкви города были снесены. В 1929 году Римско-католический костел закрыли. 7 августа 1930 года было издано официальное постановление о закрытии храма.

Сначала церковь была отдана культурпросвету, затем – общежитию рабочих. В его стенах также размещали различные хозяйственные службы, общежитие, склады. Официальной причиной послужившей закрытию храма было отсутствие прихожан. Хотя статистические данные свидетельствуют о том, что в 1911 году число католиков в Челябинске насчитывало около 1864 человек, но отсутствовала регистрация общины каждого ее члена.

Челябинские католики не неоднократно обращались с просьбой к властям

вернуть храм, но просьбы не нашли отклика. 15 июля 1932 года храм начинили взрывчаткой. В этот же день костел был разрушен.

Одним из свидетелей посещавших тот храм была Екатерина Старикова, которая умерла 10 ноября 2002 года. Она любила рассказывать, как маленькой девочкой ездила с бабушкой на богослужения.

«Воскресший Иисус»

Оставшуюся после разрушения храма церковную утварь уничтожали на костре, который горел днем и ночью. В огонь бросали все: одежды священников, иконы, скульптуры. Из церковного имущества удалось спасти лишь деревянную статую «Воскресшего Иисуса». Ольга Адамовна Потовская протянула половину булки хлеба рабочему, выполнявшему приказ сожжения церковного имущества в обмен на скульптуру. Долгие годы она хранила ее у себя, а перед смертью отдала родственникам. Ее внуки, хранившие позже эту статую, отдали ее новой церкви, построенной в Металлургическом районе. Долгое время скульптура украшала залы храма, но ее владельцы готовились уехать в Прагу (Чехия) и попросили вернуть статую.

Незамедлительно отец Вильгельм пригласил в церковь художника, резчика по дереву Александра Жижилева, чтобы он изготовил копию статуи. Александр Леонидович с удовольствием взялся за поручение и в считанные сроки выполнил копию статуи. В Пасхальные дни она украшает помещения храма, напоминая нам о чудесном костеле, разрушенном режимом воинствующего атеизма.

Глава II. Середина XX – начало XXI века

Депортация. Вера под запретом.

С началом Великой Отечественной войны сотни тысяч советских граждан были превращены сталинским режимом во внутренних врагов только за то, что они оказались одной национальности с захватчиками. В рабочие колонны НКВД попали безвинные советские граждане немецкой,

финской, румынской, болгарской, венгерской, чешской и других национальностей. Республика немцев Поволжья была ликвидирована, и вглубь страны были вывезены все немцы с ее территории, а также и из других регионов Советского Союза. В 1942 году тысячи депортированных поволжских немцев попали в Челябинск. Мужчин не

отправляли на фронт – их отправили в «трудовые армии». За колючей проволокой, под вооруженной охраной, впроголодь, трудармейцы за считанные сроки создавали корпуса заводов.

Несмотря на суровые условия, им удавалось сохранить свою веру. Впоследствии к ним приезжали уцелевшие католические священники (во времена сталинских репрессий в СССР были расстреляны или погибли в лагерях около полутора сотен католических священников).

Среди депортированных российских немцев, оказавшихся по воле обстоятельств в Челябинске был также репрессированный священник Франц Фризен. Он был осужден советской властью за проповеди и трудился в Челябинской трудармии, где пользовался среди немцев уважением и авторитетом. В конце концов, устав от преследований и гонений он был вынужден уехать в Фергану, где жил до скончания своих дней.

После войны, в 1947 году трудармии были расформированы, но за бывшими лагерниками был введен комендантский контроль. Находясь под надзором спецкомендатуры, верующие христиане тайком собирались для совместной молитвы в квартирах и домах.

Свидетель тех лет Эмилия Шмидт позже поделилась своими воспоминаниями: «В 1948 году я и мой муж Леопольд Шмидт приехали в Челябинск. Верующие, мы не могли жить без молитвы. Вскоре собралась группа католиков, но официально встречаться и молиться нам было запрещено, потому мы часто меняли место встреч. И все же нас выследили. Через год был арестован староста нашей группы и осужден за веру на 25 лет. Многие годы мы, немцы, были под комендатурой, потому приезд священника был сопряжен с большим риском, тем более что Челябинск был закрытым городом. ...Верующие нередко собирались у нас в квартире. Моего мужа арестовали однажды, устроили допрос, грозили тюрьмой, а потом предложили сотрудничать с органами. Он нашел в себе мужество отказаться от «перспективной» работы».

Много лет подряд община проводила мессы ночью на квартире семьи Зиберт. Эдуард Зиберт в одном из интервью поделился своими воспоминаниями: «Мои родители были католиками. Причем очень ревностными. Когда еще община собиралась тайно, родители в своей квартире принимали священников и немцев, которые приходили молиться. Нам, детям, приходилось стоять во время молитвы на коленях по часу, а то и больше. И все это ночью. А утром – в школу, где нам говорили, что Бога нет».

Свидетели тех лет описывают случаи, когда милиция приходила в те квартиры и дома, где проводились молитвы, поэтому летом стали ходить на кладбище. Там никто за ними не следил. Они обходили могилки, читали Розарий и «Hauspostili» – книгу для чтения в католических семьях. Эту книгу в общине особенно берегли. В ней еще готическим шрифтом были написаны евангельские чтения с комментариями на каждое воскресенье литургического года.

Мирянин Александр Мэрц, проводивший собрания католической общины, в начале 50-х годов был осужден и приговорен к десяти годам лагерного режима. Он не отбыл весь срок: после смерти Сталина был амнистирован. Суровый лагерный режим существенно повлиял на его здоровье и через два года после освобождения он умер.

Постоянного священника община не имела. Эмилия Шмидт вспоминает: «Через свою родственницу в Караганде я сообщила священнику из Литвы о существовании в Челябинске католической общины. Отец Ионас готов был стать нашим священником, но власти ему не разрешили». Еще один свидетель, поведавший о событиях тех лет Э. Роппель также вспоминает: «Из Литвы приехал Ионас, согласившийся стать настоятелем церкви, – не позволили, правда, дали возможность провести перед Рождеством службу в течение 15 дней».

Из воспоминаний Эмили Шмидт мы также узнаем: «Полулегально к нам приезжал из Караганды отец Альбинус, но и его

желание стать священником в нашей общине не осуществилось. Казалось, что наша борьба за официальное признание нашей общины и за священника была безнадежной. ...Иногда к нам приезжал священник. Его отправление в дорогу создавало немало трудностей: покупали билет на обратный путь только в последний день, он вскакивал на подножку вагона, когда поезд уже отправлялся».

В 70-80-е годы в Челябинск стал приезжать священник Александр Бень (Александр Одорык). Вплоть до 1989 года он регулярно, раз в месяц на полтора дня, приезжал из Кургана, чтобы тайно проводить ночную службу, потому что официальная служба днем была запрещена. Он крестил детей и проводил венчания. После освобождения из заключения он начал служить в Кустанае, Лисаковске и окрестных деревнях Казахстана.

В 1989 году патер Александр отметил свой золотой юбилей: 50 лет со дня рукоположения в священники. В июне 1991 он отправился на встречу с Папой Римским Иоанном Павлом II в Польше, в городе Белостоке. 1 июня в городе Пшемьшле он сослужил мессу Святейшему Отцу. Во время мессы ему стало плохо с сердцем. Выйдя на ступеньки храма, он упал и умер. Отец Александр был похоронен в монастыре своего родного ордена, в Кальварии Пацлавской.

Долгое время в Челябинске служил отец Иосиф Свидницкий. Он был выслан в середине 70-х годов с Украины. Отец Иосиф служил мессу, преподавал святые таинства. С конца 1983 и до 1992 года отец Иосиф Свидницкий работал одновременно в нескольких городах, распространяя веру.

Молитвенный дом

В 1982 году община приобрела небольшой дом в поселке Першино Металлургического района на улице Доменной, 26, который они оформили на Елизавету Вольф.

Деньги на покупку дома челябинским верующим дал отец Иосиф Свидницкий. В своей книге «Воспоминания узника» он позже напишет: «В 1982 году ... я поехал в

литовский город Тяльшай к Апостольскому администратору Вайчусу. Я рассказал ему о своих проблемах. Он на прощанье дал 14 тысяч рублей, на которые я купил в Челябинске дом для богослужений по улице Доменной».

Отец Иосиф Свидницкий освятил дом и община начала его реконструкцию под молитвенный дом – Bethaus. В материале опубликованном 4 мая 1993 года в «Вечернем Челябинске» Э.Ропель вспоминает: «Из трех комнат оставили одну для исповедальни, перегородки снесли, пристроили веранду. Алтарь был сооружен из подручных средств: на две табуретки положили дверь, а на нее поставили иконы Божьей Матери и Иисуса Христа». Вскоре в Челябинск стали съезжаться верующие католики из Копейска и из Коркино. «В тесном доме стало еще теснее». Было решено «пристроить еще веранду, убрать стену».

После долгих настойчивых просьб у местных властей о реконструкции молитвенного дома «было разрешено сделать пристрой, но не более девяти квадратных метров». Однако члены общины «решили поднять и потолки». «Кирпич нашли в старых бараках, заготовили свыше 6 тысяч штук». Однако вскоре представитель райисполкома, а затем и обкома приехали с проверкой. Было приказано «прекратить строительство». Представитель власти порекомендовал: «Вам нужно получить разрешение в горисполкоме. Если не получите, подкачу бульдозер...» Однако община не прекратило строительство. А однажды «на месте прежнего уполномоченного увидели нового, который без канители решил: «Стройте».

Для росписи интерьера молитвенного дома нашли художника. Им стал сын одного из прихожан. Он расписал алтарь, сделал распятие, нарисовал иконы.

Возрождение духовности.

В 90-е годы в России наступил новый исторический период. Конечно, это было не самое легкое время для россиян: дефицит продовольственных товаров, задержка заработных плат и пенсий и многие другие последствия государственного ре-

формирования. Но в этот период началось возрождение религии, которое выразилось в реставрации старых культовых зданий и строительстве новых. С каждым годом заметно увеличивалось число верующих. Возрастал интерес к религии. В прессе начали появляться публикации о вере.

В 1990-е годы в Челябинск начал приезжать отец Вильгельм Палеш, где оставался от нескольких недель до трех месяцев, чтобы вести душеспасительную работу, а 12 апреля 1993 года, по просьбе общины отец Вильгельм получил вид на жительство и остался служить в Челябинске. В этот период состав общины меняется количественно и качественно. Во-первых, число верующих католиков с каждым годом заметно возрастает. Во-вторых, членами общины теперь были не только представители немецкой, польской национальностей, традиционно исповедовавших католичество, но и русские, татары и др.

В связи с тем, что в общине возрастало число людей не владеющих немецким языком, начали проводиться мессы на знакомом для большинства прихожан русском языке. Первая святая месса на русском языке была отслужена осенью 1991 года.

В связи с большим численным ростом верующих молитвенный дом уже не вмещал всех прихожан во время воскресных месс. Было решено строить новый храм. Прежде всего, необходимо было получить новый земельный участок под строительство. По генеральному плану застройки Металлургического района улица Доменная и прилегающие к ней районы планировалось застроить многоэтажными жилыми домами. Община решила, что в таком случае будущий храм не будет виден издали – нужно было найти более подходящее место.

Осенью 1992 года, чтобы подобрать необходимый проект для строительства нового католического храма отец Вильгельм поехал в Германию вместе с Губертом Витлифом. Инженер-архитектор Франц Везингер предложил три проекта храмов: на тысячу двести мест, на двести пятьдесят мест и проект совсем маленькой церкви. В конце концов, был выбран проект среднего по

размеру храма, который напоминает глыбу природного кристалла. Архитектор подчеркнул, что это редкий современный вариант и в России это будет первая церковь такой конструкции.

Большую помощь оказывали в строительстве храма коллеги отца Вильгельма, прибывшие в Челябинск в 1993 году: отец Луциан Герман (епархия Эрфурта), отец Петер Даниш (епархия Магдебурга) и отец Райнгард Франитца (епархия Гильдесгейма). Через год прибыли четыре сестры-монахини конгрегации Святой Агнессы из США: Люси Энн Вазингер, Мэри Эллис Лайкер, Мария Энн Шипперс и Элис Энн Пфайфер. Они помогали в проведении занятий воскресной школы, навещали больных и нуждающихся, создавали Интернет-страницу о храме, ездили на службы в отдаленные населенные пункты – Коркино, Копейск, Старокамьшинск и другие, чтобы проводить службу, знакомить жителей со Святым писанием, проводить Святое Причастие немощным на дому.

Появлялось все больше желающих принять участие в курсе веры, в подготовке к крещению, исповеди и причастию. По четвергам сестра Люси проводила “Библейский курс”, где слушатели лекций под руководством сестры изучали четыре Евангелия, Откровение Иоанна, Псалтырь, а также курс посвященный пророческим книгам Библии. Сестры пробыли в Челябинске 7 лет и 7 месяцев. В 2001 году община проводила их на родину.

Строительство новой церкви.

Строительство новой католической церкви стало важным событием не только для общины, Металлургического района, но и отчасти для всего города Челябинска. На разных этапах строительства ход проведения работ по воздвижению храма и происходящие в общине события освещали представители телевидения и прессы. Роль журналистов часто выполняли сами члены общины, например, Алина Назаренко и Губерт Витлиф. Благодаря Губерту Михайловичу в 1999 году также была выпущена книга «Возрождение духовности», рассказывающая о ходе строительства церкви.

17 ноября 1992 года был заключен договор с институтом Челябингражданпроект на разработку эскизного проекта Римско-Католического храма. Главным инженером, согласно договору, был определен Алексей Буров.

27 февраля 1993 года было получено разрешение архитектора Metallургического района г. Челябинска госпожи А.Б. Мальяр на проектирование Римско-Католического храма по улице 50 лет ВЛКСМ.

17 марта 1993 года было издано постановление главы администрации города на возведение храма, а через несколько дней, 29 марта строительную площадку освободили от автостоянки.

13 мая 1993 года был утвержден эскизный проект храма на 350 мест за подписью Апостольского Администратора Азиатской части России, епископа Иосифа Верта, а 24 мая эскизный проект храма был подписан настоятелем отцом Вильгельмом Палешом.

Первая лопата из грунта котлована была вынута 26 октября 1993 года. Отец Вильгельм в присутствии священников: отца Райнгарда Франитцы, отца Петера Даниша и отца Луциана Германа провел молебен, освящающий землю, предназначенную под Святой храм. Затем временно стройка была приостановлена по указанию епископа отца Иосифа Верта, который беспокоился, что в зимнее время строительство сопряжено трудностями и не безопасно.

Пауза в строительстве церкви вызвала у многих челябинцев скептические настроения к происходящему. Многие полагали, что достроить храм не удастся. Пессимистическими настроениями была охвачена и пресса. В материале В.Косолапова, опубликованном в Челябинском рабочем от 25 января 1994 года автор делится впечатлениями от будущего проекта: «Ну в самом деле, среди типовой жилой застройки, в окружении заводских труб, в рабочем квартале вдруг возносится здание настолько выламывающееся из общего весьма серого фона, что не веришь в реальность его суще-

ствования... К сожалению, последние слова могут оказаться пророческими».

Описывая увиденное на строительной площадке церкви, он также пишет: «Эту строительную площадку не заметить не возможно. Расположена на самом въезде в Metallургический район, на бойком месте: между кинотеатром «Союз» (сегодня это досуговый центр «Импульс» – прим. М.Л.) и бассейном «Строитель». И если не любители плавания, то ценители десятой музыки обратили внимание на происходящее в округе. Правда, признаков трудовой жизни на этом пространстве давненько не наблюдается: за глухим железобетонным забором не видно и не слышно строительной техники, не суетятся люди. Разглядеть можно лишь глубокий котлован, покрытый льдом и занесенный снегом, да сломанный ковш от экскаватора... Тишина, покой, запустение». Однако община католиков надеялась, что храм удастся построить. Каждое воскресенье в 15.00 члены общины собирались на строительной площадке для совместной молитвы о строительстве церкви.

Деньги на строительство храма община челябинских католиков получала из Германии и других западных стран. Для пожертвований на строительство храма был открыт расчетный счет в Metallургическом филиале Челябиндбанка.

С наступлением первых весенних дней строительство возобновилось. Уже 1 марта 1994 года был заключен договор с генподрядчиком – фирмой «Зиновьев и К» – на установку железобетонной монолитной плиты под здание храма, возведение наружных стен и покрытие цоколя железобетонными плитами.

9 мая 1995 года с участием епископа Иосифа Верта, отца Вильгельма Палеша и других в восточной части стены башни храма на отметке ниже оконных проемов первого этажа была заложена капсула с текстом, рассказывающим будущим потомкам о строителях храма. Тогда же и состоялась закладка краеугольного камня.

В декабре 1995 года, накануне Рождества, в «Челябинском рабочем» было опубликовано: «Многие челябинцы, особенно жители

Металлургического района, заметили быстрорастущее здание рядом с бывшим кинотеатром «Союз». Это – будущий католический храм».

Первоначально, планировалось открыть храм уже в 1997 году. В газете «Вечерний Челябинск» от 4 сентября 1997 года на вопрос корреспондента, «Когда планируется открытие храма?» отец Вильгельм отвечает: «Мы планируем открыть его 13 октября 1997 года и надеемся выдержать этот срок, несмотря на множество препятствий. Нас очень задержало то, что с опозданием привезли материалы, очень медленно работает таможня...»

Храм достроили на год позже, чем было запланировано. 15 августа 1998 года община переехала из молитвенного дома в новый храм, хотя для богослужений можно было использовать только часовню в башне. В мае 1999 года отец Райнгард привез из Германии челябинским католикам – электронный орган. В праздник Пятидесятницы инструмент освятили.

Паломничество Фатимской Божьей Матери и мощей святой Терезы.

В 1997 году состоялось паломничество Фатимской Божьей Матери, которая пробыла в Челябинске несколько дней. В сильный мороз процессия сопровождала статую Марии на строительство новой церкви.

В апреле 1999 года в приходе пребывали мощи святой Терезы Младенца Иисуса. Паломничество саркофага с мощами совершалось в честь 2000-летия Христианства. Мощи сопровождали сестры-кармелитки из монастыря Лизье. В местных газетах писали: «Саркофаг с мощами святой Терезы из монастыря кармелиток на севере Франции совершает паломничество по городам России». Мощи прибыли в Челябинск из Оренбурга и были выставлены в Римско-католической церкви. Мощи пробыли в Челябинске всего два дня. За это время сотни челябинцев побывали в храме, «чтобы прикоснуться к чуду». Тереза Младенца Иисуса и Святого Лица всю жизнь провела в монастыре и умерла в 24 года. Всю свою жизнь она помогала духовному

преображению людей, помогала обрести свой путь к Богу. Она умерла в 1897 году, а «мощи Святой Терезы продолжали совершать чудеса духовного и физического исцеления».

«Днем и ночью шли к саркофагу святой челябинцы, при чем не только католики. Православные, мусульмане, вовсе не верующие люди приезжали в церковь, чтобы обрести надежду». Из России саркофаг отправился дальше, в Казахстан.

Освящение церкви

15 августа 1999 года, в праздник Успения Богородицы, новый храм освятили. «Праздник начался традиционно – с символического вручения ключа. Роман Кайзер, директор «УКС ЧМС», генерального подрядчика, который все эти годы курировал строительство, и глава немецкой диаспоры района, вручили ключ от храма его настоятелю Вильгельму Палешу». Отец Вильгельм и приехавший из Новосибирска глава курии Апостольской администрации Азиатской части России епископ Иосиф Верт провели литургию освящения храма. Служба велась на русском и немецком языках.

Торжество освящения проходило при участии католических священников, паломников из многих городов России и из-за рубежа, представителей СМИ и членов католической общины. В газете «Челябинский рабочий» на первой полосе было опубликовано: «В традициях доброго сосуществования в нашей области различных конфессий в знаменательном для челябинских католиков событии приняли участие представители других религиозных общин, в том числе православной и мусульманской. Особое слово благодарности прозвучало на празднике в адрес строителей храма, а также областной, городской и районной администраций, чье содействие на разных этапах строительства помогло его успешному завершению».

Рабочие чертежи храма разрабатывал архитектор «Челябинскгражданпроекта» Алексей Геннадиевич Буров. Наиболее значительные работы на строительстве проделаны управлением капитального строи-

тельства «Челябметаллургстроя», фирмой «Стройтекс» и «Востокметаллургмонтажом».

При освящении храма в алтарь была замурована частичка мощей святого Николая из Флюе. Благодаря «случайной встрече» отца Луциана Германа, служившего в Челябинске, с отцом Иосифом Эберли, настоятелем церкви в Саксельне, где похоронен святой Николай, частичка мощей святого была передана в Челябинск.

Церковь Непорочного зачатия Девы Марии и ее достопримечательности.

Архитектор храма Франц Везингер вложил в проект храма идею церкви как семьи Божьей. Особенность храма в том, что алтарь храма находится посередине, в центре основного зала, а не в восточной части храма, как обычно. Это подчеркивает то, что во время воскресной мессы прихожане и священники сидят по кругу, вокруг алтаря, который символизирует Христа. Все внимание, таким образом, обращено на алтарь.

В храме есть помещения для собраний, учебных занятий, жилые и офисные помещения. Общая площадь церкви составляет 680 квадратных метров¹⁰. В большом зале на 350 мест имеются орган, дубовые скамьи, отделанные каслинским литьем. Скамьи аналогичны скамьям Кельнского собора в Германии. Перегородка между большим залом и часовней сделана в виде иконостаса, иконы для которого выполнены в Палехе.

Шестиконечный алтарь, купель и кафедру из коелгинского мрамора выполнил Усатов Е.Н. Его авторству также принадлежит скульптура распятия, выполненная в смешанной технике (дерево, гипс, металл). Икона «Архангел Михаил», расположенная над исповедальней написана Усатовым, Б.К. Винокуровым, А.И. Шведовым. Иконы «Евангелист Марк», «Евангелист Иоанн», панно изображающее Деву Марию, икону «Святого Николая из Флюе», а также иконы «Святого Иосифа» и «Милосердного сердца Иисуса» освященные в 2007 году, выполнила прихожанка Мария Аккуратнова.

Скульптурные композиции яслей и крестного пути, в том числе распятого Христа, Девы Марии, апостола Иоанна находящиеся в церкви выполнил художник из австрийского города Вены Винценс Шрайнер.

Многое из церковной утвари, имеющейся в храме, имеет свою историю. Старые книги, иконы, статуэтки, колокола, – все это было бережено многими десятилетиями верующими людьми, иногда под угрозой смерти, и тем или иным образом оказалось в католической церкви Челябинска.

Скульптура Святого семейства.

Одна из достопримечательностей Римско-католической церкви Челябинска – скульптура Святого семейства, история которой весьма необычна...

Иоанн Павел II стремился добиться расширения религиозных свобод в Советском Союзе и в конце 80-х годов направил усиленное внимание на установление дипломатических отношений с Москвой. В 1988 году на празднование тысячелетия крещения Руси в СССР была отправлена религиозная делегация из Рима, которой было поручено передать письмо и устное послание Папы Михаилу Горбачеву. Через несколько месяцев был получен ответ, в котором Михаил Сергеевич изъявил желание встретиться с Папой. 30 ноября генеральный секретарь ЦК КПСС и его жена прибыли в Рим. В ходе беседы двух глав государств были установлены дипломатические отношения. Михаил Сергеевич согласился установить полную религиозную свободу на территории СССР. Римско-католическая церковь могла теперь работать в Советском Союзе открыто.

В ходе одной из этих встреч конца 80-х – начала 90-х годов Папа Римский подарил семье Михаила Горбачева скульптуру Святого Семейства. Михаил Сергеевич передал этот подарок Немецкому культурному центру, который в особые торжественные случаи, предоставляет скульптуру Римско-католической церкви. Сегодня удивительную скульптуру можно воочию увидеть в церкви в период Рождественских праздников.

Икона Иисуса.

Икона Спасителя Иисуса Христа, украшающая сегодня дарохранительницу была подарена отцу Вильгельму кардиналом Майснером еще до переселения отца Вильгельма в Челябинск. Отец Вильгельм и кардинал Майснер связаны старой дружбой. Когда-то они служили в одной общине в городе Мюльхаузене (Тюрингия).

В период строительства церкви икона находилась в квартире отца Вильгельма, а с завершением строительства новой церкви украсила дарохранительницу в часовне.

Колокола Штарнберга.

По воскресеньям и праздничным дням прихожан церкви созывает на службу звон немецких колоколов. Вес колоколов составляет: 3, 4 и 5 тонн. Самый большой колокол в диаметре составляет около двух метров. На нем надпись: «Я звоню в честь Девы Марии». На двух других колоколах написано: «Я звоню за мир» и «Я звоню за усопших и скорбящих».

Эти колокола были подарены церковной католической общиной Штарнберга (Бавария). Бронзовые колокола этой церкви во время войны были переплавлены на снаряды. После войны, в 1949 году новые колокола для церкви было решено отлить из чугуна, так как на бронзовые не хватило денег. Они прослужили полвека, пока их не заменили на бронзовые. Архитектор Франц Везингер бесплатно получил эти колокола из Штарнберга и предложил поместить их в новой церкви Челябинска.

Колокола проделали долгий путь, добираясь до Челябинска. Вначале их везли на грузовике, а затем, достигнув берегов Балтики, переправили паромом. На таможене колокола не захотели приравнять к гуманитарной или технической помощи и предложили заплатить пошлину. Благополучно прибыв в Челябинск колокола почистили и выкрасили бронзовой краской. Долгое время колокола были подвешены рядом с церковью на каркасе из труб, а 10 апреля 2000 года были возведены на колокольню и, вскоре, над улицами Metallur-

гического района впервые зазвучали голоса немецких колоколов.

Механизмы звона колоколов не такие как в России и как выполнить такое устройство местные строители не представляли. Челябинский инженер Владимир Бреган изготовил механизмы звона по чертежам колокола «Славный», установленного в Эрфурте (Германия).

Мемориальный комплекс трудармейцам.

18 сентября 2004 года, в один из выходных дней, на территории церкви был открыт мемориальный комплекс трудармейцам. Во время Великой Отечественной войны на этом месте располагался лагерь трудармии № 3.

Инициаторы возведения памятника – Римско-католическая церковь и челябинская общественная организация «Немецкий культурный центр».

Композиция мемориального комплекса трудармейцам – это плод усилий многих людей. Авторы из Челябинска, Каслей, Екатеринбургa предлагали свое видение. В конце концов, был выбран проект Винченца Шрайнера – статуя Спасителя. Памятник состоит из алтаря, кольца из колючей проволоки и скульптуры Иисуса. Общая высота композиции – 7,5 метра, высота статуи Христа – 3 метра с постаментом – 4 метра, вес статуи – 3 тонны. Размер площадки перед статуей – 12x13,5 метра, на нее ушло около 50 кубометров бетона. Фигура Христа выполнена из чугуна и покрыта специальными полимерными устойчивыми красителями в белый цвет.

Кольцо из колючей проволоки символизирует терновый венец, которым «короновали» Иисуса. Он был изготовлен на заводе Теплоприбор и составляет в диаметре пять метров.

Под алтарем была перезахоронена часть останков Неизвестного Трудармейца. Макет скульптуры Христа лепил приглашенный из Австрии скульптор Винченц Шрайнер. Из скульптурной глины он вылепил миниатюрную скульптуру Иисуса Христа, а челябинский скульптор Александр

Волков увеличил фигуру до трех метров, изготовив модель для отливки.

Осенью 2003 года фигуру повезли в Касли на завод художественного литья, но там изготавливали только мелкое литье и не было форм подходящего размера. Выход был найден: фигура Иисуса была разделена на 25 фрагментов и отлита по частям, а потом соединена сваркой и расчеканена для придания скульптуре вид цельного литья.

Книги

Благодаря самоотверженным людям удалось спасти некоторые старые религиозные книги. Во времена сталинских репрессий многие немцы претерпевали депортацию, высылку, подвергались всеобщим гонениям. И молитвенник стал для многих людей единственным, что соединяло их с церковью, что помогало им сохранить веру и в самые тяжелые минуты уповать на Бога. Верующие собирались вместе в домах и бараках, чтобы молиться. Многие из них потом уехали в Германию, а молитвенники отдали католической общине. Эти книги, «Menergebethbuch» (Молитвенник для мужчин), 1896, «Der grosse Myrrhengarten des bitteren Leidens», 1891, и многие другие теперь хранятся в церкви Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии в Металлургическом районе.

Жизнь общины католиков сегодня

Сегодня верующие католики, число которых с каждым годом возрастает, имеют возможность в любой день недели посещать церковь, молиться, приобрести христианскую литературу. Каждую пятницу здесь проходят уроки веры. Каждый желающий, независимо от своего вероисповедания, может стать слушателем уникального духовного курса, больше узнать о Боге, о вере, о спасении души. Для детей верующих также есть воскресная школа, а для детей из неблагополучных и малоимущих семей Металлургического района действует Детский клуб, где опытные педагоги занимаются с ребятами, вместе проводят досуг. Челябинские священники и сестры также служат мессы в деревнях и поселках области, где существуют небольшие общины верующих католиков. Небольшие общины

есть в Златоусте, Миассе, Коркино, в деревнях Шишминка и Барсучье Октябрьского района, в поселке Роза.

В церкви активно работает отделение международной благотворительной организации «Каритас», работники которой посещают больницы с самодеятельными спектаклями, ежедневно раздают бесплатные обеды для бездомных, распределяют гуманитарную помощь (одежду, обувь и т.д.) среди нуждающихся семей и социальных учреждений города.

Отец Вильгельм Палеш.

Вильгельм Палеш родился 27 февраля 1932 года, в деревне Цехе в Чехословакии, в семье Франца и Августы Палеш. Он был шестым из десяти родившихся в семье детей. В деревне Цехе преимущественно проживали немцы. Здесь Вильгельм провел свое детство, пошел в школу, подрастая стал помогать родителям. В его обязанности также входило пасти скот. Когда ему было одиннадцать лет, он стал министрантом и помогал священникам служить мессы. Однажды он сопровождал священника в соседнюю деревню, где также проводили службы. По дороге пастор обратился к юному попутчику с просьбой пасти скот для церкви, и прежде спросив разрешение у матери Вильгельма забрал мальчика к себе.

В деревне было общее пастбище, где деревенские мальчишки вместе пасли скот, но церковь имела отдельное пастбище и Вильгельму приходилось справляться со всем одному. «Мне было скучно. Я не с кем не мог разговаривать и общаться» – рассказывает отец Вильгельм. Мать священника, увидев скучающего пастушка, дала ему Розарий и учила читать молитвы. Проводя весь день на поле, Вильгельм молился. «Один раз во время молитвы я почувствовал, что мое призвание от Бога быть священником» – говорит отец Вильгельм. Однако образование в гимназии было не бесплатным, а в многодетной семье не было таких денег. «Я подумал, – рассказывает отец Вильгельм, если Бог хочет, чтобы я стал священником, то найдет такой путь».

15 марта 1939 года Германия захватила Чехословакию, а 1 сентября началась Вторая мировая война. 1 декабря 1944 года всех детей деревни эвакуировали в Германию, среди которых также был и Вильгельм. В январе эвакуация коснулась и остальных жителей деревни. Долгое время они находились в лагере, которые расформировали после окончания войны. Одна женщина, бывшая в лагере решила отправиться обратно в Словакию. Она собрала несколько ребят, среди которых был Вильгельм Палеш и они отправились домой. Иногда ехали на поезде, иногда шли пешком. В одном из вокзалов Вильгельм встретил свою сестру. Она также с группой эвакуированных возвращалась домой. Вернувшись домой, они встретили отца. Однако в октябре 1946 года всех жителей деревни вновь поместили в вагоны и выслали в Германию.

Прибыв в Германию, семья начала поиски матери, которая была выслана в область Тюрингии. В 1947 году вся многочисленная семья вновь была вместе. Несмотря на плохие условия, «мы чувствовали себя как на небе» – вспоминает отец Вильгельм.

Спустя некоторое время в семье возник вопрос, чем заняться, какой профессии посвящать свою жизнь Вильгельму. Ему уже было 14 лет и предстояло сделать выбор, относительно своей будущей специальности.

Родители решили, что для начала нужно еще закончить школу. Еще в школе каждый день давали бесплатное питание – бутерброды, поэтому вопрос был решен в пользу школы.

«Тогда я уже не думал, что моя мечта стать священником сбудется, – рассказывает отец Вильгельм, я решил, что после окончания школы буду столяром». Однако таланты и незаурядные способности Вильгельма Палеша были замечены его учительницей, которая сказала: «Ты не будешь столяром, а пойдешь учиться дальше в гимназию».

В то время в ГДР прошла школьная реформа, и обучение стало бесплатным. В 1948 году отец Вильгельм начал учиться в

гимназии. Он попал он в математический класс, а в параллельном учили гуманитарные предметы. Огромное стремление и желание добиться цели – стать священником побудили его попросить директора перевести его в параллельный класс. Директор согласился. Теперь Вильгельм стал очень близок к своей мечте.

В 1952 году Вильгельм Палеш сдал экзамены на аттестат зрелости. Однако в ГДР не было ни одной семинарии, а ехать в ФРГ было затруднительно. «Я опять получил знак с неба, – говорит отец Вильгельм, – епископы открыли в Эрфурте новую семинарию». Таким образом, Вильгельм Палеш поступил на первый курс новой семинарии. С 1952 по 1957 год он учил богословие и в декабре 1957 года в городе Эрфурте (Тюрингия) был рукоположен в священники. «В день моего рукоположения шел дождь» – вспоминает отец Вильгельм – было пасмурно». Несмотря на это в сердце отца Вильгельма было ясно и светло от радостных минут осуществления его мечты, к которой он стремился большую часть своей жизни. Это было началом нового жизненного этапа для отца Вильгельма, началом священнического пути.

Первой работой отца Вильгельма стала служба викарием в городе Айзенахе (Eisenach), расположенном неподалеку от Эрфурта в церкви Святой Елены. Отец также служил в Готе, Мюльхаузене, Заалфельде, Зондерсхаузене.

Когда отец Вильгельм учился последний год в семинарии, он много думал о России. Тогда у него возникло большое желание проповедовать и служить в России. В 1981 году отец впервые посетил СССР как турист. Долго он искал контакты с общинами, просил членов общин присылать приглашения, чтобы как можно чаще посещать верующих. В начале 1990-х годы он посещает Душанбе, где встречает отца Иосифа Свидницкого, который рекомендует ему поехать в Челябинск. В июле 1990 года отец Вильгельм впервые посещает Челябинск. Верующие просят отца остаться служить в городе, и 12 октября 1992 года

отец Вильгельм получает вид на жительство и остается служить в Челябинске...

Прежде чем приехать в Россию, в жизни отца Вильгельма прошла огромная череда событий и происшествий, радостей и огорчений, но всегда его отличало стремление к своей цели, неотступность от своего пути, предначертанного ему Богом. Сегодня отец Вильгельм – пример для подражания нынешней молодежи, достойный авторитет, советы которого помогают подрастающему поколению найти свой путь в жизни.

Многие люди, благодаря отцу Вильгельму обрели веру в Бога, скорбящие обрели утешение, опечаленные – радость, отчаявшиеся – надежду, потерявшие в беспорядке будничных забот обрели покой и мир в душе.

Отец Райнгард Франитца

Отец Райнгард родился 7 августа 1939 года в городе Берлине. Он был четвертым ребенком из шести детей.

Семья жила очень скромно. Отец Райнгард вспоминает: «Мы сэкономили во всем, покупали самые скромные вещи и питание. Жили скромно, но не бедно. Через некоторое время, когда мне уже было 18 лет, отец стал зарабатывать достаточные деньги, и мы стали думать, как купить самую скромную машину. Родители даже стали строить дом. Конечно, это было не так просто: заплатить за кредит и стройматериалы».

Отец Райнгард рано приобщился к труду и с юношеских лет стремился сам зарабатывать деньги. Несколько лет он занимался репетиторством с более младшими ребятами – учил их английскому и французскому языкам. В возрасте шестнадцати лет подрабатывал на стройке во время каникул. Заработанные деньги он платил за обучение. «В юношестве я занимался спортом – плаванием, поэтому с удовольствием выполнял физическую работу» – говорит отец Райнгард. «У меня не возникало мысли, что человек, призванный стать священником не должен выполнять физическую работу. Наоборот, человек, который имеет желание быть священнослужителем должен

иметь опыт физического труда и общения с простыми людьми, выполняющими сложную физическую работу».

Некоторое время семья Франитцы жила на севере Германии. Основным контингентом населения там были люди неверующие или лютеране. Католики, по словам отца Райнгарда, составляли только 15% населения. В классе, в котором учился отец Райнгард, было всего два ученика, исповедовавших католическую веру. Отец Райнгард рассказывает: «Мне нужно было хорошо знать свою религию, чтобы защищать свою веру. Мне задавали большое количество вопросов, и мне приходилось много аргументировать и приводить доводы в защиту своего вероисповедания, чтобы противостоять неверующим, постоянно подшучивающим над религией. Я часто размышлял, во что я верую и почему, и стал больше интересоваться религией, Библией. Я стал хорошо разбираться в религии и одноклассники больше не стали подшучивать над верой. Тогда мне было 12 лет».

По прошествии некоторого времени, отец Райнгард вступил в группу церковной молодежи и вскоре стал в ней одним из лидеров. «Священники очень заботились о нас, с любовью относились к каждому члену общины и для нас это было очень важно. – рассказывает отец Райнгард. – Они произвели тогда на меня большое впечатление. Возможно, это была самая главная причина, из-за которой у меня возникло большое желание посвятить свою жизнь священству. В то время было очень много священников: в нашей общине было три викария. Все они между собой жили очень дружно. Я думал: «Как они могут так дружно жить? Видно, вера дает такую теплую дружбу, такую же сильную как в семье». Для меня это было значимым открытием. Для меня очень важно то, что вера дает теплоту и духовную близость».

Родители отца Райнгарда всегда заботились сохранить в семье единство и сплоченность. «Мои родители очень старались, особенно отец, чтобы соединить всех членов семьи и, по возможности, постоянно быть вместе, – рассказывает отец Райнгард.

– По воскресеньям, мы обязательно посещали церковь и после этого вместе проводили досуг: гуляли в парке, вечером играли в игры. Это было для традицией. По воскресеньям все было торжественно: мы надевали самые лучшие наряды, мать старалась испечь вкусный пирог».

Когда Райнгарду Франитце было 16 лет, все чаще он стал размышлять о том, чтобы стать священником: «Я много думал о призвании священства, но всегда боялся, что я не достоин. Потом, когда мне исполнилось 18, я уже постепенно потерял этот страх. Я думал: “Бог все знает и если ему угодно, чтобы я стал священником, то покажет мне. Не стоит ломать себе голову” Конечно, никто не достоин».

Вначале отец Райнгард решил стать монахом и год прослужил в ордене доминиканцев, но после понял, что это не его путь и поступил в семинарию. В 1966 году, за месяц до того, когда ему исполнится 27 лет, он был рукоположен в священники. Отец Райнгард служил викарием во многих городах Германии. Часто отца Райнгарда посылали служить в те места, где существовали какие-нибудь проблемы, для того, чтобы их уладить. Отец Райнгард рассказывает: «Мне было очень интересно и полезно служить в разных епархиях. Я познакомился там со многими людьми. До сих пор я поддерживаю с ними хорошие отношения. Когда я начал служить в России, многие оказали мне финансовую помощь. Мое богатство – это эти люди, с которыми я познакомился и дружил на протяжении всей своей жизни. Слава Богу их у меня очень много».

Всю свою жизнь отец Райнгард хотел служить в Южной Америке. После 25 лет служения епископ дал позволение отцу служить за рубежом. Появилась возможность служить в Южной Америке, и отец Райнгард уже готов был отправиться в путь.

В это же время границы в Германии открылись и отцу Райнгарду удалось встретиться со многими знакомыми из восточной Германии. Отец Вильгельм Палеш, случайно приехавший в Гамбург, спросил у

отца Райнгарда: «Я сейчас служу в России, а ты не хотел бы тоже туда?». «Нет, я хочу служить в Южной Америке» – возразил вначале отец Райнгард, но через некоторое время передумал. В конце концов, вместе с отцом Вильгельмом они приехали в Челябинск. «Когда я очутился здесь, я понял, что это моя Южная Америка!» – говорит отец Райнгард.

Винценс Шрайнер

Известный в Европе австрийский художник-скульптор Винценс Шрайнер не мало потрудился, вылепив серию скульптур для Римско-католической церкви. Настоятель нашего храма Вильгельм Палеш познакомился с художником на одной из его персональных выставок. В художественном музее в Зальцбурге отец Вильгельм увидел скульптурную композицию библейских яслей. «Нам бы такие ясли в церковь» – сказал отец Вильгельм своему попутчику. Случайно услышав их разговор, Винценс сразу предложил им вылепить ясли для церкви в Челябинске. Таким образом, художник оказался в Челябинске. Когда он впервые приехал в наш город, в 1998 году, чтобы вылепить скульптуры ему уже шел седьмой десяток лет. На куполе храма, под самым небом, для него была размещена мастерская, где по несколько месяцев художник трудился над скульптурами.

К числу работ выполненных Винценсом относятся: скульптура Иисуса Христа для мемориального комплекса трудармейцам, крестный ход, скульптурные композиции распятого Христа, Девы Марии, апостола Иоанна.

Винценс – девятый ребенок в семье, самый младший. Окончил педагогический институт. Сорок лет преподавал в школе изобразительное искусство и немецкий язык. Хотел стать монахом школьного ордена, но таким образом он лишился бы заботы своей мамы, и от этой мечты пришлось отказаться.

Винценс всю жизнь трудиться во благо других. За выполненную работу он не берет денег, а если все же и продает карти-

ны и скульптуры, то вырученные деньги тратит на благотворительность. В одном из интервью, напечатанном в газете «Вечерний Челябинск» 14 августа 2002 Винценс

говорит: «Бог дал мне такой подарок, что я стал художником и скульптором, и я хочу возвращать его другим, не думая о финансах».

Светлана Симакова

Отец Вильгельм (Палиш), настоятель римско-католической церкви Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии: «Мои прихожане в Германии были «сытыми», поэтому я хотел служить в России»

С 24 на 25 декабря католики будут праздновать Рождество. В полночь в римско-католической церкви Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, что в Металлургическом районе Челябинска, начнется торжественная Литургия. Об особенностях католического Рождества, истории своего приезда из Германии в Россию, самых важных качествах человеческого характера, «потеплении» отношений между православной церковью России и Ватиканом, о том, что необходимо человеку, чтобы удержать птицу по имени «счастье», мы говорили со священником римско-католической церкви отцом Вильгельмом Палишем.

– Отец Вильгельм, вы приехали в Челябинск из Германии. Родились в Восточной или Западной ее части?

– О, нет. Я родился в Словении, где до войны жили мои родители. Но после войны немцев из Югославии начали выселять в Германию, это происходило во всех странах восточной Европы. И в 1946 году мы оказались в русской зоне Германии, которая потом стала ГДР. Там я рос, учился. Но уже тогда хотел поехать служить в Россию.

– Почему?

– Во-первых, я изучал русский язык. Мне это давалось легко, поскольку словенский язык, который я хорошо знал, довольно близок русскому. Во-вторых, я несколько раз приезжал в Россию в качестве туриста, мне здесь очень нравилось. Поэтому, как только появилась возможность, поехал служить сюда.

– В Германии в то время охотно учили русский?

– Я бы так не сказал, не любили этот язык, и вы, думаю, понимаете эти чувства. Но английский и французский можно было

выбрать добровольно, а русский был обязательным. Во всей Восточной Германии. Я неплохо знаю английский, но в классе по русскому языку был лучшим учеником.

– Как было принято решение стать священником, это культивировалось в семье?

– Нет. Это было только моим решением. Когда семья жила в Словении, в нашу деревенскую церковь пришел молодой священник, только что окончивший семинарию. Очень образованный и очень добрый человек. Семья наша была большая, жили мы бедно, а потому еще детьми работали. Священник попросил родителей, чтобы я помогал ему по хозяйству, стал пастухом. Я пас коров, телят. Жил в доме священника, и мы с ним часто беседовали обо всем. Он очень хорошим человеком был и стал примером для меня во всем. Вот так появилось желание стать священником. Я подумывал об учебе в семинарии, правда, переживал, что родители не смогут платить за мое обучение в школе, в гимназии, для нас это было дорого. А потом случилось переселение

в Германию, мы попали в маленький город, где была гимназия, и я пошел учиться. К тому же детей в школе кормили бесплатно, и родителям было некоторое облегчение. Я стал учиться и понял, что могу реализовать свою мечту – поступить в семинарию. К тому времени, как я окончил гимназию, недалеко от нашего городка – в Эрфурте (Тюрингия) – открыли духовную семинарию, куда я поступил.

– **До приезда в Россию служили в Германии?**

– Да, 30 лет к тому времени уже был священником.

– **Не было страшно в зрелом возрасте сменить страну? Да не куда-нибудь поехать, а на далекий Урал?**

– Это для моих близких было страшным и непонятным. А для меня – нет, это тоже было моей давней мечтой. А если человек чего-то очень хочет, ничто не может ему помешать. И я был так рад, что приехал сюда и мог рассказывать людям о Боге. Мои прихожане здесь были такими «голодными» в этом плане, хотели многое узнать. После службы долго не расходились, часами могли беседовать, задавали столько вопросов, так внимательно слушали... Ничего такого я не испытывал в Германии, там прихожане все знали, были «сытыми». (Смеется). Служба там шла час, не больше. И никто после нее не задерживался и десяти минут в церкви. А здесь после окончания Литургии все с удивлением и разочарованием говорили: «Что? Уже конец?» Им хотелось еще.

– **Расскажите, как празднуют Рождество католики? Отличается ли этот праздник от Рождества православного?**

– Мы все – христиане, а Рождество – день рождения Иисуса Христа. Поэтому никаких больших различий нет. Только мы празднуем это событие в разное время календаря, католики – по Григорианскому календарю, а православные – по Юлианскому. Разница получается в 13 дней. У нас Рождество будет праздноваться с 24 на 25 декабря. Самое важное в эту праздничную ночь – литургия. Иисус родился ночью в

Вифлееме, а потому мы собираемся в церкви в 12 часов ночи. Рождественская литургия содержит особенные песнопения, посвященные рождению Спасителя.

Все пронизано радостью. Бог воплотился на этой Земле, пришел к людям, чтобы спасти мир. Но, конечно, у католиков и православных есть свои традиции. Мы, к примеру, за четыре недели до Рождества в храмах и домах устанавливаем Венки Адвента, украшенные четырьмя свечами. Свечи символизируют четыре недели Адвента. В первое воскресенье Адвента на венке зажигается одна свеча, во второе – две, в третье – три и в четвертое – четыре. Это значит, с приближением Рождества растет свет в этом мире. А круглый веночек означает жизнь вечную. Наша земная жизнь – отрезок от рождения до смерти, но есть вечная жизнь, которая поднимается по спирали. Каждый год мы празднуем Рождество до второго пришествия Спасителя в этот мир. Когда Иисус вознесся на небо, он обещал вернуться. И христиане ждут этого. В период Адвента Церковь особо призывает верующих к совершению дел милосердия.

– **Почему появилась традиция украшать елки под Рождество?**

– Есть разные объяснения тому: елка напоминает райское дерево, с которого Адаму и Еве было запрещено вкушать плоды. В Рождество мы вспоминаем об этом дереве, потому что Иисус вернул нам надежду на жизнь вечную. Я вспоминаю Рождество в нашем доме. Мы с мамой украшали елку конфетами, которые нам не позволялось трогать до наступления Богоявления 6 января. Как это было когда-то в раю. Мы только смотрели на эти конфеты, а когда наступало Богоявление, елку убирали, и мы ели сладости с ее ветвей.

– **В вашей церкви есть специальный праздник для детей?**

– Обязательно. Это очень важно для детей. В этом году они сами сделали Вертеп – фигурки Марии, Иосифа, младенца Иисуса. Будет спектакль. А родители готовят главную радость для детей – подарки, которые будут спрятаны до окончания Мессы, а потом все их получают и сколько будет счастья.

Я вспоминаю, что и для меня, когда я был ребенком, Рождество было самым важным, самым радостным праздником. Мы мало что понимали о воплощении Бога в человеке, мы только радовались подаркам. (*Смеется*).

– **Какие блюда готовите к Рождеству?**

– Традиции у разных народов довольно оригинальные. Кто-то готовит к Рождеству 12 различных блюд. Но у нас этого нет. В доме моих родителей были лишь блюда, которые готовились только на этот праздник. Мама пекла сладкий хлеб с маком, мы ели его с молоком. Это было так вкусно! Наверное, потому, что ели такой хлеб только раз в году. (*Улыбается*).

– **В общине вашей церкви уже тоже сложились свои традиции?**

– Все приносят что-то вкусное и после литургии мы собираемся в трапезной, угощаемся и долго беседуем, радуемся возможности быть друг с другом. Некоторые остаются здесь до утра, пока не пойдет общественный транспорт. Рождество объединяет нас всех. Иисус пришел не только к католикам и православным, Он пришел ко всем людям, стал братом всех людей, потому что принял человеческую природу. И через Иисуса мы все стали братьями и сестрами. Новой человеческой семьей, где нельзя жить только для себя. Поэтому обязательно надо выйти из квартиры, из дома в эту ночь и встретиться с другими людьми. У нас такая встреча происходит в церкви.

– **На каких языках поздравляете с Рождеством своих прихожан?**

– Служба ведется на русском языке и поздравляю я прихожан тоже на русском. Только Папа Римский поздравляет христиан более чем на 20 языках мира.

– **Вашему храму нынче исполнилось десять лет?**

– Да, мы праздновали эту дату 15 и 16 августа, 10 лет со дня освящения храма. Но католическая церковь была в Челябинске до революции. Здесь жила большая община поляков. И в 1914 году был освящен костел, который в 1932 году был уже разрушен. Поляки, вероятно, к тому времени вернулись в Польшу или выехали в Запад-

ную Украину. А в годы войны сюда были вывезены немцы из европейской части СССР, из Поволжья – трудармейцы так называемые. И тогда, под страхом смерти, они уже создали молитвенный дом и тайно там собирались.

Только в 1982 году получили официальную регистрацию на молитвенный дом. Когда я приехал сюда в 1990 году, решили, что нужно строить храм – достойное здание для Бога. Хотя многие собрались уезжать в Германию, но решения не переменяли. Потому что с отъездом кого-то не исчезнет вера и будут другие люди, которые захотят прийти в нашу церковь. Обратились в городскую администрацию и был нам выделен вот этот участок земли. В 1993 году началось строительство.

– **Помогала строить церковь Германия?**

– Да, стартовый капитал дала одна общественная организация из Германии. Но его, конечно, не хватило. И тогда мы, священники, отправились проповедовать в Германию, Австрию, Швейцарию – контакты до сих пор сохранились – и люди давали деньги на строительство храма в Челябинске. Мы собрали необходимую сумму и построили эту церковь.

– **В общине сегодня, наверное, смешались многие нации?**

– Конечно, это потомки немцев. Корни наших прихожан идут также из Польши, Литвы... Люди приходят и говорят: «Наши прародители были католиками и мы чувствуем свое место здесь». Католическая церковь – вселенская церковь, поэтому всем есть в ней место, независимо от национальности.

– **Из православия никто не захотел перейти в вашу Церковь?**

– Нам запрещено заниматься прозелитизмом – перетягивать людей из других Церквей. Каждого, кто приходит, я спрашиваю: «Почему?» И аргументы должны быть убедительными.

– **Что обычно отвечают люди?**

– Разное. Что им здесь лучше, что на душе легче. Но я всегда предлагаю подумать хорошо: возможно, лучше вернуться

обратно в свою Церковь. Однако выгнать людей, если у них есть веские аргументы, не могу. Нельзя людей выгонять из храма. Ведь есть закон свободы совести и веры. Человек должен выбирать сам. Но предупредить я буду каждого нового прихожанина.

– Вы постоянно занимаетесь благотворительностью или это относится только к особым церковным праздникам?

– Постоянно. Людям всегда нужна помощь. И это работа благотворительной организации «Каритас». У нас есть детский клуб, где собираем детей из неблагополучных семей – родители пьют, дети не учатся, голодные, оборванные. К нам ребята приходят после школы, делают уроки, с ними занимаются педагоги, труд которых оплачивает «Каритас». Есть у нас патронажная служба, которая занимается больными, ухаживает за теми, кто не встает с постели. Предоставляем им инвалидные коляски. И обратиться к нам за помощью могут не только католики, а все, кому нужна помощь.

Мы помогаем одиноким матерям, которые нуждаются в этом. Сейчас даже строим квартиры для шести матерей, чтобы они не делали аборт, а могли родить дитя и у них была бы крыша над головой, если им некуда идти. Это будет материнская обитель. Есть у нас социальная кухня, где каждый день готовим горячие обеды для 50 человек. Здесь обедают все бомжи, что обитают поблизости. И бедные пенсионеры приходят, которым не хватает пенсии на пропитание. Есть и такие.

– Занимаетесь ли миссионерством?

– Нет, мы не занимаемся тем, чем занимаются некоторые секты. К нам приходят только те, кто желает. Для них есть воскресная школа, как в православной церкви. Для взрослых, сейчас там 29 человек, и для детей.

– Много ли у вас помощников, отец Вильгельм?

– Один священник еще есть и дьякон. Но дьякон временно у нас, в конце мая он будет рукоположен в сан священника. Помо-

гают также миряне, которые работают в «Каритас». Еще есть сестры-монахини. Они наводят порядок в церкви и помогают на литургии. А также органистка.

– Есть ли у вас связь с Москвой, или вы непосредственно связаны с Германией?

– Мы принадлежим к Новосибирской епархии. Там наш епископ, мы подчиняемся ему. В Москве сидит представитель Ватикана – нунций. Он был у нас 8 декабря, ежегодно в этот день отмечается праздник покровительства нашего храма – День Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии.

– Сегодня в России, несмотря на то, что церковь отделена от государства, наблюдается явное сближение двух институтов. Можно то же самое сказать о католиках?

– За помощью к государству мы не обращаемся. Но мы живем в этом мире и не можем не пересекаться. Эту землю нам дали органы государственной власти и мы очень признательны за это. К праздникам и губернатор области, и мэр Челябинска обязательно присылают поздравления. Нас приглашают на круглые столы, где, как правило, встречаются представители разных конфессий.

Это полезные встречи, где обсуждаем важные для нас вопросы. Мы уважаем такое внимание. Но особенно благодарны сегодня уже за то, что свободно можем выполнять свои задачи. Ведь во времена советской власти это было невозможным в России. Люди сегодня могут собираться без страха в церкви, а не тайно. Это самый большой подарок от государства. *(Улыбается.)* И мы желаем, чтобы так было всегда – свобода вероисповедания.

– Сегодня возможна совместная работа самых разных конфессий?

– Недавно в дни посещения нас нунцием мы очень радовались тому, что были приглашены к митрополиту Челябинскому и Златоустовскому Иову. Был дружественный прием. Встречаемся с православными священниками, ведь они самые близкие нам по вере. Раньше существовало непонимание, сегодня мы становимся ближе. Есть у

нас хорошие отношения с протестантами. Три разные группы протестантов обратились к нам с просьбой арендовать для службы наши помещения. Это корейцы, здесь довольно большая община, и Пятидесятники. Мы предоставляем им свои помещения, потому что не пользуемся ими круглосуточно. А они немного платят за аренду и это помогает оплачивать коммунальные услуги.

– **Известно, что Папа Иоанн-Павел II несколько раз высказывал желание приехать в Россию, но реакция прежнего Патриарха Алексия II была однозначной. С приходом Патриарха Кирилла изменились ли отношения, чувствуется ли «потепление»?**

– Не только чувствуется. Но вот факт, о котором я уже сказал, – нас приняли с нашим легатом у митрополита. Десять предыдущих лет это было невозможным. Какие бы гости к нам ни приезжали, никаких приглашений от митрополита не поступало. Принципиально было невозможно. Конечно, это знак наступления другой погоды. И мы очень рады этому.

– **Есть ли, на ваш взгляд, надежда, что Папа Бенедикт XVI сможет посетить Россию?**

– У него есть такое желание. И вы знаете, что Иоанн-Павел II посетил все бывшие республики СССР, только в Россию не мог попасть. Мы, конечно, ждем такого счастья, чтобы Папа Римский посетил Россию.

– **Вы уже привыкли к Челябинску, вам уютно здесь зимой, не холодно?**

– *(Смеется).* Уютно, очень. В прошлом году долго не было снега, мне звонили из Германии и, узнав, что у нас тоже нет снега, были разочарованы. А в этом году я могу гордиться, у нас уже настоящие морозы и второй день снег идет. Пусть мне завидуют в Германии.

– **Часто бываете в Германии?**

– Раз в году. Это мой отпуск, и я еду к своим родным.

– **Они довольны сегодняшней жизнью в Германии, что там изменилось со времени воссоединения?**

– Я думаю, у них есть повод быть благодарными. Но вижу, что часто людям не хватает этого чувства. Они недостаточно благодарны и довольны, всегда критикуют: того не хватает, другого не хватает... Мне приходится говорить своим родным: подумайте, как мы раньше жили!? При железном занавесе даже дышать было трудно. А теперь у всех есть свобода, да и купить можно все, что еще хотите? Знаете, когда я приехал сюда, не переставал удивляться, как мало нужно было людям для счастья. Некоторое время я был квартирантом у одной семьи из наших прихожан. Квартира была на девятом этаже и часто не хватало воды. Но мы встречались за завтраком и я видел их счастливые лица: «Ах, как хорошо, сегодня воду дали». Или: «Не зря очередь отстояли, купили хлеб, еще что-то... Да мы самые счастливые!» Все приносило счастье: горячий чай, теплая вода... Но чем больше имеют люди, тем менее они довольны жизнью – это парадокс.

– **Сегодня ваша квартира при церкви?**

– Я живу в башне. *(Улыбается.)* И очень доволен. Каждый день читаю псалом: «Блаженны живущие в храме божьем». Это мы. Живем прямо в храме. Раньше я полчас шел в молитвенный дом на службу, который находился в Першино. А теперь только спустился по лестнице и уже в храме. Когда морозы, смотрю, как люди кутаются, бегут на трамвай и искренне им сочувствую. А мне даже пальто не надо надевать.

– **Ваши пожелания челябинцам перед Рождеством.**

– Радости от того, что Бог подарил нам своего Сына. Он пришел не посмотреть, как мы живем. Он пришел спасителем. Спасти нас от грехов, а грехи – самая большая проблема человеческая. Как в Евангелии сказано: «Слава Вышним и на Земле мир». Кто мешает миру – совершает самый большой грех. И самый большой подарок, который принес нам Иисус Христос – призыв к миру и любви между людьми. Поэтому живите в мире и любви!

«Мы верим в бога живого»

Лютеране открывают первую в Челябинске кирху

Это эффектное здание на улице Черкасской, 2, и на храм-то непохоже. Суперсовременный нарядный дом со множеством окон, лестницами, фонтаном, кованой решеткой поднялся на пустыре за больницей «Челябметаллургстроя», как сказочный терем, всего за полтора года. 5 сентября 2001 года духовный лидер евангелическо-лютеранской общины Челябинска Рудольф Ланге освятил закладку фундамента, а сегодня здесь завершаются последние отделочные работы. Рабочие тянут кабель, аккуратно разгружают красивые плиты султаевского гранита. Генподрядчик - фирма «Ремстрой плюс» - возводит не первый храм. Потому и доверил ей свое детище известный челябинский архитектор Владимир Ковалев.

В его мастерской создан проект необычной церкви. Впрочем, и история этого проекта не совсем обычна. Нынешнее здание, где проходят богослужения, досталось лютеранам от католиков, когда они переехали в великолепный храм. Назвать церковь этот старый частный дом на улице Доменной язык не поворачивается. Стоит он в неудачном месте - в низине, и все время в нем что-нибудь случается: то крыша течет, то трубы рвутся. Община собрала было деньги на его реконструкцию. Но сделали экономические раскладки и оказалось: проще построить новое здание.

- Какой должна быть кирха?

- Мы представляли свою церковь в классическом готическом стиле, как знаменитые старинные соборы Германии, - рассказывает председатель лютеранской общины Владимир Гроо. - С таким эскизным проектом и приехали к епископу Урала, Сибири и Дальнего Востока.

- Вы что это, к средневековью возвращаетесь? - Фолькер Э. Зайлер ужасно удивился, увидев проект. - Разве такая кирха нужна молодежи?

В Челябинской лютеранской общине и впрямь все меньше пожилых людей: уходят старики, многие уезжают в Германию. Богослужения, что ведутся для них на немецком языке, собирают сегодня не больше 50-60 человек. Вот почему Владимиру Павловичу Ковалеву заказали другой проект. Динамичный образ нового храма понравился всем. Это совсем небольшое здание на 144 посадочных места, уютное и очень красивое. Лишь колокол и непривычный нам крест без косой перекладины над входом подчеркивают церковное назначение этого белоснежного здания.

Мы входим в храм и останавливаемся в восхищении: в алтарной части купол уходит высоко вверх, и стену эту разрезает сквозное окно в форме огромного креста. Солнце и голубое небо будут сиять над алтарем в этом окне-кресте. А вечером светящийся крест здания будет виден издали. Вот, пожалуй, и все украшения этой церкви. Нет в ней ни икон, ни росписей, ни скульптур.

- У нас это не принято, - объясняет проповедник. - Мы верим в Бога Живого!

Ни одна газета Челябинска никогда не писала о евангелическо-лютеранской церкви. Прежде всего к этому не стремились сами ее прихожане. Практически все они пережили ужасы геноцида советских немцев и трудармию, прошли лагеря, многие женщины работали на лесоповале. Молиться они могли лишь в глубоком подполье. На их глазах расстреливали пасторов, закрывали храмы. Даже знаменитая лютеранская церковь святого Петра на Невском в Санкт-Петербурге до 1993 года использовалась в качестве бассейна. Десятилетия страха не позволяли вслух говорить о сокровенном. Более того, лютеране из Коркино, Копейска, Старокамышинска, Ленинского района Челябинска до сих пор проводят свои богослужения в частных домах и

на квартирах, не регистрируя общины. Впрочем, и регистрация этой церкви в Ме-

Дело в том, что лютеране - первые в истории мировой религии протестанты, выступившие против католицизма и власти, - и по сей день воспринимаются многими неоднозначно. Не приди в челябинскую общину деятельный, энергичный директор «Челябинскобувьторга» Владимир Гроо, она и сегодня не имела бы юридического статуса. Мама его, Валентина Ивановна, многие годы посещала лютеранскую церковь, где к ней относились с огромным уважением. Мечтой ее было, чтобы и ее семеро детей вернулись в лоно своей исторической церкви, обрели здесь веру. Но отец воспитал их атеистами. Так что материнскую веру самый младший в семье, Владимир Яковлевич, принял уже взрослым, в 45 лет. А уж за ним пришли в лютеранскую церковь и другие сестры и братья. Пять лет назад он был крещен пробстом Уральского региона 78-летним Иоганном Лисселем.

- Это необыкновенный человек. Он и наш пастор 83-летний Рудольф Ланге, пройдя через страшные испытания, не озлобились, не ожесточились. Сумели остаться честными, добрыми и оптимистичными людьми, - рассказывает он. - Мы вместе добивались регистрации общины. Затем собирали средства на строительство церкви. Эта совместная работа очень сплотила нас, укрепила мою веру.

Владимир Гроо стал председателем церковного совета лютеран. Он сам вырос на ЧМЗ и за помощью в строительстве храма шел к руководителям предприятий, которых знал с детства.

- Мы очень благодарны мэру Челябинска Вячеславу Тарасову и бывшему главе нашего района Валерию Шопову. А спонсоров стройки, мы на совете приняли такое решение, называть не будем. Ты внес свою лепту в дело Божие - зачем же еще благодарственные списки, мраморные плиты?

Лютеране рациональны во всем, стараются обходиться без внешних атрибутов веры: не носят нательных крестов и не крестятся, а во время молитв пальцы склады-

таллургическом районе заняла не один год.

вают «в замок». Их службы обычно сопровождается органная музыка. Но в новую кирху заказали не орган, а клавинолу - электромузыкальный инструмент, чтобы в этих стенах звучал не только Бах, но и современная духовная музыка. Проповедник общины Сергей Фрицлер - тоже человек современный и абсолютно светский. Программист, выпускник Челябинского университета. Был и пионером, и комсомольцем, и членом КПСС. Но вот пришел в церковь, близкую ему по историческим, национальным корням и по духу.

«Для общения с Богом посредники не нужны. Институт священства необходим лишь для проведения обрядов и богослужений» - эта идея Мартина Лютера больше всего импонирует ему в лютеранстве. А еще демократичность конфессии, которой чужда всякая pompa и показуха и которая терпима к любой другой вере, проповедующей добро. Лютеране не останавливают прохожих на улицах и не ходят по квартирам, чтобы пополнить ряды своей более чем скромной общины. В эту церковь приходят только по собственной инициативе: «К вере человека ведет один Господь Бог».

И помогать здесь принято не только братьям и сестрам, но и нуждающимся. И ни в коем случае не в обмен на веру. Брат Сергей (так обращаются к проповеднику) был крещен три года назад, активно посещал все воскресные службы. Иоганн Лиссель и Рудольф Ланге увидели в нем своего преемника и начали готовить его в проповедники. Через год епископ торжественно рукоположил Сергея Юрьевича. Было это в день его рождения. «Моего второго рождения», - подчеркивает сдержанный на эмоции Фрицлер. А жена его и трое детей ходят в православную церковь, и проповедник-лютеранин считает, что это в порядке вещей. Таких семей в их общине немало. Вот и у председателя церковного совета Владимира Гроо жена и 16-летний сын - православные. И он с уважением относится к их вере: «У каждого свой путь к Богу».

4. Немцы с русской душой

Уральские немцы многое делали и делают для прославления родного края. Имена многих знают не только в России, но и далеко за ее пределами. Познакомим вас только с некоторыми из них.

Светлана Шлыкова

Александр Миллер: «Слышу музыку дзюдо»

Многие, наверное, знают известный анекдот:

«В день рождения своего тренера хоккеисты потерпели поражение в матче. Все их упрекают: мол, как же так, наставнику не смогли сделать подарок. А спортсмены отвечают, что уже галстук имениннику подарили...»

Так вот, государственному тренеру Челябинской области по дзюдо, старшему тренеру УрФО Александру Миллеру галстуки не дарят. О том, какие презенты делают воспитанники, отчего после схваток у них болят руки, для чего важно уметь делать шаг назад и о многом другом Александр Евгеньевич рассказал «Вечёрке». Несмотря на загруженность на работе, он нашёл время ответить на вопросы своей любимой газеты.

Из досье «Вечернего Челябинска»

Александр МИЛЛЕР

- Государственный тренер Челябинской области по дзюдо, старший тренер УрФО, заслуженный тренер России по дзюдо.

- Трудовую деятельность начал в 1968 году, став учителем физической культуры общеобразовательной школы. После окончания Челябинского государственного института физической культуры работал руководителем физического воспитания среднего профессионально-технического училища № 101, на базе которого был создан один из лучших спортивных центров в системе профессионально-технического образования области, в результате чего дзюдо стало развиваться в 25 училищах Южного Урала.

- С приходом в Челябинский областной совет спортивного общества «Динамо» продолжил работу по дальнейшему развитию дзюдо в области. Многие его ученики стали членами сборных команд России, чемпионами и призёрами первенств и чемпионатов Европы и мира. В сентябре 2000 года его воспитанники Виталий Макаров, Дмитрий Морозов участвовали в Олимпийских играх в Сиднее, а Юрий Стёпкин стал бронзовым призёром. В 2004 году Виталий Макаров стал серебряным призёром Олимпийских игр в Афинах.

- В течение пятнадцати лет Александр Миллер входит в десятку лучших тренеров области. В 1998 — 2000 и 2004 годах был признан лучшим тренером России по дзюдо. В 2000 году был награждён почётным знаком «За заслуги в развитии физической культуры и спорта». По итогам работы года признан человеком года Челябинска в номинации «Физическая культура и спорт». С 2000 года — старший тренер президентского клуба «Явара-Нева» (г. Санкт-Петербург). За это время клуб пять раз становился чемпионом Европы, два раза серебряным и один раз бронзовым, заработав репутацию лучшего клуба Европы.

- В 2002 году Миллеру было присвоено почётное звание «Заслуженный работник физической культуры Российской Федерации». В 2003 году он награждён медалью «За вклад в развитие олимпийского движения в России». В 2004 году — золотой медалью президента РФ «За достижения на Олимпийских играх в Афинах». В 2005 году — медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. При личном активном участии Александра Евгеньевича в Челябинской области в 2004 году был построен лучший и единственный в России Центр олимпийской подготовки по дзюдо.

- За большой вклад в развитие большого спорта Челябинской области и России, прославление Челябинской области на европейских и мировых аренах, организаторский талант, высокий профессионализм, упорство и волю в достижении цели Миллер награждён знаком отличия «За заслуги перед Челябинской областью».

Занятие

для нормального парня

— Александр Евгеньевич, вы и дзюдо — как близнецы-братья. Когда в Челябинске говорят про дзюдо, думают про вас. Произносят фамилию Миллер — подразумевают дзюдо. Ваша жизнь с этим видом спорта связана навек. Когда впервые увлеклись борьбой?

— В шестнадцать лет. Жил в совхозе «Солнечный» и ездил на тренировки в Металлургический район Челябинска. Занимался греко-римской борьбой — секций дзюдо тогда ещё просто не было — в спорткомплексе «Металлург» у Александра Ивановича Алемасова, затем моим наставником был Дерябин.

На тренировку и дорогу тратил каждый день по шесть часов. Сначала приходилось пять километров идти пешком до аэропорта, затем на автобусе № 41 добираться до города. Уезжал из дома сразу после школы, возвращался около десяти вечера.

— Ради чего такие жертвы?

— Просто все нормальные парни стараются заниматься единоборствами для того, чтобы быть сильными и как-то проявить себя...

— Однако деревенские пареньки и так все сильные! Кстати, родители без проблем отпускали в Челябинск? Не требовали вместо спорта по хозяйству помогать?

— По хозяйству я и так помогал. В сельской местности иначе нельзя. Поэтому родители моему увлечению спортом не противились, а, наоборот, поддерживали его.

Тяга совершенствовать других

— Вы кандидат в мастера спорта и по греко-римской борьбе, и по самбо, и по дзюдо...

— Борьбой продолжил заниматься в армии, а самбо и дзюдо увлёкся во время учёбы в Челябинском институте физической культуры. Со спортом решил связать жизнь. Но с самого начала понимал, что, выступая сам, не добьюсь больших успехов.

Чувствовал, что как тренер сделаю намного больше. У меня была внутренняя тяга заниматься именно наставнической работой. Хотелось творчески подходить к делу и доводить спортсменов до совершенства. Официально тренером я начал работать в 1975 году.

Но ещё раньше, после окончания школы, открыл секцию борьбы в «Солнечном». Трое ребят из неё стали даже чемпионами города.

— Жизнь подтвердила, что вы тренер от Бога. В чём ваш секрет?

— Я обладаю терпением и выдержкой — качествами, тренеру просто необходимыми. В спорте нужно уметь ждать той победы, которую формируешь, куёшь. В работе порывы не нужны — так результата не добиться.

Я и во время выступлений всегда настраиваю воспитанников на то, чтобы высоту брали по ступенькам. К примеру, спортсмену, чтобы попасть в финал, надо провести несколько схваток.

И когда он готовится к первой, о победе в целом в соревнованиях думать рано. Всё внимание нужно уделить только конкретному поединку, конкретному сопернику.

Кто настраивается сразу на первое место, того ждут неожиданные провалы... В чём ещё, спрашиваете, мой секрет как тренера? Наверное, в умении видеть потенциал спортсмена.

— Как его разглядеть?

— Не объяснить. Это как в музыке: кому-то дано быть в ней одарённым, кому-то — нет...

Три тысячи рукопожатий

— Имена ваших воспитанников сейчас известны всему миру. Когда спортсмены добиваются победы, что чувствуете вы?

— Радуюсь так же, как и дзюдоисты. Правда, не сразу, а спустя некоторое время, когда начинаю осознавать, чего мы добились. После большой победы и спортсмен, и его тренер испытывают чувство опустошённости.

А ещё усталость: дзюдоист — физическую, тренер — эмоциональную. Я, напри-

мер, после поединков, которые проводят мои воспитанники, как выжатый лимон. Потому что эмоционально в схватках участвую.

Смотреть со стороны всегда сложнее. Когда спортсмен выходит на татами и начинает работать, ему некогда переживать. А тренеру — самое время. Адреналин скачет так, что сердце из груди выскакивает.

— Назовите победу, которая вам запомнилась больше всего?

— Много таких. Например, когда в 2001 году в Мюнхене Виталий Макаров стал чемпионом мира. Это была, может быть, самая яркая победа всего российского дзюдо, потому что челябинец в шести схватках продемонстрировал филигранную технику.

Данный чемпионат можно считать гроссмейстерским и для спортсмена, и для тренера. Помню и первую олимпийскую медаль в Сиднее Юрия Стёпкина. Та «бронза» была на вес золота.

— В футболе крупные победы отмечают, раскрывая после матча шампанское. А как в дзюдо?

— Шампанское пьём очень редко, в особо торжественных случаях. Так, например, друзья и спонсоры организовали в честь победы Виталия Макарова на чемпионате мира торжественное застолье в ресторане.

Отпраздновали достойно. Но самое главное: Виталия поздравили тысячи три зрителя. Каждый подходил и жал руку. И мне, тренеру, тоже. Тогда на высоком уровне боролись несколько моих учеников. Все выглядели достойно.

Галстуки не дарят

— Ученики делают вам подарки? Можете назвать самый оригинальный?

— У нас принято делать подарки на соревнованиях. Хорошее выступление — вот главный.

— То есть галстуки, как в хоккее, тренеру не дарят?

— Нет, галстуки не дарят, — смеётся. — Особенно за границей, где челябинцев прекрасно знают. Хотя бы даже по выступлениям за президентский клуб «Явара-Нева».

Двенадцать южноуральцев в разное время были в его составе, вместе с клубом пять раз выигрывали «золото», дважды «серебро» и один раз «бронзу». В нашей области дзюдо было хорошо развито задолго до того, как этот вид спорта стали называть путинским. Именно поэтому мы и Владимиру Владимировичу стали интересны.

— **Как, к слову, к российским дзюдоистам за границей относятся?**

— В разное время относились по-разному. Когда СССР был сильной державой, то с уважением и даже боязнью. Когда Союз распался, а Россия первое время не могла обрести былую мощь, то относились как к слабым.

Недоброжелательность чувствовалась. Всё правильно: сильных уважают за силу, государственный комплекс переходит на спорт. Что бы ни говорили, но отношения между людьми определяют политики.

— **Однако Владимир Путин, сам дзюдоист, многое сделал, чтобы изменилось отношение не только к дзюдо, но и к нашей стране в целом...**

— И в этом ему помогло, между прочим, само дзюдо, которое очень многое человеку даёт. По крайней мере, философия восточных единоборств предполагает, что надо уметь сделать шаг назад, чтобы потом двигаться вперёд. Это такой гибкий путь к победе. Дзюдо совершенствует человека.

С президентом — на брудершафт

— **В вашем кабинете на стене висят, как и положено, две фотографии — Дмитрия Медведева и Владимира Путина. Но если нынешний президент серъезен и снят на фоне государственного флага, то снимок премьера озорной — Владимир Владимирович хитро улыбается...**

— Специально такой выбрал. Потому что Владимир Путин — человек с хорошим чувством юмора.

— **...Вы это знаете, потому что несколько раз встречались с ним. Расскажите об этом подробнее.**

— Раз десять мы встречались. И всегда по поводу хорошо проделанной нашей работы. Встречи проходили в разных местах. Однажды довелось отужинать с Путиным в известной всем Жуковке.

— **Ну и как? Что подавали на стол?**

— Было всё, что нужно. Но никто из спортсменов не обращал внимания на еду. Важнее оказалось неофициальное, неформальное общение с Владимиром Путиным. Ведь помимо чувства юмора он обладает быстрой реакцией и высочайшим интеллектом. С ним так интересно! Он нас расспрашивал о многом, делал какие-то умозаключения.

— **Владимир Путин тоже ничего за ужином не попробовал?**

— Он как раз поел, потому что проголодался. Это нам было не до лакомств.

Жизнь в разъездах

— **Александр Евгеньевич, как и нынешний премьер, вы на татами выходите, чтобы спортивную форму поддерживать?**

— На сборах стараюсь это делать. В Челябинске времени нет — захватывает вал текущей работы.

— **Что-то в последнее время в Челябинске вы редко бываете.**

— Сейчас мы начали подготовку к Олимпийским играм в Лондоне. Наша область в мужской национальной сборной страны представлена девятью дзюдоистами. Это очень солидно. Поэтому мы практически всё время проводим на сборах в Сочи.

— **Семья как ко всему этому относится?**

— Жена Ольга понимает, что это моя любимая работа. Но я, если есть возможность, беру супругу и маленькую дочку с собой на сборы. Катеньке пятый год.

Родилась она 12 ноября 2004 года во время чемпионата России по дзюдо, который проходил в Челябинске. И я очень рад, что она появилась. Мне есть ради чего жить...

— **Дочка станет дзюдоисткой?**

— Пока она будет заниматься

художественной гимнастикой. А потом посмотрим.

— Если вы находитесь в Челябинске, то кроме дзюдо на что-то ещё остаётся время?

— Только на редкие встречи с друзьями.

— Со своими воспитанниками, которые сейчас уже не выступают, поддерживаете отношения?

— Конечно. С Виталием Макаровым вместе работаем в сборной. С Юрием Стёпкиным, министром спорта Челябинской области, иногда удаётся посидеть, попить чаю и поговорить по душам. Но, повторюсь, времени на это всё-таки мало. Надо работать.

Недаром ведь говорят: «Старая слава новую любит». Старые победы моих воспитанников в прошлом. С молодёжью работаем над новыми. Сейчас я занимаюсь с Мансуром Исаевым, Максимом Бряновым, Сосланном Бостановым, Ренатом Саидо

вым, Сергеем Седых. Хорошие ребята!

Студенческая привязанность

— Есть ли у вас способ хорошо расслабиться после работы?

— Таких два. Одним пользуюсь очень редко. Когда сильно устаю, всё бросаю, еду в лесопарковую зону и там часа два просто гуляю. Это самое лучшее расслабление. Второй способ для отдыха — чтение газет.

— «Вечёрка» есть в их числе?

— У меня с вашей газетой давняя дружба! К «Вечёрке» любовь со студенческих лет. Это действительно наше городское издание, интересное, разнообразное. На всех этапах жизни газета была со мной.

Поэтому не читаю «Вечерний Челябинск», только когда меня нет в Челябинске. Но, вернувшись из командировки, просматриваю все вышедшие номера. Если не успеваю прочитывать новые выпуски каждый день, то набираю с собой в поездки.

Эльдар Гизатуллин

Александр Миллер: «Чемпионом без тренера не стать, как бы ни был одарён человек от природы»

В мире российского дзюдо имя челябинца Александра Миллера известно не менее, чем имена его воспитанников, добившихся чемпионских титулов. Он знает, как воспитать настоящих лидеров и победителей.

70 учеников на юбилее

- Спортсмены куда более известны, чем их тренеры. Быть немного в тени воспитанника не обидно ли для тренера?

- В тени воспитанника обычно находятся начинающие тренеры. Но вообще для меня, хоть я далеко не начинающий, нет никакого комплекса, чтобы быть немного в стороне. Надо отдать должное спортсмену, который сейчас на подъёме. Ведь для спортсмена нет второй жизни, она, эта

профессиональная жизнь, для него достаточно короткая. У тренеров иные рамки. Я, скажем, тренирую уже 37 лет, подготовил 12 мастеров спорта международного класса и 4 заслуженных мастера спорта. На юбилее у меня было 70 учеников.

- Вы общаетесь с самыми первыми своими учениками?

- Конечно, со всеми общаюсь. И кстати, более дружен даже не с теми, кто взлетел на самый верх, а с теми, кто, возможно, меньшего добился в спорте, но всё же состоялся как личность. Например, директор Челябинского завода тяжёлого машиностроения Олег Парыгин.

- Почему так получается? Зазнаются более именитые?

- Не совсем. Большого результата можно добиться, проявляя разумный эгоизм, поэтому люди, которые достигли успеха, более эгоистичны, в хорошем смысле слова, и в какой-то мере склонны преуменьшать роль тренера.

- Вы начинали как борец?

- .... Был довольно рядовым борцом, и уже в 15 лет понял, что мой путь - путь тренера.

- Тренер ведь сродни педагогу. Вас привлекала именно эта составляющая?

- Тут сложнее. Многие ошибочно описывают меня как тренера-менеджера. Они просто не понимают сути этой работы.

Тренер - многогранная личность. Он и психолог, и спортивный врач, и дипломат, и финансист, и организатор. Те, кто считает, что тренер - это просто человек в зале, никогда не достигнут вершин. Такой подход особенно опасен в российских условиях, где если сам не сделаешь, то и никто не сделает. Например, в ГДР тренер только обучал, для остального были прочие люди.

Я считаю, что хороший тренер - всегда высокообразованный человек. Он должен знать и физиологию, и анатомию, и фармакологию, и биохимию. Именно такими были мои кумиры - Александр Гомельский, Анатолий Тарасов, Владлен Андреев и, конечно, мой учитель Харис Юсупов.

- Вы сказали, что тренер должен быть психологом. Вероятно, чтобы нащупать сильные стороны каждого ученика, не только физические?

- Конечно. Чемпионом без тренера не стать, как бы ни был одарён человек от природы. У каждого тренера своя пирамида восхождения для конкретного человека. Вот, например, олимпийский чемпион Мансур Исаев. Он импровизатор, подвижный как ртуть, прибегает к нестандартным решениям. Я ему говорил: «Ты должен быть ловок и быстр, как барс, но при этом непримирим, как волк!» Борьба - это же поединок характеров. Тренер не имеет права подходить ко всем с одинаковой меркой.

- Как вы относитесь к тренерам, которые делают ставку на злость, наме-

ренно выводят воспитанников из равновесия?

- Я так не работаю. Это опасно, может быть психологический срыв у спортсмена. Хорошо настраивал себя, заводил перед поединком Виталий Макаров. В подобном отношении он был близок к идеалу, особенно это касалось главных стартов: чемпионатов мира и Олимпийских игр. Он всегда знал, чего хочет добиться в соревнованиях, и настраивался на максимум. Об этом говорят «золото», «серебро» и «бронза» с чемпионатов мира, «серебро» с Олимпиады в Афинах.

- А позволяет ли спортсмену спорить с тренером?

- С тренером не только можно, но и нужно спорить - при условии, что у тебя есть доказательства, аргументы. Настоящий боец не ждёт, как кукушонок, когда ему всё в рот положат.

- Есть ли у спортсменов из определённых стран свои особенности? Например, насколько опасны японцы?

- Есть азиатская классическая школа, в которой работают те же японцы, корейцы. Они отличаются тем, что доводят до автоматизма технические действия. В каких-то ситуациях это преимущество, в каких-то - нет. Японцев можно просчитать, тогда как, например, Исаев непредсказуем.

- Какой главный плюс от прошедшего в Челябинске чемпионата Европы по дзюдо?

- Челябинск лучше узнали за рубежом. А ещё хотелось бы отметить вице-президента Федерации дзюдо России Дмитрия Черных, который сумел всех убедить, что проведение чемпионата в городе возможно. Благодаря ему в олимпийских видах спорта начали платить достойные гонорары. Это стало примером и для других регионов, и для иных видов спорта. Все привыкли, что большие деньги обычно платят в игровых видах, а это несправедливо: в том же дзюдо для достижения результатов прикладываются невероятные усилия! И когда говорят про миллион, врученный Исаеву, не надо забывать: в дзюдо не исключено, что это случится только однаж-

ды.

- Спорт оставляет место для чего-то другого?

- Я ценю общение с интересными людьми, у кого можно чему-то поучиться. К сожалению, не хватает времени на то, чтобы прочесть сто книг, обязательных для любого культурного человека. Впрочем, 60% из этого списка я прочёл.

- В семье ваши тренерские навыки

пригодились?

- У нас в семье целых три лидера. Кроме меня, настоящий лидер - моя первая жена Алевтина. Во многом благодаря ей, да и мне, наверное, наша дочь Ольга тоже продемонстрировала настоящие бойцовские качества. В этом году вошла в рейтинг топ-менеджеров России, возглавляя одну из крупных транспортных компаний.

Из биографии Ирины Штаух (урожд. Шифердекер)

Родилась 5 декабря 1930 года в селе Марино Днепропетровской области. Семья состояла из родителей и пятерых детей. Отец был кузнецом, мать периодически работала в детском садике и поваром на разных работах в колхозе, а в основном воспитывала пятерых детей.

В семье часто звучала музыка, так как и со стороны отца и со стороны матери все были музыкальны и играли на разных инструментах. У нас в семье отец играл на гармошке, мама и старшая сестра на гитаре, брат на мандолине. Я в основном неплохо танцевала и мне пророчили в будущем стать хорошей танцовщицей. Любовь к танцам сохранилась у меня и до сих пор. Вечерами, когда наша семья была в сборе, в нашем доме начиналось веселье, часто звучали песни, которые больше всех пела моя средняя сестра Катя. Она была певунья, любила петь и танцевать. Пели в семье в основном на два-три голоса. А мы с братом в основном импровизировали – была полная свобода. Кроме того, семья мамы пела в церковном хоре на три голоса, когда это еще было возможно (пока церкви не закрыли). А вообще могу сказать, что все наше село было музыкальное.

Но тут война... Мы оказались в числе многих таких же семей в эвакуации. Вот тут я и прошла суровую и жестокую трудовую школу, школу мужества и испытания на прочность.

В конце 1943 года, когда начали отступать немецкие войска, со стороны немецких властей было приказано, чтобы все семьи совет-

ских немцев собрались в течение 24 часов и погрузились на телеги с конной упряжкой и начали двигаться под охраной местных полицейских в сторону запада (вопроса, хочешь ты этого или нет, - не стояло, наоборот).

И так мы обозом двигались около двух месяцев, практически день и ночь мучительная дорога. В городе Винница у нас на очереди уже стояла погрузка в вагоны для отправки в Польшу. В начале 1944 года мы прибыли в Польшу в город Spatenfeld около Kalisch. Там сначала попали в лагерь, а потом нас разместили по квартирам местных жителей. Но это длилось недолго. При дальнейшем отступлении немецкой армии нам снова предстояло кочевать уже дальше в Германию. Эти тяжелые муки дороги стоили жизни многим. В 1945 году мы прибыли в город Eisleben и там несколько месяцев работали у помещика на полевых работах до прихода сначала американских, а потом и советских войск. В августе этого же 1945 года был издан приказ: всех советских людей вернуть на свою Родину. Вот тут и прошли мы суровую жестокую школу.

Нас погрузили как скотов в товарные вагоны и до границы мы передвигались еще куда ни шло, но как только мы пересекли границу с Советским Союзом, так тут же по отношению к нам «забылось» все, что нам перед этим обещалось. Нас опять везли два с лишним месяца в жутких условиях и наконец выгрузили в Соликамске. Поселили в бараке в Березняках, а потом уже распределяли – кого куда. Нас отправили в Пермскую об-

ласть (которая тогда еще называлась Молотовская) на лесозаготовки в Лысмановский леспромхоз. Выгрузили нас в лесу, где стоял барак. Был мороз в 30 градусов. Немецких семей было при этом мало, в основном были греки, болгары, чечены, татары... – всех обвиняли в измене Родине. Условия были жуткие...

Здесь мы начали осваивать профессию лесоруба, а для того, чтобы выжить, очень старались – пока были на это силы! – выполнять норму, чтобы получить для этого выживания соответствующую оплату, а также как дополнительную надбавку ткань или пару обуви, которые можно было обменять у местных жителей на картошку, капусту и прочие продукты, и с помощью этой поддержки-добавки питания продержаться до весны, пока в лесу не появятся крапива, ягоды и грибы. Так оно и было. Мы даже выбились в «стахановцы». Начальство было довольно нами. Вот тут-то, на лесоповале, я и устраивала переключки «йодлем» – здорово помогало! Но я никак не могла смириться с нашим положением и никак не желала пустить на этом свою судьбу на самопроизвол.

Мы с моей мамой все чаще «закидывали удочки» перед начальством леспромхоза на счет моей дальнейшей учебы. Он нам только разъяснял, что мне это все равно ничего не даст в дальнейшем, потому что дальше седьмого класса меня не пустят – просто не позволят учиться дальше. А сама семилетняя школа находилась в селе Троица в трех километрах от нашего леспромхоза. Отлучаться от места жительства дальше трех километров нам было нельзя – это было наказуемо двадцатью годами тюрьмы. Мое желание учиться было настолько велико, что я говорила: если не разрешите учиться, то я уйду (хотя сама не знала – куда?!)

Моя мама всегда говорила, что наше положение временно, что власти разберутся и мы опять будем свободными. Она взялась за мой вопрос и продолжала умолять отпустить меня, ну хотя бы закончить семилетку. И под давлением жены начальника леспромхоза комендант дал устное согласие: «Делайте, что хотите, я ничего не знаю».

И мы пошли на это. Я обратилась к директору Троицкой семилетней школы Тюлюпо, он мне категорически отказал (он сам был участником войны), но я не сразу вышла из

кабинета, я чего-то ждала, мне не верилось, что мое большое и почти безнадежное желание (для седьмого класса я была уже переростком, да к тому же немкой с оговоренными условиями) все же останется неосуществимым. Но как это часто всегда бывает, что помогает людская доброта, так произошло и со мной. Парторг Мария Николаевна сказала мне: «Девочка, выйди и подожди в коридоре». За дверью я услышала, как она доказывала директору школы, что всю ответственность она возьмет на себя. А так как она считалась сильнейшим пропагандистом области, то он сдался. Так я начала посещать Троицкую семилетнюю школу, которую и закончила в 1948 году.

В том же году я решила пробиваться дальше и стала писать просьбы в Пермь-Сергиенский район и областную комендатуру разрешить мне учиться в Перми. Разрешение пришло только в сентябре, когда уже все вступительные экзамены во все учебные заведения были завершены. Видно, на это и рассчитывали. Но мне опять помог случай. К нам в Лысмановский леспромхоз приехали по направлению девчата из города Пермь на временную работу. И одна добрая и симпатичная девушка влюбилась в моего брата. Тем самым и я познакомилась с ней. И когда я рассказала, что очень хочу учиться и жду разрешения на выезд в город Пермь, но его все нет и нет, а время уже поджимает, то она предложила мне поехать туда самой – нелегально для моего положения ссыльной немки – вместе с ней, чтобы найти и использовать последнюю возможность поступить в какое-нибудь учебное заведение, лишь бы не упустить последний шанс, т.е. не потерять еще один год – а там видно будет. Так мы и сделали. Последний срок приема в 1948 году в городе Пермь был в в горно-машиностроительном техникуме, который только что тогда открылся. Разыскав его адрес, я не задумываясь пошла туда с моими ненадежными документами – свидетельством об окончании Троицкой семилетней школы и справочкой, что нахожусь на спецпоселении.

Я с трудом нашла временное тогда помещение техникума и обратилась к помощнику, затем зашла в кабинет директора. Но в это время там находилась завуч Надежда Михайловна – и когда я показала ей свои бумажечки и она посмотрела на них и на меня, вернула

мне мои бумаги и резко сказала: «Мы не принимаем неблагонадежных». Когда я услышала эти убийственные слова, сказанные ею, то, видимо, я уже была внутренне подготовлена к отношению к нам, потому что я тут же вступила в бой. Я задала ей вопрос: пусть она мне ответит, в чем конкретно заключается моя и вообще наша неблагонадежность и тут же параллельно стала ей что-то доказывать. И мои последние слова были: «Если Вы не примете мои документы (бумажки), то я пешком до Москвы дойду и докажу, что моей вины в том, что произошло, нет».

В это время зашел директор Тихонов и услышал мою горячую речь. Он внимательно на меня посмотрел и приказал принять мои документы на сдачу экзаменов. И уже от него я опять услышала те же самые слова, которые слышала однажды от парторга Троицкой семилетней школы: «Ответственность я возьму на себя».

Но осадок к этой женщине, завучу горно-машиностроительного техникума, остался у меня по сей день. Хотя она вела в техникуме математику и считалась грамотным преподавателем, тем не менее каждый ее урок был для меня самым тяжелым именно с моральной стороны. Но все четыре года я старалась оправдать своей хорошей учебой свое желание к знаниям, хотя далеко нелегко было мне учиться без фундамента знаний шестого класса, которого я не посещала по вине войны.

Учиться надо было только на «4» и «5», иначе не давали стипендию, а без стипендии и я бы не имела возможности учиться, так как наша семья жила в 1948 году еще в очень трудных условиях, и я старалась раз в месяц «зайцем» (без билета) приехать домой и на сэкономленные от моей стипендии деньги купить и привезти им еще кулечек муки или сахара.

Да, разрешение от комендатуры на учебу я все же получила, хотя с опозданием, но я уже была готова к экзаменам и сдала их на «4» и «5», тем самым обеспечив себе стипендию. Правда, большая моральная поддержка опять была у меня: в первый же день сдачи экзаменов я перед аудиторией встретила с очень симпатичной и скромной девушкой и решила ее спросить, как она чувствует себя перед сдачей «диктанта» (на русском языке). Она ответила: неплохо. Она действительно была

хорошо подготовлена. Я ей честно ответила, что не очень, но что экзамены мне обязательно надо сдать и не ниже, чем на «4», иначе я не буду иметь возможности учиться – не будет стипендии. Я, видно, ей понравилась, и она сказала, что давай сядем за одну парту (хотя варианты сдачи были разные) и если я замечу у тебя ошибку, я тихонько подскажу. Это придало мне смелости и я действительно написала на «4». Одну или две запятые она мне подсказала. На все остальные предметы я шла уже увереннее.

Эту девушку звали Нина Мартемьяновна – и с ней мы подружились на всю жизнь. Все годы учебы мы поддерживали друг друга, после окончания техникума взяли назначение на один и тот же машиностроительный завод по выпуску горно-шахтного оборудования и комбайнов для добычи угля в город Копейск, Челябинской области. Жили вместе в общежитии, работали вместе в техбюро. Это здорово иметь подругу, дорогого человека на всю жизнь. Сейчас она проживает в городе Тольятти.

На этом машиностроительном заводе имени С.М. Кирова я и проработала с сентября 1952 по апрель 1992 года 13 лет: с 1952 по 1963 год как инженер-технолог в цехе, а с 1964 года – 27 лет – инженером-конструктором в отделе главного технолога.

В 1956 году я вышла замуж. Родила сына, потом дочь и в настоящее время мы имеем двух внуков и двух внучек.

В общей сложности я проработала на заводе 40 лет. Завод и свою работу я любила и, конечно, людей. Работа была не в тягость (мне на заводе было хорошо), а отдых был в радость. Я чувствовала себя на заводе прекрасно и всю жизнь шла очень охотно на работу. С первого дня я включилась в общественную и спортивную жизнь завода. Более 35 лет параллельно работе преподавала специальные предметы в УКК (учебном комбинате) по приказу директора; сама часто ездила на курсы повышения квалификации, что мне много давало, чтобы чувствовать себя специалистом.

Спорт тоже для меня был важен, и я многие годы защищала честь завода по разным видам спорта (легкая атлетика, волейбол, лыжи, коньки, стрельба) в общем многоборье и даже занимала призовые места.

В самодеятельность, которая тоже была нужна, я тоже записалась одной из первых – в хор. Через несколько лет хор инженерного корпуса получил название «народный». Время шло. Музыка сопровождала меня всю жизнь – и в трудные, и в веселые времена.

Наверное, моя активность объяснялась тем, что мое детство было испорчено войной и долгие годы после войны, а всегда было желание как можно больше знать и делать и поэтому я успевала хотя бы «крылом задеть» все это, как поется в песне. Что еще возможно было наверстать, я пыталась делать, и во всем, что мне удалось еще «догнать» и «нагнать», я получала большую радость и удовлетворение.

Я даже не могла после достижения пенсионного возраста решиться уйти с завода. И только когда мое увлечение петь в ансамбле «Кристалл» стало большим и появилась возможность немного увидеть мир за счет наших концертов, куда нас приглашали (а приглашений было немало), я достаточно легко рассталась с работой и заводом. Мое новое увлечение, частые встречи с новыми и интересными людьми дополнили и расширили мои интересы. Я увлеклась новой и притом тоже интересной жизнью – пением. Спасибо судьбе и всем, кто мне в этом помогал.

В ансамбль народной немецкой музыки «Кристалл» я попала по приглашению его руководителя Альберта Ивановича Бернса. Его задумка создать немецкий ансамбль началась с возрождением национальных культур и с наступлением потепления по отношению к советским немцам в 1987 году. С большим трудом удалось страстному пропагандисту немецкого фольклора Альберту Ивановичу собрать энтузиастов самодеятельной сцены, умеющих играть на различных инструментах, а также по крупицам подбирать репертуар. И все же ансамбль был создан. Первое его выступление было в 1987 году в деревне Добринка Саратовской области, которую 225 лет назад заселили первые Поволжские немцы. Жители Поволжья тепло встречали самодеятельных артистов. Это было выступление вместе с артистами немецкого драмтеатра.

Название ансамбля «Кристалл» было дано, как показатель различных граней национального творчества.

После гастролей Альберт Иванович продолжал собирать по крупицам немецкий фольклор. Ему помогали пенсионер Иван Иванович Менгель, Роберт Иванович Шнейдер, Александр Александр Шрейдер и другие. Они были музыканты, но требовались еще солисты, знающие немецкий язык и имеющие желание петь. Первый солист был Менгель. И тут-то Бернс вышел на меня, так как наш хор инженерного корпуса был уже известен под именем «народный». Это известие-приглашение участвовать в немецком ансамбле мне принес мой сын, который занимался у А.И. Бернса в эстрадном ансамбле. Я думала над этим предложением две недели, а сыну сказала: «Сынок, поздно уже в моем возрасте выходить на сцену. Поезд ушел. Сцена для молодых». Он второй раз напомнил мне об этом предложении. И я решила пойти послушать ансамбль. Музыка мне понравилась, но что им нужны солисты для исполнения немецких народных песен – это тоже было ясно.

В действительности ребята как раз готовились к поездке в Алма-Ату в конце февраля 1990 года, куда их пригласил коллектив немецкого драмтеатра для участия в большом фестивале, посвященном 10-летию воссоздания Театра. И Альберт Иванович упросил меня съездить с ними, но для этого надо было подготовить некоторые песни. Это мы совместно и сделали.

Ансамбль был маленький, но прочный и слаженный. Репертуар составлялся всеми.

И вот я решила выйти на сцену с микрофоном – до этого я пела только в хоре. Мои руки так дрожали, но уже после первой песни «Morgen will mein Schatz verreisen» я стала успокаиваться, потому что публика была отличная – и я решила еще и на тирольские песни. Это было воспринято на «бис!». И без ложной скромности можно сказать, что наш «Кристалл» был признан одним из лучших коллективов на этом фестивале немецкого драмтеатра. После выступления в Алма-Ате и окружающих селах в конце февраля 1990 года мы стали получать больше и больше приглашений. Последующие выступления были на всех Фестивалях Немецкой Культуры, начиная от Второго Фестиваля самодеятельного немецкого творчества в октябре того же 1990 года.

За небольшой срок работы ансамбль «Кристалл» добился поразительных результатов. Об этом ярко свидетельствовали восторженные заметки поклонников немецкого фольклора в газетах «Фройндшафт», «Нойес Лебен» и местных копеечных газет.

В начале июня 1992 года мы съездили на гастроли в Германию – нас пригласило Землячество российских немцев-переселенцев на свою раз в два года проводящуюся встречу в Штутгарте. Но затем в 1992-1993 гг. наш ансамбль распался по причине того, что некоторые из его членов получили вызовы на постоянное проживание в Германии и покинули нас. Кстати, в настоящее время все до одного члены нашего бывшего ансамбля «Кристалл» проживают в Германии. Но и с 1993 по 1996 год включительно я продолжала работать, т.е. давала концерты во многих городах (Калининград, Ленинград, Микачево) и селах России и СНГ при поддержке и опеке Международного союза немецкой культуры города Москвы, которым руководил и руководит Генрих Мартенс. За это время мне аккомпанировали разные музыканты. Особенно запомнился и часто вспоминается подмосковный духовой оркестр под руководством дирижера Владимира Каутера.

Имела счастье побывать с гастролями в Дании и Словакии. Прием был отличный. Мой последний концерт перед переездом в Германию состоялся 25-го декабря 1996 года – это был Рождественский концерт, а 29-го я была уже в Берлине. Первые пару месяцев были напряженными, приходилось много заниматься бумагами, а уже в марте 1997 года я познакомилась с существующим коллективом переселенцев INA.

А дело было так: я уже не рассчитывала продолжать петь, но, побывав одно время в лагере и постепенно познакомившись с жизнью в Германии, я почувствовала, что меня снова тянет к музыке. И когда мне подсказали, куда можно пойти, где встречаются друг с другом люди, приехавшие из России и СНГ, из своего вечного любопытства я и пошла по названному адресу «Voxhagener Straße, 18» (ансамбль INA), где и встретила людей, которые уже знали меня по моим выступлениям в России. И я поняла, что мне снова надо включаться, что песни и музыка помогут нашим людям легче вживаться в новое общество и мне это не помешает.

Итак, первый коллектив, который называется INA, был и останется первым звеном моего увлечения музыкой в Германии. Я по-прежнему пою, где в этом бывает нужда, где меня принимают и где мы взаимно вместе с нашей публикой получаем удовольствие.

INA - это хор и инструментальная группа из четырех человек:

Артур Беккер – домбра,
Валерий Игнатенко – аккордеон,
Александр Гартман – альт-балалайка,
Роман Карастан – бас-балалайка.

В год хор и ансамбль дают примерно 70-80 концертов. Мы облегчаем интегрирование переселенцев, мы вспоминаем те песни и ту часть немецкой культуры, которая и тут уже частично забыта. Но мы поем и русские песни, потому что и немцы их любят. Мы постоянно обновляем свой репертуар и всегда имеем много приглашений.

Прошло уже более десяти лет с той поры, как я вышла на сцену. Но я по-прежнему ищущу и готовлю новый репертуар, т.е. расширяю возможности того, что я могу «выдать». Кроме народных песен я с большим удовольствием пою шлягеры и притом чувствую, что сама получаю от этого большое удовольствие и слушатели принимают их хорошо.

Меня часто спрашивают, где и как можно приобрести аудиокассеты или CD. На этот вопрос я отвечаю прямо: такой возможности у меня не было и нет – нет ни одной подготовленной аудиокассеты и ни одного выпущенного CD. Я только могу давать душевные концерты – как с музыкальным сопровождением, так и без него. Видно, это моя дорога и я по ней иду и так и живу. Общение со зрителями – это моя жизнь. Я могу быть довольна, что мне еще удалось хотя бы крылом коснуться музыки и искусства.

В душе еще столько не выданного, а годы пролетают молниеносно. А я все равно рвусь в бой. Я просто люблю хорошую музыку и песни независимо от того, на каком языке они поются. Что касается тирольских песен, то они доставляют мне удовольствие еще и тем, что я могу «jodeln» и притом с разной импровизацией и чувствовать при этом полную свободу.

P.S.: К сожалению, Ирины Штаух уже нет с нами.

Татьяна Синецкая

Веккер Владимир Павлович

Композитор

60 лет со дня рождения

Творчество В. П. Веккера - одна из самобытных страниц отечественной музыкальной культуры. Многочисленными нитями его композиторская, педагогическая и исполнительская деятельность связана с Уралом. Вместе с тем, он никогда специально не культивировал уральскую тему, считая, что это неизбежно ограничит его возможности как композитора. Основные направления его творческой деятельности - это симфоническая, камерно-инструментальная, народно-инструментальная музыка, вокальный жанр, представленный многочисленными песнями и романсами. Владимир Павлович Веккер родился в шахтерском г. Копейске. В семье существовали прочные и своеобразные музыкальные традиции. Бабушка Владимира была известной в округе гармонисткой; с гармонью-двухрядкой она неизменно появлялась на праздниках, гуляньях, свадьбах. Талантливым музыкантом-самоучкой был отец, который прекрасно играл на гармонии и баяне по слуху, выучил нотную грамоту, переписывал понравившиеся произведения, пытался сочинять и стремился приобщить к музыке своих детей.

В выборе Владимиром будущей специальности определенную роль сыграла встреча с преподавателем музыки общеобразовательной школы, хорошим баянистом. Первое же творческое задание - разучивание «Марша веселых ребят» И. Дунаевского - показалось увлекательным и вполне доступным. Однако в музыкальную школу поступать было уже поздно. Оставалась возможность занятий в кружке городского Дворца культуры. За год Владимир подготовил программу, позволившую ему поступить сразу во второй класс музыкальной школы, которую он окончил за три года вместо положенных пяти.

Это был период и первых композиторских опытов. Юному музыканту особенно нравилось сочинять вальсы, которые он записывал в специальную тетрадь. Большую роль в стимулировании этой деятельности сыграл педагог детской музыкальной школы Н. П. Козиненко. У Владимира возникает потребность в пополнении музыкальных знаний. Он выписывает специальные музыкальные журналы, приобретает учебники по гармонии и инструментовке. Одновременно у будущего композитора активизировалась исполнительская деятельность. Он увлекся эстрадной музыкой. В короткий срок во Дворце культуры был освоен кларнет, пользующийся в те годы большой популярностью у молодежи. Под руководством 14-летнего музыканта начал работать школьный эстрадный ансамбль, репертуар которого формировался на основе популярных эстрадных мелодий. На выпускном экзамене по специальности в музыкальной школе прозвучало авторское сочинение юного музыканта - "Вальс" для баяна.

Успешно выдержав конкурс, Владимир поступил на народное отделение Челябинского музыкального училища им. П. И. Чайковского в класс баяна П. М. Анохина (1963-1967). Существенное влияние в этот период оказала на него встреча с композитором М. Д. Смирновым, ставшим его наставником и консультантом по сочинению. На заключительном экзамене в музыкальном училище он дирижировал своим произведением - «Концертной пьесой» для баяна с оркестром русских народных инструментов.

Все, казалось, вело к тому, чтобы завершить музыкальное образование в вузе на исполнительском факультете, однако Веккеру на время пришлось оставить это намерение. Судьба рассудила иначе. Сам

композитор вспоминает: «Я странным образом попал на композиторский факультет. После армии я поступал как баянист на заочное отделение Уральской консерватории, куда в 1970 году был очень большой конкурс: 12 человек на место. Абитуриенты были очень сильные, а баян был необычайно престижным инструментом в отличие от сегодняшнего дня. Программу сыграл неважно, я это чувствовал, - сказался перерыв в занятиях. Но когда почувствовал, что в консерваторию могу вообще не попасть, решил воспользоваться рекомендацией М. Д. Смирнова и показать свои сочинения прошлых лет профессору консерватории, композитору Л. Б. Никольской. Эта встреча, по существу, изменила все планы. Через полгода, сдав экзамен по композиции, уже курсовой, я окончательно перевелся на композиторский факультет.

Годы учебы в консерватории (1970-1975) - это период широкого знакомства творческой молодежи с достижениями отечественной и зарубежной музыки. В классе по специальности Владимир старался идти своим путем. Не всегда выполняя программу «в мелочах», брался сразу за крупную форму. Так, одним из первых его консерваторских сочинений стала «Соната для фортепиано», судьба которой сложилась весьма удачно.

С 1975 по 1994 г.г. композитор жил и работал в Челябинске. По окончании консерватории он был направлен на работу в Челябинский государственный институт культуры (ныне академия культуры и искусств) на кафедру народных инструментов. Ему удается гармонично сочетать педагогическую и творческую деятельность. Результатом успешной педагогической и научно-методической работы стало присуждение Владимиру Павловичу в 1991 г. ученого звания доцента. Самостоятельная творческая работа способствовала более полной и разносторонней реализации композиторского таланта.

В 1981 г. он стал членом Союза композиторов СССР. Веккер активно включился в общественно-творческую жизнь: участвовал в работе областных и городских жюри

смотров художественной самодеятельности вузов, производственных коллективов, Домов и Дворцов культуры; проводил консультации и семинары с самодеятельными композиторами, организовал собственный творческий коллектив - вокально-инструментальный ансамбль «Катерина»; участвовал в творческих поездках по Восточно-Казахстанскому пограничному округу, БАМу в составе агитпоезда газеты «Комсомольская правда»; с ансамблем «Катерина» представлял творческую молодежь в Свердловске, Тюмени, Алма-Ате. Композиторская деятельность В. Веккера не остается незамеченной. В 1982 г. за Вторую симфонию и цикл песен ему присуждена областная молодежная премия «Орленок».

Композитор последовательно обращается к симфонической музыке. Для него она становится жанром, позволяющим с наибольшей полнотой воплотить сложные проблемы современного бытия. В 1976 г. состоялась премьера его Первой симфонии. В феврале 1978 г. Владимир Павлович завершил работу над новым симфоническим сочинением под названием «Каприччио в стиле бит», в котором был, по сути, продолжен и углублен эксперимент: поиск синтеза классического стиля в области симфонической музыки и художественных особенностей бита (первое исполнение «Каприччио» состоялось в апреле 1978 г. в г. Челябинске под управлением В. Васильева, главного дирижера Челябинского театра оперы и балета им. М. И. Глинки). Весной 1979 г. в программе фестиваля «Уральские зори» состоялась премьера Второй симфонии (дирижер А. Фридендер, солистка Г. Зайцева). Произведение обратило на себя внимание новизной музыкального языка, неожиданным по колориту интонационным строем, близким музыке негритянских и латиноамериканских народов. Несмотря на то, что композитор не объявлял программу симфонии, яркая образность, его национальная окраска позволяют предполагать наличие конкретного замысла, связанного с судьбой народов, живущих в самых «болевых» точках нашей

планеты.

Начало 1980-х гг. отмечено возросшим интересом В. Веккера к классической традиции. В это время созданы такие произведения, как Третья симфония, Сюита-ретро, четыре песни в стиле русского романса на стихи А. Фета.

К концу этого десятилетия в программы симфонических концертов челябинских композиторов вошли две симфонические сюиты из балета по древнегреческим мифам «Тезей», завоевавшие симпатии слушателей красочной, выразительной, ярко театральной музыкой, сочной, колоритной оркестровкой.

1989 г. ознаменован завершением одной из самых значительных работ композитора - оперы «Аносов» по пьесе К. Скворцова «Отечество мы не меняем». Этот сюжет воплощает уникальные и значительные страницы истории Урала, связанные с открытием секретов плавки знаменитой уральской булатной стали. Любовь к Родине, готовность к самопожертвованию во имя ее независимости, прославление человека-творца - в центре этого сочинения. Многие его фрагменты прозвучали в радио- и телепередачах, концертных программах. Однако сценического воплощения опера, к сожалению, пока не получила.

Необычайно плодотворна композиторская деятельность В. Веккера в области создания сочинений для русских народных инструментов. Здесь представлены все жанры - от миниатюры до концерта с оркестром. Среди челябинских композиторов именно Владимиру Веккеру принадлежит приоритет в создании произведений для баяна - более десяти произведений. Им написаны два концерта для баяна и камерного оркестра, три сонаты для баяна, две сюиты и отдельные пьесы для этого инструмента, «Скерцо», «Хорал и fuga», программная концертная сюита «Русские мотивы», «Уральская фантазия» и др.

«Уральская фантазия», написанная В. Веккером в 1988 г., представляет собой иное в сравнении с сонатой направление в исполнительском баянном искусстве. Если соната в значительной мере обращена к ин-

теллекту, то фантазия - классический образец виртуозной концертной музыки. Композитор сочинил два концерта для баяна с оркестром. Несмотря на то, что оба произведения написаны сравнительно недавно, их путь к слушателю уже начался, и весьма успешно. Первый концерт для баяна и симфонического оркестра имеет две даты рождения: 1977 и 2001 г.г. Вскоре после окончания консерватории молодой композитор обращается к жанру концерта, считая своей важнейшей задачей пополнение концертного репертуара баянистов современной музыкальной литературой. После 20-летнего перерыва музыкант решил вновь вернуться к этой музыке, в корне ее переработав. При этом принципиальные моменты формы были сохранены, однако инструментовка, регистровка, в значительной мере, - партия солиста, состав оркестра (камерный) - все это подверглось коренной переработке. Таким образом, сочинение практически было написано заново.

Немало интересных сочинений композитор создал для балалайки: три пьесы-соло, Соната, Детская сюита, Интермеццо. Безусловно, особое место в этом ряду занимает Концерт для балалайки с оркестром русских народных инструментов, премьера которого состоялась в декабре 1991 г. Оркестровая музыка В. Веккера для народных инструментов связана целиком с танцевальными жанрами, которые являются для него средством воссоздания определенной эпохи, конкретных национальных характеров. Органично вошла в исполнительскую практику «Ретро-сюита» № 1, написанная в 1984 г. В 1990-е гг. композитором созданы «Ретро-сюиты» № 2 и № 3, в которые включены танцевальные жанры, широко распространенные в 1950-х гг., годах детства композитора.

В творческом активе композитора - около 100 песен, хотя сочинять вокальную музыку он начал уже после окончания консерватории, в 1975 г. Первый песенный период приходится на время создания им в 1975 г. вокально-инструментального ансамбля «Катерина», который явился своеобразной творческой

лабораторией. Именно в этом коллективе сложился исполнительский стиль, отмеченный строгой требовательностью к чистоте интонирования, характеризующийся ровностью ансамблевого строя, корректностью эстрадной манеры, высокой культурой инструментального исполнения. Он не стал, как многие ансамбли в те годы, однодневкой, просуществовав более 10 лет. Его первые участницы ушли в профессиональное искусство (Н. Солодовник - орган, вокал; Н. Моишеева - гитара-бас, вокал; Е. Зоткина - ударные, вокал; Т. Кислова - орган, вокал; Л. Бойкова - гитара, вокал). Для В. Веккера работа с «Катериной» стала школой, позволившей приобрести опыт и мастерство в вокальном жанре. Именно в этом ансамбле родились ставшие для многих любимыми песни «Все от России», «Летняя песня иволги», «Зимушка-зима», определившие характерные черты песенного стиля композитора: естественность и непринужденность мелодического движения, стремление к индивидуальному прочтению поэтического текста, преобладание мягкой лирической интонации, высокая гуманистическая направленность содержания. Невероятную, повсеместную популярность приобрела песня «Челябинск, ты - моя любовь» (стихи А. Куницына и В. Веккера). В поисках литературного материала для песен музыкант нередко обращается к поэзии своих земляков, поэтов-уральцев. Среди этих авторов: Л. Кузнецов, М. Шанбатуев, А. Куницын, И. Грицай, В. Лебедев, В. Сляднев, Л. Чернышов. Большую группу образуют песни на стихи Л. Татьяничевой: «Песня об Урале», «Магнита», «Пою о России моей», «Молодые города», «Мне бы только успеть» и другие.

Осенью 1994 г. Владимир Павлович с семьей переехал на жительство в Германию, оставшись членом Челябинского отделения Союза композиторов России. Нелегкое время освоения другой страны прак-

тически не отразилось на его творческой продуктивности. За время пребывания в Германии он написал более 30 произведений для фортепиано, включающих сонатную форму и миниатюры.

Ежегодно композитор приезжает в Россию, знакомит своих коллег с новыми работами, встречается с исполнителями, выступает с концертными программами. Одно из наиболее крупных событий связано с участием В. Веккера в традиционном международном фестивале «Баян-аккордеон», прошедшем в г. Челябинске с 4 по 11 ноября 2002 г. Интересной и запоминающейся стала творческая встреча композитора с музыкальной общественностью г. Челябинска, которая прошла 5 ноября в камерном зале Академии культуры и искусств. Можно было увидеть результаты той деятельности, которую Владимир Веккер ведет в Германии: с одной стороны - академическая научная работа, сотрудничество с издательствами и фирмами звукозаписи по внедрению своих крупных сочинений в музыкальную жизнь Германии и Европы; с другой - практическая деятельность по созданию демократичной, востребованной широким слушателем музыки в жанре «фолк». В 2003 г. в Германии издан теоретический труд композитора – «Новая система ладотональностей». В 2004 г. ему присуждена премия за укрепление российско-германских связей в области культуры.

16 мая 2005 г. композитор вновь «отчитался» перед челябинцами - состоялся его авторский концерт с участием государственного русского народного оркестра «Малахит», инструментального дуэта «Маэстро аккордеон», детского хора «Гармония». Важно, что уральский композитор, органично войдя в музыкальный мир другой страны, остается представителем нашей, российской культуры, осуществляет благотворные акции взаимодействия двух государств в сфере музыкального искусства.

Румия Бульхина

Александр Фриш, заслуженный артист России:

«Я рад, что сел в поезд, который привез меня к мечте»

Накануне вечером договаривалась о встрече с известным клоуном, заслуженным артистом России Александром Фришем. «Приходите, – сказал он, – и приносите на завтрак маленькую баночку вишневого варенья». К восьми часам утра я поехала в общежитие Академии искусства и культуры. Без варенья, но с фирменной кружкой 74.ru – в подарок.

По коридору разливалась музыка, на этот звук я и пошла. В номере Александра Владимировича за столом сидели студенты. Все молчали, набрав в рот жидкости. «Вы, наверное, во что-то играете?» – поинтересовалась я. Фриш, с закрытым ртом и раздутыми щеками, показал мне на бутылку с маслом и жестами начал что-то объяснять. После мне рассказали, что каждое утро студенты ЧГАКИ (а Александр Фриш – выпускник Челябинского института культуры) несколько минут держат во рту подсолнечное масло – попадая в желудок, оно прекрасно смягчает его стенки – а потом приступают к традиционному завтраку: геркулесовой каше. Своим рецептом поделился наш знаменитый земляк.

– Нужно промыть овес холодной водой. Подождать 35 секунд, чтобы неочищенные шкурки овса всплыли вверх. Затем вы сливаете эту воду, а в это время у вас на плите закипает вода. Овес – в кастрюлю. Только закипело, вы туда масла. Только закипело, вы туда – сгущенку, мед и в конце – изюм. В это время под подушкой ваших соседей еще осталось тепло после сна, вы эту кашу – под подушку. Зубная щетка уже наготове. Пока чистите зубы, каша пухнет.

– **А вишневое варенье зачем?**

– Мы бы налили его по краю тарелки, постепенно варенье стекало бы в кашу. Очень вкусно! Вариации разные есть. Когда мы были бедными, у нас был только овес и вода. С утра геркулесовая каша очень полезна. Она делает эластичными мышцы. В цирке геркулесовой кашей кормят животных. Так вот, когда мы стали побогаче, добавили в кашу масло подсолнечное. Когда совсем разбогатеем, возьмем

большую тарелку каши и вокруг – йогурт немецкий, французский. Он ложится на края и медленно-медленно стекает к каше. Это уже поэзия.

Под аккомпанемент французских мелодий мы завтракали. Потом студенты ушли на занятия. А у нас с Александром Владимировичем осталось полтора часа до начала его мастер-классов.

– **Что такое «Ателье Александра Фриша»?**

– Это праздник каждый день. Утром вот праздник каши геркулесовой был. Вчера, например, у нас было джинсовое дефиле. Студенты сделали второе рождение своим старым джинсам, которые они уже бросили на антресоли. Одна говорит: «Ой, я джинсами мою пол!» Я ей отвечаю: «Так это ж здорово! Выстирай их, высуши!» Она сделала заплатки, оригинальную вышивку, аппликации. Получилось очень красиво. Дефиле – это парад!

Мы попытались поговорить с ребятами о разном, но все равно говорили об одном: как важно развивать свое воображение, фантазию. Как важно каждый день придумывать праздник: праздник тыквы, рыбы, например. Праздник пива – какая дурь! Мы сделали праздник морковного сока, в нем есть важное качество жизнерадостности. Нужно делать все самому, а не ждать, когда придет цирк. Цирк – это праздник, который приезжает, «искусство трагичное», как сказал Марк Шагал.

– **Кстати, о цирке, Александр Владимирович. Помню, в 80-е годы в цирк ходили все.**

– Сегодня вся ракета «Госцирк» больная. Мы растеряли ее на орбите. Цирк в целом сегодня находится на перепаде: как самолет попадает в воздушную яму. Это неплохо. Просто у каждого в жизни есть этап перепада.

– **То есть цирк может возродиться?**

– Это слово «возродиться» я вообще не люблю! Цирк никогда не умрет! Потому что это дети. А дети – это лучший бизнес.

Куда их деть в воскресенье? Их поведут в цирк.

Почему у нас в центре города казино? Это же разгул, разврат, убийства! А цирк не работает!

– **Но сегодняшние дети не хотят в цирк! Приезжает шапито, они не идут. Дети смотрят сериалы, они ходят в кино с попкорном, в досуговые центры, где устраиваются специальные мероприятия со знаменитостями. Им не нужен цирк.**

– Цирк должен быть нужен государству, как и балет, и театр. Нужны агенты, чтобы искать талантливых артистов по России, помощь администрации. Аллэ! Мы же теряем детство! Нужно фестивали из Москвы перетаскивать в другие города. Организовать в Челябинске детский праздник, пригласить гостей из разных стран. Фестиваль жонглеров, например. У нас есть великий жонглер Сергей Игнатов, его имя занесено в Книгу Гиннеса, его именем названы школы в Калифорнии и в Европе. А я его встретил в Лондоне, он там работает, потому что русский цирк всегда интересовал зарубежных артистов. В Канаде есть французский цирк Дюсалея. Дети русских родителей, которые там работают, спрашивают, что же такое русский цирк? Они приезжают сюда и привозят совсем другой цирк: без животных, с другой эстетикой. Но я за старый наш цирк, с именами Никулин, Карандаш, Попов. Олег Попов, кстати, живет сейчас в Германии и, наверное, приехал бы, если б его пригласили. Нужны люди, которые организовывали бы большие, яркие цирковые мероприятия. Но в России не хотят этим заниматься и всему находят оправдание.

– **Вы считаете, цирк интересен челябинской молодежи?**

– Я провел «Ателье Фриша». Думал, будет желающих человек 25-30, а набралось около ста. Мы проводили мастер-класс в здании цирка. Животных нет, цирк пустой. Мы помыли манеж, я рассказал ребятам об этом уникальном здании в центре города. И они загорелись: мы можем карнавал устроить, и еще то и это! Нужно внедрять новое. Не надо пытаться вытянуть цирк на старом. Молодежь – это новая сила, новые эмоции.

– **После Челябинска, небось, снова в путь?**

– Завтра я улетаю в Швейцарию на фестиваль географии, который проходит в маленьком городе Сан-Дени-Девож. В течение 27 лет там на три дня собираются географы со всей планеты. Каждый год они выбирают страну. В этот раз выбрана Америка. Первый день – это история страны. Второй – кухня: собираются повара из разных стран. И третий – будущее страны.

Случайно в самолете я познакомился в внуками русских, которые живут в Париже и организовали ассоциацию «Франция-Урал». Они так бережно относятся к уральской земле, природе, красной рябине. Я с ними дружу, и они мне предложили участвовать в фестивале, поскольку я три раза объехал земной шарик с цирком и много чего повидал. Тема моего выступления «От Аляски – до Брайтон-Бич». То есть я должен проследить путь: как мы открыли Аляску, через 128 лет продали за семь миллионов 200 тысяч долларов золотом и так далее. Я буду рассказывать о великой русской нации, о русских людях и обо всем интересном, что узнал сам. В Сан-Франциско, например, есть местечко – первое поселение русских с 1812 года – называется Форт-Росс. Там течет русская речка – Russian River. Я знаю маленький город Санкт-Петербург во Флориде, основал который русский. Человек приехал в Америку без копейки, заработал, построил железную дорогу во Флориде, основал город, который назвал Санкт-Петербург. Ему сейчас поставили памятник.

– **Вы много повидали. Какой город вам больше понравился?**

– О каком городе сказал Хемингуэй: «Праздник, который всегда с тобой»? Париж! Там люди все в себе, никто не лезет с вопросами, поучениями. Там прекрасно!

– **Вы работали с Юрием Никулиным. Какие требования у него были к коллегам, артистам?**

– У него было одно требование – не предавать! Он доверял нам, за это мы его любили. Он помог поставить моим родителям телефон в Еманжелинске, помог купить

мне квартиру и получить прописку в Москве. Не мне одному. Принцип Никулина был – помогать людям. Его правилом было: если хочешь жить для себя – живи для других.

– **Сколько языков вы знаете?**

– Никогда второй язык ты не будешь знать, как родной. Ты можешь выучить какой-то раздел. Мои друзья акробаты выучили на английском раздел акробатики. Я рассказываю о том, как делать папье-маше, о дороге, о чемоданах – на французском, на английском, на японском, на китайском. Кстати, в Китае мне больше всего нравится их тост. Они говорят один тост один раз в году: «Я желаю тебе больше денег». И обмениваются конвертами. Нет денег, тоже не беда! Они выпускают к Новому году шоколадные деньги и обмениваются ими.

Так вот, мой родной язык – русский, но прежде других языков, мы выучили на нашей зоне татарский.

– **Почему вы говорите «зона»?**

– Наш маленький Еманжелинск, откуда я родом, был разделен на зонки: зона татар, зона немцев и так далее. Моя бабушка Эдельтруда Эрнестовна Штельцер приехала сюда из Германии через Швецию по работе в Москву. Началась война. Бабушку в Казахстан, а папу моего – ее сына – на Урал, в шахты. Она жила в маленькой квартирке с соседями. Спала на раскладушке, обливалась холодной водой, а утром шла на кухню и варила кофе. Запах жареного кофе – это запах нашего детства. А кашу она посыпала корицей. У них все забрали во время войны. Она только и смогла сохранить баночку корицы и пишущую машинку с немецким шрифтом. Бабушка моя говорила на родном немецком языке, не забыла французский и английский. До своих 89 лет занималась переводами книг о балете, искусстве с этих языков на русский. Так что мы узнали о Дягилеве, о Джордже Баланчине, о великой Павловой, Нижинском еще тогда, когда о них никто не хотел говорить и вспоминать.

– **Вы пошли по стопам отца?**

– Мой отец был уникальным клоуном, танцовщиком – он закончил школу стэпа в

Швеции. Он был клоуном нашего города. По сути, я выполнил мечту своего отца. Папа хотел стать артистом цирка, но ему помешала война. Артистом цирка стал я.

– **Счастливы?**

– Когда мне задают этот вопрос, отвечаю: «Счастлив, что прозвонил вовремя будильник». Мы его ставили в ведро, чтобы не проспять. Мой брат кормил свиней, сестра занималась курами, а я доил корову. Я так счастлив, что не ударил по голове этот будильник, который сам же вечером заводишь, а потом раз – по башке ему! И думаешь: ну посплю еще пять минут, ну еще немножко. И все! Просыпаешь поезд, остаешься на перроне с чемоданом и опаздываешь к своей мечте. Поэтому я рад, что сел в поезд, который привез меня к этой мечте. Мама хотела, чтоб дети ее не были алкоголиками. И нам – мне, сестре и брату – это удалось.

– **Чем ваши брат и сестра сейчас занимаются?**

– Татьяна живет в США, приехала в гости ко мне и вошла в эту страну, как домой к себе. У нее там ресторан «Сибирский пельмень». Потом мы узнали, что пельмени на самом деле придумали китайцы. Сейчас ей надоело лепить пельмени, закончила курсы визажиста, открыла свой салон. Всех же причесывать надо! Брат Евгений вот коз «причесывает» в Еманжелинске. *(Смеется.)* Живет в родительском доме, у него там хорошее хозяйство. Мы часто встречаемся.

– **А ваши дети нашли свое призвание?**

– У меня два сына. Один учится на адвоката, а второй – работал в цирке гимнастом, устал немножко. И сейчас решил попробовать себя в шоу-бизнесе: вроде организатора шоу-программ.

– **Я смотрю, у вас в руках барабан.**

– Мой папа любил раскрашивать жизнь. Однажды он попросил меня привезти барабаны. Я спросил: для чего? Он говорит: «Вези, потом посмотрим». Я вез из Америки через Австралию большие красные барабаны на подставке. Папа попросил, почему не привезти? Ему ведь ни джинсов, ни жвачки не надо было, только барабаны. Представьте, утро, барабаны

стоят перед домом, лавочка. Издалека идет табун, мой одноклассник Витька гонит коров. Папа начинает (*Стучит ладонями по барабану.*) играть на барабане. Одновременно появляется навоз: шмяк, шмяк. Папа любил играть и на губной гармошке, чтобы петухам было весело. Потом он купил тромбон. И коровам весело, и удой молока повысился, и папе хорошо: он медитирует утром на лавочке. Как-то раз соседка говорит маме: «Анастасия Ивановна, что это ваш Фриш не пьяный, а веселый с утра?» Мама взяла и пошутила: «Да у него не все дома!» А соседи, они же сплетники! Новость сразу облетела всех, и стало легче жить: не все дома, и ладно.

Мой папа один из немногих немцев, который не уехал из России. Он говорил: «Все немцы уехали, я не уеду! Мы выжили! Нас Сталин поселил в землянки и в шахты, чтобы мы умерли, но мы выжили!» Папе приснился сон в 44-ом году, что в поле лежит хлеб. Он проснулся, вышел в майке в сорокаградусный мороз, смотрит: в поле холмики лежат. Набрал в майку хлеба, принес домой, и с соседями выжили.

Тем временем мы переместились на кафедру в ЧГАКИ, и снова налили чаю. Александр Владимирович отжал свой пакетик и аккуратно отложил в блюдце:

– Пакетики чайные мы собираем в течение дня, а утром пьем второй завар. Ты же за завтраком пила чай из вчерашних отжатых пакетиков.

– **Какой смысл заваривать пакетик чая еще раз?**

– Во-первых, есть люди, желудок которых не принимает крепкий чай. Во-вторых, вдруг чая нет дома, а у тебя есть второй завар! Это как кусок хозяйственного мыла про запас. Мой папа, когда нашел в поле хлеб, не мог ложиться спать, если в доме нет куска хлеба. Даже когда он приезжал к нам в Москву, жил у нас, спрашивал, есть ли хлеб. Нет? Бежал ночью в маленькую хлебопекарню на Садовом кольце, покупал

булку черного или серого хлеба, а потом спокойно ложился спать.

– **Есть ли фраза, которой вы могли бы охарактеризовать свое отношение к жизни, саму жизнь?**

– Есть! По-французски она звучит так: *colorier la vie*. Это значит «раскрась свою жизнь». Делай многоцветным утро своей жене, каждый день дари праздник зрителям, соседям. (*Смеется.*)

– **Похоже, вам всегда везло с соседями.**

– Да. Потому что нужно начинать с уборки улицы, а не своей квартиры. Наши соседи в Москве поддержали нас: нужно сделать сначала ремонт подъезда – это же увертюра твоей квартиры! Доставляйте радость себе и окружающим! Вот у моего друга Славы Полунина мельница под Парижем. Мы там раскрашиваем жизнь. Четырехэтажная мельница стоит на реке, с дизайном, с комнатами. Там есть даже моя спальня. Это его школа клоунская, мы там стартуем.

– **Вы живете сейчас в Москве?**

– У нас с женой квартира в центре Москвы, на Цветном бульваре. Мы привезли табуретки из Вологды, купили шкафы крашенные, как на Руси раньше были, – так обставили наш дом.

У меня жена француженка – Валери. Мы с ней живем уже всю жизнь. В Советский период она окончила университет в нашей стране. Журналистка по образованию. Когда ей исполнилось 10 лет – в то время она жила в Марселе – проснулась и сказала маме: «Я хочу изучать русский язык». Сама начала учить, познакомилась с русскими, заинтересовалась русской культурой. Потрясающая, смешная, любит Россию. Мы живем в Москве, в Париже и в Нью-Йорке. А осенью – в Еманжелинске. Как у Набокова: «Мечтаю открыть окно и увидеть уральскую осень». Это хорошо, когда у тебя есть несколько мест, где стоят чемоданы. Когда надоест в чемоданах жизнь возить, где-то определимся.

Татьяна Марьина

Фридрих Липс - баянист, покоривший мир, помнит родной Еманжелинск

Фридрих Робертович Липс родился в г.Еманжелинске в обрусевшей немецкой семье. В 1967г. окончил Магнитогорское музыкальное училище им. Глинки (класс баяна Е.А. Кудинова), в 1972г. - ГМПИ им. Гнесиных, в 1974г. ассистентуру-стажировку при институте (руководитель С.М. Колобков). С 1970г. - солист Москонцерта, с 1971г. - преподаватель по классу баяна, с 1976г. - ст. преподаватель, с 1982г. - доцент, с 1989г. - профессор в ГМПИ им. Гнесиных (ныне РАМ им. Гнесиных). С 1996г. Ф.Р.Липс руководит кафедрой народных инструментов РАМ им. Гнесиных. Ф.Липс выступал в крупнейших концертных залах мира (БЗК-Москва, Сантори-холл – Токио, Линкольн-центр – Нью-Йорк, Джон Кеннеди-центр – Вашингтон, Концертгебау – Амстердам) со многими выдающимися музыкантами: Г.Рождественским, В. Спиваковым, Г. Кремером, Ю. Башметом, В. Гергиевым, Р. Кофманом, Йо-Йо Ма и др.

Липс является первым исполнителем более 50 произведений для баяна, в том числе Концертов и Сонат крупных композиторов современности, среди которых С. Губайдулина, Э. Денисов, А.Холминов, Вл. Золотарёв, К. Волков, Р. Леденёв, С. Беринский, Е. Подгайц, М. Броннер, Т. Сергеева, А. Журбин и многие другие.

Среди воспитанников класса профессора Ф.Р. Липса более 30 лауреатов международных и национальных конкурсов.

Липс – автор двух книг: «Искусство игры на баяне» и «Об искусстве баянной транскрипции», а также многочисленных статей по проблемам баянного искусства. Книги и статьи изданы в России и за рубежом в переводе на немецкий и английский языки. Баянист Фридрих Липс – один из самых известных и авторитетных музыкантов России, получивший также широкое международное признание. Многогранная творческая деятельность Народного артиста России, профессора Российской академии музыки им.Гнесиных во многом определяет пути развития академического баяна на современном этапе.

Лауреат Первых премий Всероссийского конкурса (1967) и Международного в Клингентале (Германия, 1969).

В 1972 году окончил Государственный музыкально-педагогический институт имени Гнесиных в Москве (ныне Российская Академия музыки), а затем ассистентуру-стажировку (класс баяна С.М. Колобкова).

С 1970 года – солист Москонцерта, с 1971 – преподаватель кафедры народных инструментов ГМПИ им. Гнесиных, с 1989 – профессор и с 1996 – зав.кафедрой. Среди воспитанников Ф.Р. Липса – более 30 лауреатов престижных международных конкурсов из многих стран мира.

Фридрих Липс гастролирует с сольными концертами в США, Канаде, Германии, Франции, Испании, Италии, Дании, Голландии, Англии, Японии, выступая в крупнейших залах мира: БЗК (Москва), Концертгебау (Амстердам), Сантори-холл, Линкольн-центр (Нью-Йорк), Дж. Кеннеди-центр (Вашингтон).

Принимает участие в работе многих международных конкурсов баянистов (в качестве члена жюри), международных семинаров и летних мастер-классов, фестивалях баянной и современной камерной музыки.

Выступает в камерных концертах в ансамбле с известнейшими музыкантами:

Г.Кремером (скрипка), Вл.Иголинским (скрипка), Йо-Йо МА (виолончель), В.Тонха (виолончель), М.Пекарским (ударные); с дирижерами Г.Рождественским,

В.Спиваковым, В.Понькиным, В.Гергиевым, Ю.Башметом, Д. Лиссом, Ю.Николаевским, Т.Мынбаевым, Л.Пфаффом (Швейцария), Ю. Такахашаи (Япония), Л. Маркизом (Голландия) и др. Ему посвящают свои сочинения Вл.Золотарев, С.Губайдулина, Э.Денисов, А.Журбин, К.Волков, В.Рябов, Т.Сергеева, М.Броннер и др.

Впечатляет обширная дискография артиста. Более 100 произведений записаны для фонда Московского радио. Музыкант выпустил около 30 компакт-дисков, которые вышли в России, Австрии, Германии, США, Японии, Швеции. Компакт-диск с записью Партиты С. Губайдулиной «Семь слов» получил в Париже премию журнала «Золотой диапазон» и был признан лучшим диском 1991 года.

Ф. Липс – автор многих книг и статей, посвященных баянному исполнительству, многочисленных переложений и транскрипций для баяна; инициатор и редактор-составитель многотомной «Антологии литературы для баяна».

К баяну люди относятся по-разному. Одни превозносят до фанатизма, не интересуясь прочими видами исполнительского творчества. Другие, в том числе музыканты, не скрывают своего пренебрежения. Создается впечатление, что серьезная музыка и баян не связаны между собой. Чем вызвано это противостояние? Почему беспорное лидерство русской баянной школы и, в частности, успех челябинских исполнителей часто остаются предметом гордости лишь самих музыкантов-народников? Мой собеседник - народный артист России, лауреат международных конкурсов, профессор Российской академии музыки имени Гнесиных Фридрих Липс.

Гражданин мира и Еманжелинска

Это культовая личность в баянном искусстве. Фридрих Робертович Липс стоял у истоков российской баянной школы. Он виртуоз-интеллектуал, для которого пишут музыку крупнейшие композиторы, музыкант с мировым именем, планирующий свои концертно-фестивальные маршруты на год вперед, автор книг и статей, посвященных искусству игры на баяне. Самое приятное, что этот талантливый человек - наш земляк. Он родился и вырос в Еманжелинске, учился в Магнитогорске. В Москве живет давно, но связей с Южным Уралом не теряет. Недавно Фридрих Робертович приезжал в Челябинск - выступал на открытии VIII международного фестиваля баянистов-аккордеонистов, руководил работой жюри III международного конкурса молодых исполнителей, названного в его

честь «Кубок Фридриха Липса». Несмотря на плотный график конкурсных прослушиваний, ему даже удалось вырваться на несколько часов в Еманжелинск.

- Мэр города вручил мне медаль и удостоверение «Почетный гражданин города Еманжелинска», - сказал Фридрих Робертович. - Если начинаются ордена и награды, наверное, возраст подходит основательный.

- **Как вы отнеслись к новому названию конкурса – «Кубок Фридриха Липса»?**

- Первым инициативу проявил мой родной город Еманжелинск. Там сделали конкурс для юных музыкантов малых городов. Я не стал ломаться. Позже выяснилось, что челябинскому конкурсу тоже хотели дать мое имя. Когда полгода назад мне позвонили из Челябинска и спросили разрешение, я согласился. Я понимаю, что это придумано не для меня - для молодых ребят-музыкантов, которые видят перспективу: такой, как мы, когда-то бегал во дворе, играл в футбол, и каким стал. Искусство игры на баяне молодо, своих лидеров у нас мало, а тут земляк получил признание не только в стране - в мире. Если бы здесь родился Бетховен, наверное, конкурс Бетховена был бы уже сто лет назад. Думаю, время все расставит на свои места. Если конкурс будет жить, бренд установится, то можно, наверное, будет сказать, что идея была удачной.

Путь к музыке

- **Как получилось, что в шахтерской семье вырос музыкант?**

- Я бы не сказал, что наша семья была немusыкальной. Мама играла на гитаре, отец - в духовом оркестре. В доме были баян, мандолина, гитара, скрипка, труба. Потом отец сконструировал цимбалы, на досуге сделал виолончель, балалаечный контрабас. Он с шахты приходил и играл на баяне. Помню, мне пять лет было: сидит он на диване, с баяном, играет «Коробочку». Руки шахтерские, рабочие. Я к нему: "Пап, покажи мне «Коробочку». Он сыграл одну фразу и говорит. "Теперь давай ты". Я тут же за ним ее повторил, следующую фразу он - и так до конца. Так что мое музыкальное образование начиналось в семье. А недавно узнал, что в генеалогическом древе Баха есть фамилия Липс. Мне музыкальный словарь Гроува на диске, еще какие-то книги. Оказалось, что род Бахов идет от двух фамилий - Файт и Липс. Потом нить, связанная с родословной Липсов, где-то прерывается. Может, они в Россию уехали, а может, это другие Липсы - не знаю. Интересно бы разобраться, но не знаю, как это сделать.

- Путь из Еманжелинска в Москву был трудным?

- Я досрочно окончил музыкальную школу в Еманжелинске, училище в Магнитогорске. В Москве учился в институте имени Гнесиных. После института меня оставили работать на кафедре, я стал выезжать на гастроли по стране, за рубеж.

- Почему не поехали дальше, на Запад?

- Тогда не стоял вопрос, ехать на Запад или нет. Люди начали уезжать позже - в 80-е, 90-е годы. А что там - лучше? Наверное, материально лучше. Профессор в Европе получает семь тысяч евро в месяц. Разве это можно сравнить с нашими зарплатами? Но в творческом плане в Москве всегда было интересно.

«Полет шмеля» за полминуты

- Можно ли судить об исполнительском уровне баянистов-аккордеонистов, послушав выступления лауреатов международного конкурса в Челябинске?

- Конечно. Это раньше был один международный конкурс - имени Чайковского в

Москве. Теперь неважно, где проходит конкурс. Если в Челябинске, то с Востока и Запада сюда приедут лучшие. Слава богу, у нас в стране все потихонечку выравнивается. Выравнивается соотношение между периферией и центром, ощущение причастности к современному уровню жизни. Колбасу, бытовую технику, автомобили можно приобрести в любых городах - больших и малых. Если есть средства, вы купите "Мерседес" и в Челябинске, и в Москве, и в Германии. В музыке то же самое. Уровень музыкальной, художественной, театральной культуры выравнивается. Раньше я думал: почему в Германии, в маленькой «деревушке» Троссинген, где живет всего 15 тысяч народу, есть высшая школа музыки (по-нашему консерватория). Высшие учебные заведения рассредоточены по всей Германии, поэтому люди в провинции не чувствуют себя обделенными. А у нас нет. Учиться надо в Москве - в консерватории или институте имени Гнесиных, в Петербургской консерватории. А все остальное - так себе. Но ситуация понемногу меняется.

- Когда слушаешь баянистов, кажется, что на сцене - одни виртуозы. В чем тут дело?

- Раньше «Полет шмеля» Римского-Корсакова баянисты не слушали, а смотрели, засекая на часах время: больше минуты или меньше. Если меньше, то хорошо. Да, в музыке нет метров, сантиметров и граммов, чтобы измерить исполнительский уровень. Очевидно, единственный критерий - трогает она душу или нет, насколько тебе надо это художественное впечатление как слушателю. Технология значительно продвинулась - это факт. Есть даже анекдот на эту тему. «Чем отличается японский пианист от компьютера? Японский пианист играет быстрее компьютера. Но компьютер играет эмоциональнее». В сочетании быстроты и эмоций должен быть баланс. Конечно, публике нравится, когда быстро. Но мы должны играть разную музыку.

- По-моему, раньше так и было, бравурность и скорость не утомляли.

- В последнее время мы растеряли хорошую публику. Почему? Пропала система

Росконцерта, Госконцерта, которые осуществляли гастроли молодых лауреатов. Сегодня на них нет необходимого спроса. Хотя слушателей в России хватит на несколько Европ. И исполнителей-то немало. Но им не дают сыграть, потому что денег на культуру не хватает. Ведь исполнитель должен приехать, оплатить гостиницу, получить гонорар. Ну, пригласят пианиста Мацуева, он даст один концерт в Челябинске. А играть надо не только в Челябинске, но и в Коркино, Еманжелинске, Златоусте. Когда я раньше приезжал в Челябинск с Третьей сонатой Золотарева, ее слушали на ура, на бис принимали! А ведь это 23 минуты сложнейшей музыки, сплошной авангард. Сейчас трудно играть такую музыку. Всем нужны сиюминутные аплодисменты. Вышел на сцену - аплодисменты. Чем только не берут: играют одно и то же, самую популярную музыку.

- Чем это объяснить?

- Мы выросли из народного любительского музицирования - гармоника, баян. Корни наши - из народа. Чем удобен баян? В нем есть и мелодия, и аккомпанемент. У скрипки или духовых инструментов - только мелодия. У фортепиано вроде есть и мелодия, и аккомпанемент, но он не транспортабелен. Его нельзя переносить по свадьбам. Вот баян можно. Потому он и появился в народе.

Когда Губайдуллина стала сочинять для баяна

- Много ли пишут композиторы для баяна?

- Теперь да. Но лет сорок назад крупные композиторы для баяна не сочиняли. Сами баянисты, которые обладали импровизационным даром, стали брать народные темы и делать к ним вариации. Один из таких самородков - Иван Яковлевич Паницкий из Саратова, столетие которого мы отметили в 2006 году. Он написал замечательные вариации на темы русских народных песен, сделал обработку «Жаворонка» Глинки, и пошло. Затем появились композиторы-народники, профессионалы - Чайкин, Холминов, Шишаков. Наши баянисты играли и Шостаковичу, и Холминову, но баян не

производил на них впечатления. Мы все мечтали: «Нам бы выбраться туда, в элиту». С помощью Третьей сонаты Золотарева мне удалось вырваться. Для меня начали писать Александр Холминов, Эдисон Денисов, Александр Журбин, Кирилл Волков. Когда уж и Губайдуллина стала сочинять для баяна, встрепенулись и другие композиторы. Баян утвердился. Композиторы используют его и соло, и в ансамбле. Образно говоря, раньше мы просили написать для баяна, теперь композиторы нас просят играть новые сочинения. Но что интересно. Выйдя на такой уровень, мы, баянисты (я имею в виду и педагогов, и слушателей, и студентов, и любителей), вдруг растерялись. А туда ли мы зашли? Меня давно уже упрекают: Липс баян не туда завел. Получается как в том анекдоте. Шли к высокому, свернули в переулочек - пивка чуть-чуть попьем. Такое ощущение, что испугались. Поэтому публике теперь надо только быстрое и веселое.

- Вы говорите, баян молод. Что это значит?

- Середина прошлого столетия - это примерный отсчет появления профессиональной школы в России, когда баян, аккордеон стали частью образовательного процесса в средних и высших учебных заведениях. По-моему, в 1948 году открылся факультет народных инструментов в институте имени Гнесиных, потом в других вузах. Сейчас, кроме Московской консерватории имени Чайковского, баян есть везде.

- Русская баянная школа и западная отличаются?

- Разность есть всегда. Чайковского лучше играют русские симфонические оркестры, Бетховена - наверное, немецкие, Штрауса - венские. Тут никуда не денешься. Так и у нас. Нашу школу уважают, боятся на конкурсах. Потому что мы лидеры. Мы все время даем стабильные результаты. А в Европе конкуренция: то из Франции кто-то «выстрелит», то из Италии, из Финляндии. Наша школа - технически более оснащенная, может быть, более эмоциональная. Иногда нам ставят в упрек, что

слишком романтично играем Баха, надо бы строже играть. Это правильно, потому что славянская душа прорывается даже в музыке барокко. С другой стороны, у меня тоже есть претензии к западной школе. Там слишком все прагматично. Тем не менее в Москву едут учиться отовсюду, ряд ведущих российских баянистов активно давал мастер-классы за рубежом. Четко можно сказать: европейцы многому у нас научились и теперь сами репродуцируют товар высокого класса. Сейчас искусству игры на баяне хотят научиться китайцы.

Ученики - всегда лауреаты

- В класс профессора Липса трудно попасть?

- У нас демократия. Люди приезжают, пишут заявление, у какого педагога хотели бы учиться. Я могу выбрать из тех, кто захотел учиться у меня.

- Ваши ученики всегда побеждают на конкурсах?

- В основном да. Но дело не в этом. Раньше было два международных конкурса в год, и к ним еще всесоюзный отбор. Выйти на международную арену было очень трудно. Когда в 1969 году я получил первую премию в Клингентале, после конкурса нас принимала министр культуры Фурцева. Слева сидели лауреаты-вокалисты - Ирина Архипова, Владислав Пьявко, Тамара Синявская. Справа - баянисты. Теперь ни министр культуры, ни Швыдкой у поезда не стоят. Конкурсов много, участие принимают те, у кого есть средства приехать, оплатить взнос, гостиницу. Звание лауреата несколько девальвировалось. Это жаль.

- Говорят, молодежь теперь другая, более образованная. Вы согласны?

- Думаю, молодые люди больше подготовлены к нынешней жизни, более прагматичны. Они ощущают необходимость найти свою нишу в жизни, творчестве. Теперь выпускнику никто не предлагает готовое место. Каждый должен устроиваться сам.

Жизнь в самолете

- Вы спокойны, обстоятельны, никуда не торопитесь. Это и есть размеренная профессорская жизнь?

- Размеренная, спокойная? Что вы. Моя жизнь - вечный стресс. Можно судить даже по географии. В Америке и Норвегии были концерты и запись. Вскоре после возвращения из Челябинска предстоит концерт в Москве, посвященный Софье Губайдуллиной. Потом в Саратове играем Пьяццоллу с моим квинтетом, два отделения. После возвращения в Москву на следующий день еду в Казань - играем два отделения Губайдуллиной. Это ее город, у нее юбилей - 75 лет. 10 декабря - российская премьера, со струнным квинтетом имени Глинки будем играть Квинтет для баяна Подгайца. Дальше концерт в Ростове - «Липс с симфоническим оркестром», фестиваль Губайдуллиной в Торонто, мой сольный концерт в Москве... Я подсчитал: более шести часов разной музыки мне надо держать в пальцах, чтобы быть готовым сыграть сегодня одно, завтра - другое.

- Вы хотя бы газеты читаете?

- Газеты я читаю все время - в метро, самолете, поезде. К сожалению, все газеты у меня старые, потому что в Москве прочесть не успеваю. В Челябинск привез газеты двухнедельной давности. И книжки читаю. Недавно прочел, наконец, Довлатова, «Москва-Петушки» Венички Ерофеева. Сейчас читаю нашу шумевшую книжку Дэна Брауна «Код да Винчи». Не потому, что модно. Просто очень многое мне кажется интересным - не могу оторваться. Жаль, времени свободного мало. Я и в Челябинске продолжаю работать: редактирую свой очередной сборник, который выходит в печать в декабре. Сегодня с утра, например, в гостинице проигрывал два сочинения оттуда, корректировал.

Буквально две недели назад в Вильнюсе играли со скрипачом Гидоном Кремером «Семь слов» Софьи Губайдуллиной на фестивале «Кремерата-Балтика». Знакомы мы давно, перезваниваемся. Летом не мог ему дозвониться, поэтому спросил: «Гидон, ты все еще живешь в Париже?» Он ответил: «Да, я все время живу в Париже. Но меня все время там не бывает». И я подумал: такая занятость, когда постоянно находишься

в разъездах, делах, в состоянии стресса, - | это есть, очевидно, и мой стиль жизни.

А. М. Стороженко, заслуженный работник культуры России,
зав. кафедрой народных инструментов СГАКИ,
кандидат педагогических наук, профессор.

Мастер-класс Фридриха Липса (Педагогическая импровизация в Самаре)

«Идеал исполнителя - быть достойным
посредником между духом великого
художественного произведения и публикой».

П.И. Чайковский

Музыкант от Бога. Баянист тончайшего тембрального слуха, живого воображения, блестящей техники. Его исполнение пронизано искренним и самобытным поэтическим чувством, большой импровизационной свободой. Именитый гость Самары - Фридрих Липс. Это он создал репутацию баяна как инструмента с неограниченными техническими и звуковыми возможностями. Этому Мастеру удалось, используя специфику звукообразования, выявить такие таинства «души» инструмента, которые иначе, чем фантастикой, не назовешь.

Создавая уникальную ауру звуков, баян Фридриха Липса рождает особую притягательную силу, пленяющую слушателей и превращающую их в поклонников этого жанра. Для композиторов, пишущих и баянную музыку, - это творческий импульс, благословляющий на новые полотна и даже инструментальные концерты для Маэстро...

Автор многочисленных переложений и транскрипций для баяна, статей по теории баянного исполнительства, инициатор и редактор-составитель многотомной «Антологии литературы для баяна», книги «Искусство игры на баяне», которая переведена на немецкий язык и издана в Германии.

Творческое кредо Фридриха Липса - «открывать неведомое и творить красоту» - снискало ему славу большого Мастера. Если собрать все публикации о Липсе - исполнителе (а это следует сделать!), получи-

лась бы многотомная исповедь рецензентов, посвященная многолетнему творчеству, артистической свободе, интерпретаторскому искусству, восторженному преклонению и всему, что рождается от единения яркого таланта и упорного труда.

Огромная сила - искусство музыкальной интерпретации. Оно приводит человеческую душу в соприкосновение с творчеством гениев музыкальной мысли, запечатлевших в своих творениях яркие мгновения эпохи.

Попытки распознать, в чем магия привлекательности музыки, созданной руками Липса, и какую роль при этом играет синтез homo sapiens (человек думающий), homo faber (человек действующий) и homo creator (человек творящий), приводят к убеждению в правоте великого Микеланджело, утверждавшего величие кисти, повинующейся интеллекту. В своё время известный западный культуролог Авраам Моль («Социодинамика культуры») считал, что игра есть искусство звуков, завораживающая манипуляция ими. Фридрих Липс тоже завораживает, но иным способом - властью музыкального интеллекта. Его исполнение музыки - это раздумья мудреца, который не просто повествует звуками о некогда происшедшем событии. Безупречное чувство стиля и углублённость проникновения в мир исполняемой им музыки помогает слушателю стать и свидетелем события той эпохи, и единомышленником Музыканта.

Слушая Фридриха Липса, слышишь самобытно мыслящего и образно творящего художника, раскрывающего и вечную новизну музыкальной классики, и свою душевную неповторимость, словом, личность артистически гармоничную.

...И вот Маэстро Липс на Волге. Фридрих Робертович дал согласие провести мастер-классы. Самарскому любителю баянного искусства представилась возможность войти в творческую лабораторию знаменитости, приобщиться к процессу оживления художественных идей, зашифрованных в загадочных нотных знаках, и наблюдать удивительное преобразование многообразия вертикалей и горизонталей музыкального текста в живые чарующие звуки.

Встречи с Липсом - Педагогом проходили в концертном зале музыкального училища, где событие объединило преподавателей академии культуры и искусств, педуниверситета, музыкальных школ и училища, многочисленных студентов.

...В ожидании притихла взволнованная публика. Поклоны, приветствия, общая приподнятость настроения.... Вдруг зал разразился аплодисментами. Легко вообразить, что творилось в душе студентов II курса академии культуры и искусств Дмитрия Кузьмина и V курса педуниверситета Ивана Мельникова, которым выпала честь участвовать в педагогическом диалоге с Мастером.

Позже они выразят удивление - как быстро он помог прийти в себя и включиться в действие памятного для них «спектакля», который, возможно, больше никогда не повторится....

При четко продуманной режиссуре занятия, его целей, задач, структуры не покидало ощущение сплошной педагогической импровизации, сиюминутности рождения действий Учителя.

Предстояла работа над пьесами Доменико Скарлатти и Антонио Вивальди. Одних имён композиторов достаточно, чтобы мысленно перенестись в эпоху великих титанов Возрождения, их шедевров в музыке, поэзии, скульптуре, архитектуре, живописи....

Об этом и заговорил Маэстро. Природа не поскупилась, одарив его и ораторским талантом. Зал внимал вдохновенному рассказу о Ренессансе, о пышном расцвете всех искусств, рождении новых музыкальных жанров, ярких стилей, в коем преуспели многие композиторы, в том числе Д. Скарлатти, чья клавесинная игра поражала воображение своей виртуозностью; А. Вивальди, волшебник-скрипач, сочинявший удивительную музыку и положивший начало не только жанру сольного инструментального, но и ансамблево-оркестрового концерта (кончерто grosso).

...Погружение в великую эпоху предназначалось, прежде всего, ученику, который здесь и сейчас прикоснется к произведениям той поры. И произойдет это на глазах восхищенного рассказом зала. Первые звуки, фразы, пассажи.... Дима Кузьмин, подогреваемый ободряющими похвальными словами «нормально», «лучше», «хорошо», «молодец», «замечательно», вышел, наконец, из состояния «предстартовой лихорадки». Маэстро окончательно раскрепостил и окрылил ученика.

Далее опять увлекательное повествование о стиле Д. Скарлатти, об исполнительских школах, об опыте и манере исполнения пьес композитора на баяне, о возможных интонациях, качестве звука. Тем временем зал, похоже, мысленно тоже поддался магии педагога и жил теми же музыкальными проблемами. Вызывало улыбку то, как некоторые из присутствующих, «упражнялись» на воображаемой баянной клавиатуре, используя подлокотники кресел и реагируя в ходе занятия на замечания, подсказки, советы педагога.

Стиль Ф. Липса - педагога приятно удивляет четкостью организации процесса обучения, лаконичностью, в которую включено множество приемов стимуляции творческих поисков обучаемого. Общение с ним легкое, ненавязчивое, фразы краткие, но емкие, оставляющие простор в креативном поле. Хотел ли того ученик, готов ли был, но оказался в ситуации неожиданного азарта от тактичных, но настойчивых заданий учителя: «подумай», «попробуй», «ри-

скни», «создай» и т.п. Педагогам, присутствующим в зале, известна цена подобных "провокаций" на импровизацию. И студент оказался во власти педагогической импровизации самого Фридриха Липса.

Вдохновенно работая с учеником, Ф. Липс напоминал увлекшегося скульптора, который лепил что-то очень значительное, тщательно соизмеряя гармонию частей и целого. Он был безупречен, расставляя смысловые акценты на штрихах, приемах, нюансах, из которых в итоге создавалось единство смысла и чувства.

В импровизациях педагога не было ни случайности, ни стихийности. Скорее это была расчетливая свобода и располагающая естественность, которые помогли Маэстро осуществить педагогические замыслы. И, что важно, не прекращалась стимуляция одухотворенности. Ученик все время ощущал творческую энергетику урока, при которой от него требовалась способность придать своей игре какую-то неповторимость, первозданность, что давалось не так просто.

Способность обходить вниманием незначительные огрехи, искусство создавать творческую динамику и четко держать главную идею- цель позволяли ученикам поверить в себя, почувствовать хотя бы на миг состояние музыканта «без ахиллесовой пяты». Без таких мгновений не совершаются прорывы в чудеса самопознания и самопроявления.

Педагогическая концепция Ф. Липса возникла не вдруг. Почти два десятилетия тому назад появилась известная теперь каждому музыканту книга «Искусство игры на баяне». Именно ею Маэстро подводит итог разногласиям и противоречиям в дискуссиях по поводу того, как обучать баяниста. Споры бушевали до восьмидесятых годов теперь уже прошлого столетия.

Вряд ли исчезнет из памяти тот накал страстей, когда представители баянной школы ломали копыя в Киеве на Всесоюзном семинаре под руководством М. Гелиса (1961 год), где довелось присутствовать автору этих строк. В штыки принимались многие нововведения: применение большо-

го пальца правой руки, его место на клавиатуре, посадка, постановка, даже функция плечевых ремней и их использование в игре - одного или обоих. Было немало сторонников того и другого варианта. Вспоминается острая полемика и по поводу методических работ об основах обучения игре на баяне И.Алексеева, П. Говорушко, А. Полетаева, Н. Ризоля.

Столкновения между киевской и московской школами заметно поутихли после выхода сборников под редакцией Ю.Т. Акимова «Баян и баянисты», на страницах которых педагогическая элита получила возможность делиться своим теоретическим, методическим и практическим опытом, проверенным временем.

Эти эпизоды стали теперь фактами истории становления отечественной баянной школы, в которой несомненную роль сыграл Фридрих Липс. За рубежами нашей страны признаны теоретико-методические основы обучения баянной игре, равно как признано в мире исполнительское мастерство отечественных баянистов. Не оспаривается сегодня и пальма первенства баянной школы России. В Санкт-Петербурге весьма успешно действует международная школа аккордеона, руководитель профессор Н.А. Кравцов. Проводимые там мастер-классы отечественных и зарубежных баянистов ни в чем не уступают скрипачам или пианистам. Баянная методика выходит на новые профессиональные исполнительские цели и «высшие этажи» педагогического творчества, где признанным эталоном, безусловно, остается Ф. Липс.

...Вернемся опять к педагогической импровизации профессора в Самаре. Продолжая мастер-класс, Маэстро обратился к особенностям исполнения концерта «Времена года» Антонио Вивальди (Зима). Здесь свою роль сыграл фейерверк приемов, позволивших ученику прочувствовать каждую ноту «и умом и сердцем». Музыкальный анализ сопровождался, в одних случаях, игрой воображения, поиском ассоциаций, образных представлений, сравнений музыки с живописью, с литературными источниками; в других - возникала

необходимость в чувственных ощущениях «холода», «зябкости». Музыкальная задача толкала на поиск согревательных движений и усилий, способных на этом холодном фоне создать тепло уюта и душевного комфорта. Эмоциональный «натиск» педагога, игра разбуженного воображения помогали ученику найти исполнительское решение.

В ходе мастер-класса была представлена еще одна модель урока, где Маэстро был совершенно другим, работая с пятикурсником Иваном Мельниковым над пьесой финского композитора П. Макконена «Полет над временем».

Изменились все исходные данные: другая эпоха, другое музыкальное направление, другой стиль, жанр, другие традиции. Естественно, изменились педагогические цели и задачи. Неизменными оставались качество занятия, безупречный липсовский стиль общения со студентом, уважительное отношение к его индивидуальности.

После определения художественных ориентиров, особенностей музыкальной формы, выяснения исполнительских намерений и возможных при этом проблем возникла необходимость приподнять завесу над «кухней» музыкальной техники. При определенных условиях ей под силу творить настоящие чудеса.

Началось колдовство над звуком, который не сразу обретает эпитеты «ажурный», «чарующий», «пленительный», и не сразу превращается в образец изобразительного искусства. Но Мастер знает как направить творческие поиски студента на филигранное совершенствование технических приемов, не теряя при этом главную цель - раскрытие музыкально-художественного образа.

Заметим, очень не просто подобные уроки мастеров отнести к какому-то из традиционных видов, существующих в классификациях музыкальной педагогики: аналитическому, гармоническому, аппликатурному, техническому, художественно-исполнительскому и пр. Причин несколько:

во-первых, уроки, на которых задействованы все средства восприятия ученика – «думаю», «слышу», «вижу», «осязаю»,

«действую», чаще всего не существуют в «чистом» виде, в них есть содержательные элементы и других типов занятий. Мастер вправе использовать их избирательно или совокупно, но строго дозируя и подчиняя методический выбор художественной задаче;

во-вторых, видовое деление уроков в значительной мере условно и предполагает соприкосновение и взаимовлияние исполнительских целей и задач. Это доказывают мастер-классы известных творческих педагогов;

в-третьих, Мастер - потому и Мастер, что горизонт его педагогики беспределен и зиждется на гармонии целого и частного, что открывает простор искусству педагогической импровизации и творчеству.

Мастер-класс Фридриха Липса убедительно проиллюстрировал непреложность двух аксиом:

а. чрезмерное внимание к технике игры (порочная практика "технизма") оборачивается потерями более высокого порядка - неадекватным или неполным восприятием идейно-образного содержания музыки;

б. техника игры не должна быть самоцелью, она есть средство создания музыкально-художественного образа. По Ф. Липсу, главное не пальцевая ловкость, а убедительная передача замысла композитора, что выполнимо при совершенной технике. Но на определенном этапе обучения технику стоит сделать целью, чтобы она могла достойно выполнять свои функции.

После мастер-класса началось общение, форма которого не поддается однозначному определению и могла быть названа и круглым столом, и дискуссией, и диалогом, хотя этот коллегиальный разговор по содержанию скорее напоминал рубрику о вузовских проблемах «В большой профессорской», которая не так давно существовала в центральной прессе.

В нашей импровизированной профессорской собрались педагоги разных уровней музыкального образования: организатор мастер-класса в рамках фестиваля «Виват, баян!», лауреат международных конкурсов доцент Войтенко С., пять профессо-

ров из академии культуры и искусств - Грузинов Е.С., Лузанов Ю.Н., Максимов В.П., Стефаненко В.Ф., Стороженко А.М.; два профессора из педуниверситета - Кац А.М., Лакирев Е.М., доценты, ст. преподаватели вузов, преподаватели муз училища, школ. Присутствие столичного гостя Народного артиста России, профессора Ф.Р. Липса придавало особую значимость профессиональному диалогу коллег.

...Рукопожатия, слова искренней благодарности за Урок, который получили все, сидящие в зале студенты, и их педагоги. Публичная демонстрация мастерства - уже давно признанная форма повышения педагогической квалификации.

...Под одобрительные аплодисменты музыкант и поэт Борис Глошкин произнес поэтическое выражение нашей общей признательности и благодарности:

Липс! Генерация идеи,
Задумок ярких ураган!
И брызжут новые затеи,
когда Вы здесь. Виват, баян!

Путь исполнительства коварен,
Но здесь мелодии... лились.
Самарский зритель благодарен
Вам, дорогой маэстро Липс!

А когда эмоции улеглись, разговор о баянном искусстве и педагогике, школе игры и мастерах сразу обрел деловой характер. Оказалась объяснимой природа многих проблем: национальная баянная школа, по сравнению с другими, пребывает в юном возрасте. Между тем, так многого достигла, сумев воспользоваться мировым и отечественным опытом своих старших музыкальных «родственников» - мастеров скрипичного, фортепианного, органного искусства. Это позволяет строить смелые прогнозы.

Теряют перспективу мини-дискуссии о первичном и вторичном в музыкальной педагогике («кисть», существующая вне интеллекта, или интеллект, управляющий ею). Структурной частью каждого урока, поми-

мо анализа исполнительских проблем и поисков варианта их решения, должно стать целенаправленное развитие творческого начала ученика, которого возможно раньше следует вывести из «бескрылого» состояния. И когда он ощутит в себе силы и стремление творить, для него перестанет существовать дилемма, хорошо или плохо подражать лучшим исполнительским образцам. Подражание имеет право на существование лишь как исполнительский тренинг. В цене же всегда остается индивидуальная исполнительская манера...

Пока дискутировали педагоги, в углу концертного зала «заседала малая профессорская» - студенты бурно обменивались впечатлениями. Немного мешало волнение. Увереннее держались «герои дня». Ивана Мельникова, как сказал он, «поразила кропотливость отделки фраз, деталей и удивила память музыканта: он знал произведение до мельчайших подробностей!». И далее: «Очень тронула искренность стремления помочь мне обрести себя и исполнительскую уверенность».

Дмитрий Кузьмин благодарен Маэстро за незабываемый урок, помощь в преодолении сценического волнения и быструю адаптацию. Другие говорили, как завораживающе действует сама обстановка в зале. И хотя замечания педагога обращены «не к тебе, а косвенно чувствуешь себя включенным в правила игры». Раздавались реплики «было просто интересно», «побольше бы таких «загрузок», «я усвоил для себя то, что хотел», «нашел ответы, которые искал»....

Не все смогли выразить нахлынувшие чувства и мысли. Но ясно было одно: Фридриху Липсу удалось очень сильно всколыхнуть молодежь, а такие интеллектуальные и эмоциональные встряски бесследно не проходят. Значит, цель мастер-класса достигнута.

**С опорой на трудовой коллектив
В ЗАО «Востокмонтажмеханизация» считают:
самая главная ценность предприятия — это кадры.**

Много ли вы знаете компаний, где в соцпакет входит не просто оплачиваемый отпуск и официальное трудоустройство, но и беспроцентные кредиты, бесплатное санаторно-курортное лечение работников, работающих с вредными и опасными условиями труда, дополнительное медицинское страхование работников, чей стаж работы на предприятии больше двух лет, тринадцатая зарплата? В нашем Калининском районе Челябинска есть такое — удивительный сплав капиталистических успехов и социалистического отношения к рабочему — это ЗАО «Востокмонтажмеханизация».

— У нас работают порядка 220 человек, — рассказывает директор компании Геннадий Розе. — В новое время, когда вышли из состава большого треста союзного значения «Востокметаллургмонтаж», мы постарались сохранить все то лучшее, что было в советские времена. Между сотрудниками и администрацией заключен коллективный договор, в котором прописываются основные положения нашей кадровой политики. Хоть и нет профсоюза, но зато действует совет трудового коллектива, к мнению которого мы всегда прислушиваемся. Мой принцип таков: главное — чтобы людям здесь было комфортно работать и пребывать.

Все это не остается красивыми словами, сказанными на диктофон журналисту. Это беспристрастно подтверждается сухими цифрами. Например, средняя зарплата на предприятии в 2011 году составила 32 860 рублей. Рост по отношению к 2010 году составил 18,8 процента. Если приобретается новая техника — то последних экологических стандартов, где совсем другие условия работы для водителя и машиниста крана.

В итоге что такое текучка кадров, в ВММ не знают. Дело не просто в хорошей зарплате — дело в отношении.

— Если новый кран стоит два миллиона евро, то и машинист, который способен на нем работать, стоит столько же, — уверен

Геннадий Викторович. — И он сам себя должен так ценить, и должен знать, что в коллективе его уважают.

Заслуженным — почет особый

Чем дольше и ответственнее ты работаешь на ВММ, тем больше всевозможных привилегий получаешь. Так, самым заслуженным сотрудникам вручается золотой значок с логотипом компании — только за высочайший профессионализм или вклад в развитие предприятия. Существует и звание «Заслуженный работник ВММ». Чтобы быть представленным к награде, нужно проработать здесь более четверти века и иметь положительные характеристики от коллег по работе. К заслуженным и отношение особое: к тринадцатой зарплате, которая зависит от финансовых успехов компании, они получают прибавку в десять процентов, а по выходу на пенсию — каждый Новый год приятный привет от коллектива в виде сладкого подарка и трех тысяч рублей.

Перспективные рабочие могут получить кредит на выгодных условиях от предприятия. А про подарки на Новый год, тринадцатую зарплату, оплачиваемый основной и дополнительный отпуска и говорить не приходится.

В 90-е годы ВММ пришлось пережить очень тяжелое время: самые ценные кадры, прошедшие стажировку на импортном оборудовании, немцы по национальности, уехали на историческую родину. Но предприятие выстояло, более того, никогда, с 94-года, когда компания перешла в режим «свободного плавания», не было массовых сокращений штата. Базовых работников смогли сохранить даже тогда, когда в удельном объеме выручки предприятия было только 13% «живых» денег, остальное — взаимозачеты. Но и тогда рабочие получали зарплату своевременно, а самая длительная задержка была у управленцев и составила 12 дней (зарплата выплачивалась по мере поступления средств).

Рабочих растят годами

Кадровая проблема для промышленных предприятий региона является одной из самых острых. Можно найти способы, чтобы приобрести современное оборудование, даже очень дорогое, но где взять человека, способного на нем работать? Дать объявление в газету? Но ведь специалист не придет из ниоткуда, его надо обучать на протяжении нескольких лет.

— Выход здесь один — готовить кадры самостоятельно, с учетом специфики предприятия, конкретно под себя, — рассказывает Геннадий Викторович. Самых уважаемых и ценных рабочих растят чуть ли не со школьной скамьи. У ВММ сложились долгосрочные партнерские отношения с дорожно-строительным техникумом, которому компания передала часть учебных пособий, включая пневмоколесный кран грузоподъемностью 25 тонн, ради того чтобы там по-прежнему готовили машинистов гусеничного и пневмоколесного крана — редкая на сегодня профессия. В рамках этих отношений в техникуме молодым людям по ускоренной программе дают теоретические знания, а затем они в течение трех месяцев проходят практику в ЗАО «ВММ», которое располагает намного более серьезной материально-технической базой, под началом опытного крановщика. Причем сами ребята приходят не со сторо-

ны — их примечают еще в военкомате, выбирают тех, кто в армии имел дело с механизмами. Пока идет обучение на вечерних курсах, они трудоустроены на ВММ в качестве слесарей, получают даже небольшую стипендию. Опыт показывает, что из десяти обученных приживаются шестеро, но эти ребята того стоят.

Впрочем, и у стажистов есть стимул постоянно повышать квалификацию — все это сказывается на заработной плате. Неудивительно, что, как только в коллективе проносится слух, что будут покупать новый кран, появляется очередь из желающих поработать на нем. Все знают: это и повышенная зарплата, и престиж. — **Геннадий Викторович, на днях «Востокмонтажмеханизации» исполнилось сорок лет. Что считаете главным достижением предприятия?**

— Мы не потерялись в самое смутное время экономических преобразований, а вероятность этого была велика. 1998 год нас не свалил, более того — мы изыскали возможности для развития. Еще недавно перевезти оборудование весом в сто тонн было для нас сложнейшей задачей. Такие заказы мы выполняли на низком организационном уровне и всегда с изрядной долей авантюризма. А сейчас мы можем перевезти 320 тонн на уникальном транспортном средстве, равного которому в регионе вообще нет.

Виктор Чигинцев

Бременский музыкант

Очевидно, многим читателям городской газеты «Копейский рабочий» памятна передача Челябинского государственного телевидения «Коммунист, борец, вождь», посвященная 100-летию со дня рождения выдающегося сына немецкого народа Эрнста Тельмана. На экранах наших телевизоров она транслировалась дважды — 16 и 30 апреля 1986 года. Одним из инициаторов телепередачи был копейчанин, горный инже-

нер шахты «Центральная» Иван Иванович Менгель.

Со сцены Дворца культуры Челябинского металлургического комбината, где проходил митинг-концерт, Иван Иванович выступил с взволнованной речью коммуниста-интернационалиста. На съемки телевизионной передачи он приехал не один, а с членами клуба интернациональной дружбы копейского Дворца пионеров, клуба интернациональной дружбы имени Э.Тельмана

средней школы № 1. Миллионы телезрителей области познакомились тогда с человеком сложной, редкой, но счастливой судьбы...

Помнит он себя обыкновенным немецким мальчиком Иоганном Менгелем, сыном архитектора Иоганна и журналистки Маргариты. Ему было семь лет, когда семья переехала в Бремен, что неподалеку от Гамбурга. Шел 1933 год – черный год в истории Германии, сего мира, в биографии юного Иоганна. Никогда не забыть ему новоявленных «наци», марширующих по мощным улицам Бремена в коричневых рубашках с паучьей свастикой. Потряса дубинками, они горланили бравурные песни, выкрикивали гитлеровские лозунги, были витрины магазинов, жгли на кострах книги.

В том году Иоганн потерял отца. Он помнит, как это было. В комнату ворвались четверо мужчин, они ругались, кричали. Все перевернув в комнате, ушли вместе с отцом. Только через год, уже в Москве, дошла до жены и сына страшная весть: Иоганн Менгель-старший, немецкий коммунист-антифашист, погиб в застенках гамбургского гестапо.

Мать Иоганна владела несколькими языками, вела большую партийную работу по линии Коминтерна. Еще в Бремене рассказывала сыну о Ленине, о Советском Союзе, где народ строит новую, лучшую жизнь. В Москве, которую она знала и любила, Маргарита Менгель загрузила себя работой в немецкой секции Коминтерна, возглавляемой Вильгельмом Пиком. Активно сотрудничала с редакцией газеты «Дойче Централь-цейтунг».

Только в Москве Иоганн впервые почувствовал себя среди настоящих друзей. В их доме на Арбатской площади часто бывали гости – немцы, чехи, поляки. На стене висела карта сражающейся Испании, на которой Иоганн отмечал красными флажками линию фронта.

В школе при Коминтерне он довольно быстро освоил русский язык. На русском научился петь немецкие песни. Особенно любил «Песнь единого фронта», написанную на слова Бертольда Брехта. Спустя со-

рок с лишним лет, когда его пригласили в специализированную школу немецкого языка на вечер интернациональной дружбы, он легко вспомнил слова этой песни и спел ее вместе с ребятами на родном, немецком языке.

Иоганн хорошо помнит 1935 год. Как вместе с матерью стоял у Мавзолея Ленина на Красной площади и заворожено смотрел на первомайскую демонстрацию. Рядом играл духовой оркестр Коминтерна, и мальчика на всю жизнь очаровали звуки музыки.

Он хорошо помнит 1936 год, когда вся Москва торжественно отмечала принятие Конституции СССР. Он хорошо помнит и 1937 год: стал учиться в обычной русской школе. Хорошо помнит 1938 год: года он лишился матери...

...Детдом под Полтавой, детдом под Кременчугом. Фабрично-заводское училище в Кировограде. К тому времени Иоганн стал Иваном, а если по всей форме, то Иваном Ивановичем. Так написали в метрике, удостоверяющей личность тринадцатилетнего мальчишки. Окончив училище, работал в метизном цехе завода «Красная звезда». Здесь его застала весть о войне. Вместе с заводом эвакуировался в Ростов. В украинской степи на колонну беженцев навалились штурмовики. Безоружных, нагруженных домашним скарбом людей расстреливали с бреющего полета. А поблизости – ни кусочка, ни канавки. Редкая пуля пролетала в том аду мимо живой человеческой мишени...

Наконец, Иван оказался на Южном Урале, в Копейске. К тому времени он научился шить зажигательные бомбы, копать окопы, точить снаряды, ковать металл, валить лес, пахать землю, убирать хлеб. А еще – играть на музыкальных инструментах. В крепких, мозолистых руках Ивана удивительным образом оживали нежные струны домры, мандолины, скрипки. Но шла война, и надо было научиться добывать уголь.

Иван Иванович перечислил мне три десятка старых шахтерских профессий, названия которых канули в Лету: желобовой,

каталь, болтокрут и т.д. Он прошел через все. И стал старшим механиком шахты по автоматике. Но прежде, в возрасте 25 лет, ему пришлось сесть за парту вечерней школы, а в 28 лет – поступить на дневное отделение горного техникума, заместителем директора которого позже, после окончания Свердловского горного института, он трудился четыре года. После себя он оставил ряд реконструированных кабинетов и лабораторий, горный полигон – своеобразную учебную мини-шахту, построенную в техникумовском дворе.

В 1961 году бывший бременский мальчишка, комсомолец стал членом Коммунистической партии Советского Союза.

Жизнь шла своим чередом. В семье Ивана Ивановича росли дети. Но даже маленькой фотографии своих родителей не мог он и показать: когда отправляли в детдом, документов при нем не оказалось. В 1975 году по туристической путевке Иван Иванович посетил Германскую Демократическую Республику. Здесь с помощью ветеранов антифашистского Сопротивления ему удалось через 40 лет – на фотографии – увидеть мать.

В 1973 году в Копейск приехала группа работников Центрального телевидения. Тележурналисты заинтересовались судьбой Ивана Ивановича. Пятая по счету передача «От всей души» началась с того, что со сцены зазвучали музыкальные фрагменты из мультфильма «Бременские музыканты», и народная артистка СССР Валентина Леонтьева спросила зал: «А вы знаете, что в вашем городе есть настоящий бременский музыкант?». Так о Иване Ивановиче узнали миллионы советских людей.

Без музыки он не мыслит жизни. А началось это увлечение еще до войны. В одном из детских домов – в Новогеоргиевске, под Кременчугом – был маленький кружок. Там Иоганн научился играть на мандолине, скрипке, гитаре, аккордеоне, банджо, пианино.

И сейчас в квартире Менгелей более десятка инструментов. Хозяин дома играет на всех. Любит петь. Ему даже пришлось один год преподавать в музыкальной школе:

нужно было открыть класс народных инструментов, а преподавателей не было.

Его дочь Марина – преподаватель городской музыкальной школы, учит ребят играть на домре. На многих музыкальных инструментах играют сыновья – Александр и Николай.

Тогда на сцене во время передачи «От всей души» выступало семейное трио: отец, дочь и старший сын. Рассказав телезрителям об удивительной судьбе главы семейства, Валентина Леонтьева преподнесла ему подарок. Это была концертная домра, которую дирекция шахты «Центральная», где и сегодня трудится Иван Иванович, заказала специально для него московскому мастеру И.В. Емельянову.

- Это же лучший мастер в стране! – воскликнул шахтер-музыкант.

- Играйте на радость людям, - тепло пожелала ведущая передачи «От всей души».

Иван Иванович неторопливо расстегнул черный футляр, извлек из него изящный инструмент, тронул струны. И зазвучала волшебная мелодия Дмитрия Шостаковича. Играл бременский музыкант.

Удивительно дружны в этом человеке шахтер, музыкант и... строитель. В горном техникуме он строил учебный полигон-шахту, а сейчас руководит строительством уникального и пока единственного в городе и в объединении объекта – спортивно-оздоровительного комплекса с плавательным бассейном, любовно называемого горняками «СОКом».

Трудно переоценить значение этой уникальной стройки для каждого шахтера «Центральной», для нашего города в целом.

Один из шахтеров, то ли в шутку, то ли всерьез, сказал мне: «Слов нет, современная шахта – высокотехнологизированное предприятие. Но и сейчас она в жаркие смены напоминает «соковыжималку». Интенсивный труд в забое отнимает немало физических сил. Вот и пусть наш «СОК» и восполняет потери».

Сам Иван Иванович никогда не курил и не увлекался спиртным. Недавно он отметил 45-летие работы в угольной промышленности, ему исполнился 61 год. Но по-

прежнему бодр и энергичен наш уважаемый Иван Иванович.

«Бременский музыкант» неразлучен с музыкой. В спортивно-оздоровительном комплексе он собирается возродить шахтерский вокально-инструментальный ансамбль «Уголек». Горный инженер И.И. Менгель – желанный гость многих клубов

Виктор Рискин

интернациональной дружбы города и области. В неустанной пропаганде мира и дружбы между народами, интернациональной солидарности трудящихся видит свой долг коммунист, прекрасный человек Иван Иванович Менгель.

В 2004 году Ивана Ивановича не стало.

Родное гнездо Отто Горста Он был трудармейцем и строителем «Маяка»

Упряжка от Черномырдина

В квартире Отто Фридриховича Горста мы увидели оригинальную резную композицию – каюр на собачьей упряжке. Выполнена из моржового бивня.

— Подарок Виктора Степановича, – как бы невзначай заметил хозяин квартиры, – того самого, Черномырдина. Тогда он еще не был премьером, а пребывал в должности начальника Газпрома. Наше Южно-Уральское строительное управление, в котором я работал заместителем начальника, поставляло железобетонные фундаменты на газопровод «Уренгой-Ужгород». Поставки были приличные. Однажды, где-то в восьмидесятых годах, я был по делам службы в Тюмени. Мне сообщили, что со мной хочет увидеться Черномырдин.

Главный «газовик» СССР встретил Горста очень приветливо. Такого приема посланец тогдашней «сороковки» явно не ожидал: о Черномырдине ходили слухи, что он жестковат. Подчиненные его побаивались.

— Мне нередко приходилось бывать в высокопоставленных кабинетах, – вспоминает Горст. – Обычно их обитатели даже не привставали навстречу посетителю. А Виктор Степанович встретил меня у двери, пригласил к приставному столику, а сам сел напротив. Говорили мы об увеличении поставок блоков, а потом он поинтересовался, нет ли у меня каких-либо просьб. Я к такому обороту не был готов, но без всякой надежды на успех попросил продолжать поддерживать нас цементом и арматурной сталью. В то время все это было строго ли-

митировано. Потом, расхрабрившись, намекнул: мол, не мешало бы подкинуть и экскаваторов, дефицит которых сильно сказывался на работе ЮУС. Он тут же распорядился подготовить экскаваторы к отправке. Заодно поинтересовался: «Может, вам и бульдозеры нужны?» Я подумал, что он надо мной подшучивает, а потому решил подыграть, попросив прибавить к списку и компрессоры. Короче говоря, не успел я приехать домой, как в наш адрес стали поступать эшелоны с цементом, арматурой, экскаваторами, бульдозерами и компрессорами. А вдогонку Черномырдин послал еще и автомашины.

— О Черномырдине сложилось прочное мнение, что человек он, мягко говоря, странноватый. Кажется недалеким, даже туповатым. А о его косноязычии уже анекдоты ходят. Каким он вам показался?

— Очень деловым, очень знающим, достаточно владеющим устной речью.

— Вы его теперь видите больше по телевизору. Вам не кажется, что тогда он был на своем месте, а в роли премьер-министра и тем более посла себя потерял?

— Он себя не потерял. По-моему, мы его потеряли. Если бы он по-прежнему возглавлял Газпром, дела бы шли куда как лучше.

Последнее танго

От подарка Черномырдина наш взгляд упал на стенку, где одиноко и сиротливо висела небольшая скрипочка.

— Полвека так висит, – покивал головой Горст, – а когда-то я на ней играл в студенческом джаз-оркестре. Сюда я приехал 19

февраля 1946 года. Мне ее выслали из Саратова, где я до войны жил и учился. Здесь еще немного поиграл и окончательно повесил на стенку. А знаете, что я на ней исполнял. Вы, наверное, будете смеяться: танго. Почему больше не беру в руки? Так некогда было. По 15 часов приходилось работать. А почему висит на стенке? Она для меня – реликвия, память моей юности: Несколько дней назад по радио была передача о танго. Так я прослушал от начала до конца.

Последнее танго для Отто Фридриховича прозвучало в 1941 году после драконовского приказа Сталина. «Отец всех народов» убоился, что немцы Поволжья поддержат Гитлера, если тот придет на Волгу. И вот, без всяких ссылок на возраст, положение, болезни, их гнали на станцию, грузили в товарняк и через Каспий – в Сибирь, Казахстан. Всех – молодых, пожилых, женщин, детей. Без еды и воды. По две-три недели. Доехали не все. Посреди поля состав останавливался, выгружали умерших, и поезд шел дальше на восток.

За Горстом пришли в выходной день. Он тогда работал инженером в Саратове, в «Сельэлектро», был на хорошем счету, подавал надежды. Но кого все это интересовало?! Людей делили не по профессиям и достоинствам, а по сортам. Руководили нами «селекционеры»-параноики.

В энциклопедии «Инженеры Урала» есть статья и о Горсте. Там сказано, что в 1941-1945 годах он работал прорабом, начальником участка в Саратовской, Семипалатинской, Молотовской, Куйбышевской областях. И ни намек, что был репрессирован, выслан по этапу только за национальность. Что пять лет провел в лагерях, в так называемой трудовой армии! А ведь эта книга издана два года назад с весьма благой целью – назвать поименно подлинных инженеров, новаторов, трудяг, двигателей технического прогресса. Кстати, фамилия Горста в числе всего пяти первостроителей атомного комплекса. Неужто до сих пор мы стесняемся сказать правду? Не потому ли, что и по сей день живы люди, делящие рос-

сиян на чистых и нечистых, на своих и чужих?

Но это так, к слову. А тогда, в августе, два милиционера предупредили Отто о высылке. Его молодой жене извиняющимся тоном заявили: «Вы можете остаться». Но она, побледнев, ответила категорично: «Исключено. Куда он, туда и я!»

Мост над головой

Сначала молодую семью пригнали в деревню под Новосибирском. Но тут Отто нашло письмо его старшего брата Павла из Казахстана. Он тут же попросился поехать к нему, где и устроился работать техником ирригационных систем – по основной институтской специальности. Однако через год объявили набор в трудармию. Казахских и других немцев мобилизовали в Соликамск, где строился мощный пороховой завод. На большие должности трудармейцев не назначали, но и в чернорабочих инженеров не держали.

— Жили мы в больших бараках с двухэтажными нарами, – рассказывает Отто Фридрихович, – режим – лагерный. Но справедливости ради надо сказать, что обращались с нами довольно по-человечески: кормили по-армейски, хотя работать заставляли по девять-десять часов, без выходных. Все понимали, что идет война, у нас общий враг, и каждый на своем месте должен ковать победу. Поэтому ни у кого никаких обид не было, ни попытки саботажа.

Специалистов лагерное начальство ценило. Доверяло, выпускало за территорию лагеря. Охранники были, но держались по-одаль. Начальство повыше поручало строить ответственные объекты. Например, мост через приток Камы. Прорабом стройки назначили Горста. Мост был из дерева, но отнюдь не пешеходный, а железнодорожный. Когда объект был готов, из Молотова приехали важные люди. Они объяснили трудармейцу Отто, что есть у русских инженеров такой обычай – первый состав пропускать над своей головой. Горст без колебаний спустился с насыпи и встал под настилом. Машинист с подручным на тихом ходу подогнали состав, выскочили из

кабины и пробежали вперед. Паровоз, громыхая на стыках, преодолел 18-метровый участок. Ни одна шпала не прогнулась. Самый важный начальник прилюдно пожал трудармейцу Горсту руку.

Из трудармии – в «секретку»

Трудовая армия шла к своему финалу. К 1945-му году статус Горста повысился – он работал начальником строительного участка. Может, светила ему и куда большая командная должность, но победившая страна уже не нуждалась в профессионалах на правах заключенных. Она искала специалистов, чтобы назвать их свободными гражданами и загнать за куда более строгую «колючку», на строительство атомного объекта. Но об этом Отто Фридрихович даже не догадывался. После освобождения он поехал в пригород Москвы, где его ждала жена. И тут оказалось, что бывшему трудармейцу ни в столице, ни рядом с ней жить нельзя, а прописаться тем более. Как никак, а почти враг народа, пять лет провел в лагерях.

И тут последовал очередной алогизм сталинской власти. Горста направляют в распоряжение «Челябметаллургстроя», а уже оттуда командируют в «сороковку». Получается: к Москве ему приближаться никак нельзя, а вот секретней объект возводить – за милую душу.

Забыли мы спросить у Отто Фридриховича, сгодился ли ему в работе строителя-атомщика опыт трудармейца. Но в одном совершенно уверены: высокое начальство не проиграло, поставив именно Горста на высокую должность в управлении строительства. Пример с тем же Черномырдиным

– лишнее тому свидетельство. Другое свидетельство – ордена и медали, которыми государство жаловало инженера, как бы извиняясь за прошлые обиды.

Сейчас Горсту 87 лет. Память его свежа, юмор присутствует. Вот разве ноги подводят. Но это не повод, чтобы жаловаться на жизнь. Хотя оснований сколько угодно. Можно погрустить, что не по своей воле покинул и никогда не вернулся в родное Поволжье, что на пять лет был разлучен с женой, что «пятая графа» долгое время сопровождала его, как проклятье. Что, наконец, было разрушено его родовое, родное гнездо (один из вариантов перевода фамилии Горст на русский язык – родное гнездо, другой вариант – возвышенность). Отто Фридрихович восстановил разоренное гнездо. У него с женой двое детей, двое внуков

и двое правнуков. И теперь с высоты своего возраста, своей мудрости он оценивает прошлое и прожитое как данность, которую не

отменить, через которую не перешагнуть. Надо просто перечитать написанные страницы и смириться. Другого не было дано. А размышлять, что было бы, если бы: Это не для него. Не для человека, который был первостроителем «Маяка», конструктором железнодорожного деревянного моста, трудармейцем, а если еще дальше, то скрипачом, играющим танго. И мы надеемся, что Горст еще возьмет в руки скрипку. Вот только на смычок надо натянуть струны: прежние из конского волоса окончательно износились.

5. Лицом к лицу: военнопленные

Народ любой страны против войны каким бы воинственным он не был. Но войны все равно происходят. Но не случайно говорят, что врага лучше ненавидеть на расстоянии. Когда видишь глаза противника, по-другому начинаешь к нему относиться. Приходит понимание, что он такой же, как я. Великая Отечественная война в этом не исключение. Она пришла в уральские дома не только самоотверженным трудом и похоронками. В глубоком тылу и с врагами пришлось столкнуться лицом к лицу, хотя они были в другом качестве.

В наших краях были и лагеря военнопленных. Мне известно о двух: один был в Кыштыме, другой в Саткинском районе.

Жизнь подарила нам немало свидетельств того, что дружба и даже любовь не имеет границ, национальности, и они всегда побеждают.

А начиналось все еще во время Первой мировой войны.

Таисия Ильина

На чужбине

Есть в России, на Южном Урале, в Челябинской области, небольшой старинный городок Нязепетровск. Статус города был присвоен ему только в 1944 году. До тех пор назывался – Нязепетровский завод. Иногда, не только в простонародье, но и в документах, его именовали Ураимом. Нязя и Ураим – это речки, которые в этих местах впадают в реку Уфа.

В 1747 году здесь был построен железоделательный завод, а по названию реки Нязя и в честь то ли святого Петра, то ли

русского царя Петра завод был назван Нязепетровским.

Городок стоит в очень живописном месте: холмы, горы, леса, реки. Ягод, грибов, зверья и по сей день много.

Жители все были привезены сюда в разное время из разных губерний Российской империи для работы на заводе и освоения этих мест. Люди были в основном трудолюбивые, серьезные. Каждый привозил культуру, обычаи, традиции, говор своей местности, которые постепенно сплавлялись в единую, характерную именно для

Нязепетровска, субкультуру. До сих пор здесь сохранились самобытность в планировке жилья, в культуре земледелия, в организации жизненного уклада, в песнях, обычаях, говоре.

Как и во многих горнозаводских поселках, завод стоит в центре на берегу искусственного водоема, а от него в разные стороны расходятся улицы, имевшие в прошлом неприятные названия: Широкая, Большая, Могильная, Проезжая и т.д. Когда-то здесь было возведено 3 церкви. Ныне реставрируется одна, чудом уцелевшая. Завод теперь выпускает строительные краны. Правда, городок и сегодня похож на большую деревню. Цивилизация неохотно внедряется в нашу жизнь.

Хотя Нязепетровск расположен в глуши, значительные события никогда не обходят его стороной.

Сегодня мы хотим рассказать об одном эпизоде, который не повлиял на судьбу Нязепетровска и, уж тем более, мира, но всякое значительное событие в жизни конкретного человека значимо для него и его близких и, представляется нам, столь же масштабно.

В 1914 году, во время Первой мировой войны, в Нязепетровск прибыли трое военнопленных Германской армии. Их поместили в доме по центральной улице, которая называлась тогда Проезжая. Здесь жила семья Гусевых, по нязепетровским меркам очень состоятельная, зажиточная. Но все их богатство заключалось, прежде всего, в невероятном трудолюбии.

Тогдашний глава семьи Ермолай вставал в 3 часа утра и до 6 часов работал либо в мастерской, которая находилась во дворе дома, либо в кузнице, останки которой и сейчас можно видеть в огороде. В 7 часов утра он шел на завод. Семья была большая: отец – Ермолай, его мать – Елена, жена – Александра и шестеро детей. Чтобы прокормить всех, держали домашний скот, засаживали овощами (в основном, картофелем) огромные плантации, бескрайними были и покосы, находившиеся на большом удалении от поселка. Сами не справлялись с таким объемом работ. Нанимали сезон-

ных рабочих. Но хозяин Ермолай никогда не был надсмотрщиком. Он всегда работал не просто на равных, а был коренником.

Думается, что распределением военнопленных по домам занималось волостное правление, которое находилось на этой же улице, неподалеку. И здание волостного правления (сейчас там местный музей), и дом Гусевых сохранились.

Мы почти уверены, что между властью и Гусевыми был заключен какой-то договор об условиях содержания военнопленных, но пока его не нашли. Где-то, возможно, сохранились документы о распределении военнопленных в населенные пункты России со списками.

Устные предания о пребывании троих военнопленных очень скудны, но интересные.

Один из троих спал на печке, а двое – на полатах. Очень трудно представить, как здоровенные мужики умещались на них, да и каково им было спать над кроватью хозяев дома.

О двоих рассказывают, как о людях, не проявлявших интереса к незнакомой стране, новому месту жительства, непривычному образу жизни.

О третьем вспоминают как об очень живом, любознательном человеке, обладавшем здоровым юмором.

Если двое безучастно подолгу сидели во дворе, греясь на солнышке и покуривая, ни во что не вмешиваясь, не предлагая хозяевам свою помощь, то третьему до всего было дело. Он повсюду следовал за хозяином и просил его научить работать в мастерской, в кузнице, но по воспоминаниям Ермолая, с трудом осваивал кузнечное и слесарное ремесло. А однажды увязался за работниками на покос. Попытался, как и все, косить вручную, но с непривычки, быстро устал, да еще, испытав на себе жала оводов, возмутился, сказав, что в его стране этот труд давно механизирован, и пешком убежал с покоса, находившегося за 12 километров от поселка.

Пробыли эти трое в нашем медвежьем углу (недаром современные геральдисты изобразили на гербе Нязепетровского рай-

она медведя почти 3 года. Были ли у них постоянная работа здесь, были или нет контакты с местным населением, переписывались ли они с родными в Германии, на какие средства существовали? Все это не известно.

Рассказывают еще, что они неплохо говорили по-русски; что с собой у них было одноствольное ружье 16-го калибра с патронами; что в начале своего пребывания подарили хозяйке красивую шаль, которая сохранилась и поныне; что, уезжая, тоже преподнесли семье Гусевых ценный подарок, которого уже нет. Перед отъездом германские солдаты сходили в местную фотографию и оставили снимок хозяевам на память, сделав надпись на обратной стороне. На фото видно, что «нечаянные гости» не голодали, не бедствовали. Сытые, спокойные лица, сюртуки внатяжку, обувь и одежда в хорошем состоянии. Осанка гордая, держатся с достоинством. Но снова вопросы: почему сюртуки разного фасона, почему у стоящих брюки светлые, у сидящего – более темные, да и сапоги у него больше напоминают ботинки с пристегивающимися крагами: что означают бантики на левой стороне груди у двоих? По какому распоряжению они уехали?

Говорят, что надпись сделал самый активный, тот, что сидит. А написал он по-русски следующее (приводим в современной орфографии с авторскими особенностями): «На память на германский Военнопленный Вилгелм Блум Гамбург 24 Елизаенштрассе Нязепетровский завод 1 май 1917 г.».

Похоже, что он оставил свой адрес. И, может быть, по нему можно установить имена других двоих. Понятно, что никого из персонажей этой истории нет в живых, но их потомки, вероятнее всего, сохранили

воспоминания своих родственников о пребывании на чужбине. Как сложились их судьбы, как живут их наследники?

Если бы не крутые перемены в нашей стране, мы могли бы и не узнать об этих людях. Невестка хозяина дома, Зинаида Васильевна Гусева, родившаяся в 1920 году, услышала об этом от свекра и свекрови, но сама никому не рассказывала, так как в то время это было небезопасно; могли обвинить в чем угодно: в сговоре, шпионаже в пользу Германии, создании подпольной организации, подрывной деятельности против Советского Союза, тем более что муж Петр Ермолаевич воевал на фронтах Великой Отечественной войны с Германией. Даже дочь Нина, которой сейчас за 60 лет, ничего не знала.

Наступило третье тысячелетие. Многое кардинально поменялось. Зинаида Васильевна, которой было уже за 80, проживала в этом же доме, но теперь со взрослой внучкой Ларисой и ее семьей.

Готовясь к смерти, перебирала вместе с ней бранные пожитки в сундуке. Что-то совсем выбросили, что-то отдали в музей, иконы – в открывшуюся церковь. Лариса обо всем расспрашивала. Вот когда была извлечена эта шаль, тут-то Зинаида Васильевна и рассказала внучке, что знала сама, а фотография стала почти документальным подтверждением всей истории.

Говорят, что в то же время в Нязепетровске находились военнопленные из Австрии.

В годы Второй мировой войны якобы здесь тоже были военнопленные из Германии. Про них рассказывают, что они страшно голодали.

Но на сегодня самая реальная история – эта, о трех германских солдатах на фото.

Николай Васильевич Риль родился в Санкт-Петербурге в 1901 году. Его мать была русской, отец — немец, инженер работающий на фирме «Сименс и Халске». Николай с детства владел свободно русским и немецким языками.

С 1920 по 1927 гг, он учился в Санкт Петербургском Политехническом Университете и затем в Берлинском университете им. Гумбольдта. В 1927 он защищает в университете в Берлине диссертацию по радиохимии на тему «Использование счётчиков Мюллера Гейге-

ра для спектроскопии бета излучения». Его научными руководителями были физик-ядерщик Лиза Мейтнер и радиохимик Отто Ган.

С 1927 он начинает свою трудовую деятельность в промышленности на предприятии Ауэргезельшафт, сначала он занимал пост начальника лаборатории оптической техники, затем возглавил научный отдел всего предприятия.

После окончания Второй мировой войны работал в советской атомной программе. С 1945 по 1950 гг. Риль возглавлял производство металлического урана на заводе № 12 в Электростали. С ним также работали другие физики атомщики А. Барони, Г. Борн, А. Катч, В. Кирст, Н. Е. Ортманн, Прцубилла, Г. Шмитц, Г. Тиме, Тобейн, Г. Вирт, К. Циммер. Ветераны завода № 12 в Электростали наверняка помнят эти имена. В последнем квартале 1946 года завод поставлял Курчатовской лаборатории № 2 почти 3 тонны металлического урана в неделю, в конце 1950 года завод производил уже 1 тонну урана в день.

После испытания 29 августа 1949 года Берия представил 33 участников проекта к званию Героя Социалистического Труда, и 52 — к крупным денежным премиям. Среди награжденных Риль был единственным иностранцем, да к тому же заключенным, да к тому же и немцем. «Награжденные направили Сталину благодарственное письмо. Сталин изучил список и начертил красным карандашом недовольную резолюцию: «Где Риль (немец)?». Подписи немца не было»

С 1950 г. и до отъезда в Германию в 1955 г., он был невыездным, с 1950 года по 1952 г являлся научным руководителем работ по радиационной химии и радиобиологии на объекте НКВД «Б» на базе санатория Сунгуль (сегодня Снежинск). Из Постановления СМ СССР № 2857-1145сс/оп от 1 июля 1950 г. «О работе научно-исследовательских институтов...» с весны 1952 года находился на «карантине» в Сухуми, символически работая в Сухумском физтехе, здесь были проведены его первые исследования по физике твердого тела. Для возвращения немецких ученых в Германию КГБ по согласованию с правительством ГДР составило список «А» из 18 человек, которые обязаны бы были вернуться только в ГДР. Вся группа Рили входила в этот список.

В апреле 1955 года советские власти позволили Рилю вернуться на родину, 4 недели он находился в ГДР в восточном Берлине, далее он сознательно перебирается в ФРГ, не вникая даже уговорам Ульбрихта и в 1955 году был принят научным сотрудником в Мюнхенский технический университет на Исследовательский ядерный реактор. В 1961 году получил место ординатного профессора технической физики и продолжил исследования в области физики твердого тела, в области физики льда и оптической спектроскопии твердого тела.

Николай Риль лауреат Сталинской премии (1949), Орден Ленина (1949) и Герой Социалистического Труда (1949).

В 1988 году в издательстве Ридберг в Германии под названием «10 лет в золотой клетке» вышла книга воспоминаний Н. Риль (включая 58 исторических фото).

Николаус Риль

«Десять лет в «золотой клетке»

(глава из книги)

8. В Сунгуле на Урале (1950-1952)

В 1950 г. наша работа в Электростали была завершена. Производство урановых тепловыделяющих элементов шло гладко и участия нас, немцев, больше не требовалось. Но для возвращения в Германию время еще не наступило. Некоторые действия с моей стороны в этом направлении остава-

лись безуспешными. Таким образом встал вопрос о дальнейшем использовании немецкой группы. Министр по атомной энергетике Завенягин предложил мне взять на себя научное руководство в крупном новом институте в Сунгуле на Урале, это было связано с обработкой, влиянием и использованием получаемых в реакторах радиоак-

тивных изотопов (продукты деления). При этом возникали радиобиологические, дозиметрические, радиохимические и физикотехнические проблемы, т.е. имелась в виду большая рабочая программа. Т.к. я был более или менее связан со всеми этими областями еще во время работы в Ауэргезельшафт, то предложение Завенягина показалось мне достаточно обоснованным и заманчивым.

Моему решению принять предложение способствовал и тот факт, что в том институте уже работало три немецких сотрудника, с которыми я был тесно связан в Германии и с которыми находился в дружеских отношениях. Это были уже упоминаемые в главе 2 физик и радиобиолог К.Г. Циммер, радиохимик и ученик Гана - Г. Борн (позднее профессор радиохимии в техническом университете г. Мюнхена) и медик и радиобиолог А. Кач, впоследствии профессор в Карлсруэ. Хотя все эти люди и были тесно связаны с Ауэргезельшафт, но их рабочее место было в Кайзер-Вильгельминституте в Бухе, Берлин, а именно в отделе генетика Н.В. Тимофеева-Ресовского, о котором речь будет далее. Вместе с русскими они были привезены в Советский Союз и включены в мою группу в г. Электросталь. В рамках уранового производства было очень трудно найти соответствующую их квалификации работу. Я пытался доказать, что радиохимия и радиобиология хорошо согласуются с урановым производством, однако потребовалось много лет, чтобы внушить это начальству. И поэтому, когда был основан институт в Сунгуле, все трое были переведены туда. Там они смогли полностью развернуть свою деятельность в соответствии со своей специальностью.

Тимофеев-Ресовский прибыл также в Сунгуль. Его судьба заслуживает особого описания, она является характерной для сталинского послевоенного времени. Тимофеев был советским гражданином. В 20-е годы он был приглашен в Берлин, в Кайзер-Вильгельм-институт мозга, немецким ученым по изучению мозга Фогтом, который по поручению советского правительства занимался исследованием мозга Ленина в Москве. Не отказываясь от советского гра-

жданства, он оставался там до конца войны. Его работы - особенно исследования по радиационному воздействию на наследственность, выполненные вместе с Дельбрюком и Циммером, - способствовали его авторитету. Нацистское правительство оставило его лично на долгое время в покое. Но его старший сын за контакты с советскими военнопленными был арестован и брошен в концентрационный лагерь. Тимофеев думал, что ему уже нечего бояться русских. Поэтому, а также из-за чувства своей принадлежности к России, он остался в Берлине, когда туда вошли советские войска. Спустя некоторое время он был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы. Точно такая же судьба постигла и его сотрудника Царапкина, который также, как советский гражданин, работал также в Бухе под Берлином. Солженицын упоминает о них в своей книге «Архипелаг Гулаг» как о товарищах по несчастью. Тимофеев, как обычный заключенный, терпел лишения и поэтому физически полностью дошел до истощения. Потом компетентные люди из МВД заметили, что о Тимофееве говорят, как о выдающемся ученом, которого можно использовать для проекта по атомной энергии вследствие его радиобиологического опыта. Его разыскали в трудовом лагере и послали майора, чтобы привезти его и Царапкина. Обоих откормили немного и отправили в Сунгуль.

Однако в результате лишений у Тимофеева ухудшилось зрение. Он почти не различал контуры людей и предметов, едва мог читать. Я узнал об этом, когда был еще в Электростали. Я прочитал две толстые книги о витаминах и о их влиянии и узнал, что недостаток определенного витамина (насколько я помню, амида никотиновой кислоты) вызывает отслаивание миелиновой оболочки зрительного нерва, т.е. повреждение зрения. Я заказал сразу же витамин в Москву и через Завенягина передал его Тимофееву, но было уже поздно, повреждение уже было необратимо.

Тимофеев оставался в статусе заключенного, но в Сунгуле его очень хорошо устроили. Он получил дом, такой же хороший, как и у немцев. Он стал руководителем биологического отдела института и смог

привезти свою семью из Германии, и это все как заключенный! Особенно странным было то, что при прибытии он получил букет цветов в качестве приветствия. В свете этих фактов я не могу не заметить, что это является стимулом для поборников гуманизма при отбытии наказания осужденными в нашей стране. Как было бы гуманно и благородно, если бы наши женщины-заключенные при доставке их в места заключения получали бы букеты цветов в камерах!

Хотя я уже знал, что в Сунгуле встречу ряд друзей-коллег, я хотел познакомиться с Сунгульским институтом поближе и с отношениями там, прежде чем дать ответ Завенягину. В это время я уже мог ставить условия и выражать пожелания. Поэтому я сначала поехал в Сунгуль, чтобы все увидеть своими глазами. Я взял с собой старшую дочь и еще одну немецкую девушку, чтобы показать им Урал.

Радостная встреча с Тимофеевым и другими коллегами и все сунгульские впечатления разрушили все мои сомнения относительно того, соглашаться ли мне на научное руководство институтом. Только в одном пункте я хотел получить ясность. Химическим отделом в институте руководил профессор С.А. Вознесенский, который, как и Тимофеев был заключенным, и имел те же привилегии. Я его еще не знал и пытался во время ознакомительного визита в Сунгуль узнать, является ли он человеком, достойным доверия. Атмосфера нашего разговора оставалась холодной, я пытался пробиться к нему, вызвать его на откровенный разговор, но он оставался замкнутым. Конечно, он меня не знал, и Золотая звезда «Героя» на моей груди заставляла его сомневаться в том, может ли он быть со мной искренним. (В поездки и официальные визиты я надевал всегда Звезду и медаль лауреата Сталинской премии, т.к. это открывало многие двери.) Наконец его прорвало, и он рассказал мне свою историю страданий. Незадолго до прихода к власти Гитлера он провел в Германии в одном научном институте примерно полтора года и многому научился там у немцев. В начале войны он был сразу же арестован и осужден на 10 лет за «потенциальную принад-

лежность к пятой колонне». Он сказал мне, что он никогда ничего не говорил и даже не думал, что он бы смог громко высказать на Красной площади. Мы стали хорошими друзьями.

Удовлетворенный ознакомительным визитом в Сунгуль, возвращался я с девочками обратно. Трудно описать путешествие в русской провинции, не сделав экскурс в область энтомологии. По пути в г. Свердловск наш автомобиль сломался, и мы должны были провести полночи в простом крестьянском доме. Девочки играли в карты с нашим сопровождающим, а я спал на деревянной скамье. Девочки затем обнаружили многочисленные укусы блох на ногах, а я ни одного. Это объяснялось не хорошим вкусом блох при выборе еды, а тем, что это были земляные блохи, которые не могли допрыгнуть до моей скамьи. Рекордная высота их прыжков 35 см. Наверное, это было начало последовательного развития социалистического спорта.

В сентябре 1950 г. вместе с семьей я переехал в Сунгуль. Почти все сотрудники моей группы были переведены в другие места. Приехал только др. Ортманн, т. к он был специалист в области люминесценции и подходил для работы в институте.

В институте Сунгуля царила совершенно другая, более приятная атмосфера, чем на урановом заводе г. Электростали. Культурный тон обращения создавался немецкими и советскими учеными. Почти все советские ученые были в большей или меньшей степени заключенными или по крайней мере ссыльными, и именно по политическим причинам.

На различных вспомогательных производствах работали уголовные заключенные. Был даже настоящий убийца. Мы называли его «наш убийца». Если можно было бы выбирать в Советском Союзе между «карьерой» политического заключенного и уголовного, то большинство кандидатов выбрали бы последнюю возможность. Уголовники после освобождения из заключения становились полноправными гражданами страны; а политические иногда ко конца жизни оставались с позорным пятном в своей биографии. Некоторые, известные мне политические заключенные, после

освобождения имели в своем паспорте штамп с определенным числом (мне кажется, это было число 39), а это значило, что владелец такого паспорта не может жить в крупных городах. При наличии хороших результатов работы срок заключения для ученых сокращался. Таким образом многим удалось примерно после половины срока выйти из статуса заключенного.

Чтобы перейти к более приятным вещам, нужно сказать, что Сунгуль находится в прекрасной местности. Институт, жилые дома и все вспомогательные здания находились на лесистом, частично скалистом, узком полуострове, имеющем несколько километров в длину. На находящемся рядом озере было много островов. На западе открывался прекрасный вид на Уральские горы. Прелестный дом, в котором я жил со своей семьей, стоял на берегу озера с крутым берегом. Если бы не было чувства, что мы находимся под замком, было бы со всем по-другому. С прибрежной стороны полуостров был окружен колючей проволокой, а по берегу озера стояли часовые с сильными собаками. Мы, немцы, могли покинуть полуостров только с сопровождающим, а заключенные вообще не могли, кроме самых исключительных случаев болезни. Поэтому мы получали наслаждение от прекрасной природы только в очень ограниченной мере.

Местный климат был резко континентальный. Очень холодная зима была намного длиннее, чем хотелось бы нам. Морозы до 40° С не были большой редкостью. Я никогда не забуду поездку из Свердловска в Сунгуль в едва защищенном джипе при минус 42° С и сильном ветре. Из-за снежных заносов мы должны были ехать всю ночь и, несмотря на очень теплую одежду, были близки к замерзанию. И только, увидев край восходящего солнца, нам стало немного теплее, это уже было спасение! Я удивлялся этому чисто физиологическому эффекту. Длинная зима сменялась короткой, но опьяняюще прекрасной весной. Лето было также коротким и, в основном, красивым. Растительный мир был более буйным чем в Средней Европе. Окраска цветов была более интенсивная, некоторые растения, о которых мы знали, что это низ-

кие сорняки, были до двух метров в высоту, изобилие лесных ягод было необычным.

Работа в Сунгульском институте была связана преимущественно с радиохимическими и радиобиологическими проблемами. Наряду с разработкой дозиметрических методов проводились исследования воздействия радионуклидов (радиоактивных изотопов) на различные органы, статистически изучалось качественное биологическое действие при присоединении и при внешнем облучении, устанавливались максимально допустимые дозы облучения и соответственно концентрация радионуклидов. Общественности очень мало известно, с какой строгостью и с какими экстремальными факторами безопасности проводились работы при этих исследованиях. Поэтому страх в кругу неспециалистов был полностью бессмысленным, т.к. они даже не понимали действительную опасность, которой подвергаются при работе с ядерной энергией. Вопросы безопасности в этой области очень важны, но должны обсуждаться экспертами, а не полуспециалистами или неспециалистами, которые хотят себя выдать за благодетелей человечества.

Господа Циммер и Борн смогли работать в Сунгуле в тех областях, в которых они ранее работали в Германии. У Циммера это была дозиметрия облучения, область, в которой он уже несколько лет занимал ведущее место. У Борна это была радиохимия. Если в Германии он работал с радионуклидами очень мало, то теперь он имел дело с препаратами, которые имели активность на много порядков больше. К тому же добавлялись многочисленные радионуклиды, которые являлись побочным продуктом деления при работе находящегося недалеко от Сунгуля ядерного реактора. Другой сотрудник, А. Кач, посвятил себя проблеме удаления радионуклидов из организма посредством введения комплексообразователей и других веществ. Для нас, немцев, это было большим преимуществом, что нас не отделили от наших областей деятельности в эти послевоенные годы, и поэтому после возвращения в Германию мы смогли полностью окунуться в эту работу.

Тимофеев-Ресовский не мог в это время работать в своей области, а именно, зани-

маться генетикой, по причине безобразной аферы Лысенко, о чем я кратко скажу ниже (в главе 17), и который сделал невозможной работу всем серьезным русским генетикам в их области. Тимофеев-Ресовский в Сунгуле занимался исследованием влияния радиоактивного облучения на рост полезных растений. И только много позже, после свержения Лысенко, он смог вернуться к генетике уже в другом месте.

В отличие от Тимофеева-Ресовского его старый сотрудник Царапкин упорно отказывался заниматься задачей, которая входила в рабочую программу института. Он замкнулся в себе и занимался исключительно некоторыми теоретическими вопросами генетики. Поэтому никто его не контролировал, но он потерял и возможность получить сокращение своего срока заключения как награду за выполненную «полезную» работу. Я пытался убедить Царапкина, что он должен выполнять, по крайней мере, хоть какую-то «полезную» работу, чтобы можно было облегчить свою судьбу и судьбу своей семьи получением сокращения срока заключения. Я предлагал ему любую возможную поддержку и льготные условия для такого решения. Он поблагодарил меня за участие и готовность помочь, но решительно отказался занимать прагматическую позицию. Он думал, что кто-нибудь когда-нибудь выкопает из сейфа его относящиеся к генетике записи и оценит их, и только это было важно для него. (Чтобы не отнимать у него последние остатки жизненной энергии, я умолчал о своем опасении, что его записи, по всей вероятности, кто-нибудь из выдрессированных чиновников для сохранения тайны вытащит из сейфа, перевяжет шнурком, опечатает и спрячет так «надежно», что никакой специалист не сможет их никогда прочитать.) Я, который уже был научен моим предыдущим опытом, как «служить богу и платить черту», мог понять точку зрения Царапкина, но не мог разделить его взгляды. Иногда бывает лучше «отдать кайзеру то, что ему принадлежит». После этого разговора я вышел из комнаты с чувством, средним между преклонением и сожалением. После нашего отъезда из Сунгуля Царап-

кина отправили куда-то в Среднюю Азию, где он затем и умер.

Что же касается меня самого, то я наряду с моей деятельностью в качестве научного руководителя института мог работать над темами, которые мало касались институтской программы, но были интересны мне лично. Т.к. библиотека института обеспечивалась достаточно хорошо текущими научными, а также и иностранными журналами, я мог быть более или менее удовлетворительно в курсе того, что происходит в мире в интересующих меня областях. Но, что полностью отсутствовало, так это личный контакт с коллегами. Даже с советскими коллегами я смог познакомиться только после возвращения в Германию и встретиться с ними на международных конференциях. В начале нашего пребывания в Советском Союзе президент Академии СССР С.И.Вавилов (ныне уже покойный), коллега по люминесценции, который написал предисловие к русскому переводу моей книги по люминесценции, пытался установить со мной контакт и просил сделать меня доклад, хотя самому, этому высокопоставленному человеку, в контакте со мной - по причине конспиративности, было отказано. Приятные человеческие отношения в Сунгуле, о которых я уже говорил, не в последнюю очередь зависели от административного руководителя того «объекта». Это был полковник НКВД Уралец, сердечный и умный человек. Большинство недобровольных жителей его объекта никогда не узнало, какие рискованные для него самого усилия он прилагал для того, чтобы облегчить этим людям жизнь. Я многократно видел, что некоторые его действия вторгались в область моей компетенции, и я должен был страховать его. Свободный от какой-либо идеологической ограниченности он действовал прагматически и гибко. Он не был славянско-русским типом, это был человек с татарским или даже с кавказским уклоном. Внешне он был очень похож на знаменитого русского путешественника Пржевальского. Наряду с организаторским талантом у него был еще дар, который в России редко встречается. Большинство настоящих русских отказываются от любой возможности для оформления своего есте-

ственного окружения; часто они оставляют запущенными свои сады, свои кладбища и территорию вокруг своих домов. Во время форсированной советской индустриализации это стало еще намного хуже. Уральца же наоборот не пугали трудности, чтобы построенный для работников института поселок органически вписывался в прекрасное естественное окружение. Он сражался за каждое дерево, которое хотели бы вырвать не долго думая строители. И если я вношу полковника Уральца в мой список «хороших русских людей», то делаю это не только потому, что он имеет определенные, типичные для русского, качества, а потому, что он не имеет эти определенные, типичные для русского, качества.

В заключение этой главы я должен упомянуть печальное событие, хотя оно и произошло много лет спустя после нашего пребывания на Урале, но касается именно того места, где мы жили. Речь идет о «Кыштымской катастрофе», взрыве, который был в 1957г. или 1958г. и в результате которого была заражена значительная территория. Кыштым - это находящаяся недалеко от Сунгуля станция железной дороги Челябинск - Свердловск. Недалеко находится также и первая советская реакторная площадка, а также город Касли. Советские власти умолчали об этом случае, однако многочисленные свидетельские показания говорят о том, что этот инцидент, действительно, имел место. Ученый Медведев, который сейчас живет на Западе, собрал весь

имеющийся материал об этом событии, критически проверил и опубликовал книгу, которая есть в указателе литературы. Т. к. я лично знаю некоторые факты, я могу подтвердить, что его сообщение достойно доверия.

Что же произошло? Открыто говорили о происшествии, причиной которого был не действующий реактор, а менее скверное несчастье, а именно взрыв или вспышка в хранилище радиоактивных отходов, радиоактивный материал был выброшен в воздух. Это был серьезный несчастный случай, связанный с человеческими жертвами, даже, вероятно, с которыми мы вместе работали. Т.к. однако результаты исследования данного инцидента советскими учеными, к сожалению, не известны, мы можем только делать предположения от причинах взрыва. В виду исключительности Кыштымской катастрофы можно склониться к мнению, что причина заключается в каких-либо специальных, локальных географических, геологических или климатических условиях. Может быть также сыграла существенную роль и уже упоминаемая мною гектика при создании советской ядерной техники. Я обращаюсь к советским властям по возможности открыто и подробно познакомить специалистов с причиной данного происшествия, т.к. специальный анализ и прогноз опасности ядерной энергии является в равной мере важным моментом для всех наций. Может этому будет способствовать и современная «гласность».

Любовь Алямкина

«Непрошенные гости»

Великая Отечественная война оставила в нашем обществе такой след, что еще долго мы будем вспоминать и осмысливать те годы, искать ответы на непростые вопросы. Какая сила подняла народ на защиту Отечества? Какое благородство сохранил в себе наш народ.

Узнаем мы много нового о роли нашего края в те суровые годы. Оказывается, в области не только производился металл, выпускались танки, оружие. После войны на наших предприятиях работали военнопленные немцы. Один из таких лагерей располагался в поселке Магнитка, Кусинского района.

Этот факт заинтересовал педагога Магнитской общеобразовательной школы Любовь Васильевну Алямкину. Она организовала сбор воспоминаний свидетелей той далекой поры. Собранны удивительные свидетельства сложнейшего периода нашей истории.

- Всегда считала, что краеведение – важнейший инструмент воспитания детей, так как прививает любовь к малой Родине, - говорит педагог и руководитель краеведческого

кружка Любовь Васильевна Алямкина - Поэтому, узнав из рассказов старожилов поселка Магнитка о трагической судьбе немецких военнопленных, которые после войны проживали на территории нашего поселка в лагере, начала индивидуальное расследование с целью восстановить память о тех, кого уже вычеркнули из истории, чьи могилы заросли травой, а рядом с ними устроили свалку мусора. Долгое время эта тема была закрыта для исследования, поэтому многие представленные факты неизвестны и малоизвестны.

Знать прошлое – это предвидеть будущее, обратиться к истории повседневности, чтобы увидеть личную человеческую судьбу не только своих дедов и прадедов, но и побежденных врагов, как людей, испытавших тяготы войны и плена.

Повседневная жизнь того поколения оказалась наполненной большими событиями и трагедиями. Через их судьбу можно понять жизнь страны.

Приезд

В тот день стояла невыносимая жара. Казалось, что все замерло в неподвижности под палящими лучами солнца. На станции собрались люди в ожидании состава с военнопленными немцами. Они вяло переговаривались между собой, стараясь стоять в тени. Среди них были конвоиры-солдаты с автоматами и жители поселка, пришедшие сюда просто ради любопытства: немцев до этого они видели только в кино. В воздухе витала настроенная враждебности. Война закончилась, но ненависть к бывшему врагу жила в сердце каждого.

Тишину разрезал гудок приближающегося поезда. Все сразу ожило: забегали конвоиры, отгоняя мальчишек от железнодорожного полотна, кто-то кричал, слышались команды командиров. В этот шум влилось тяжелое пыхтение поезда и лязг железа. Состав остановился. Вагонов было много. Обычно в них перевозили коров и телят, сейчас привезли людей.

Открыли двери и на землю стали спрыгивать пленные. В нос ударил резкий запах пота, грязных человеческих тел, полуистлевшей соломы. От вида этих изможденных, худых, измученных дорогой немцев настроение агрессивности исчезло. В глазах женщин появилась жалость. Сухие, истрепавшиеся от жажды губы каждого, просили пить. Кто-то сразу побежал за водой, неизвестно откуда взявшиеся банки, кружки, наполненные до краев, передавали пленным, а те жадно пили. За глоток живительной влаги они в знак благодарности снимали со своих рук часы, кольца. У одного из них была губная гармошка, она досталась мальчишке и он тут же, довольный доставшимся трофеем, радостно запиликал.

Раздалась команда строиться, образовалась длинная колонна. Впереди поставили офицеров. На груди у некоторых красовались боевые награды. Солдаты нам казались простыми людьми, а во взглядах офицеров читалась откровенная враждебность. Колонна в сопровождении конвоиров двинулась в путь. Станция опустела, все быстро разошлось, живо обсуждая событие, и лишь мальчишки побежали вслед, сверка босыми ногами.

Что помню...

Полторы тысячи военнопленных прибыли к нам после войны. Уставшие и изможденные шли они по поселку с низко опущенными головами. Старались не смотреть на местных жителей. Слишком враждебно смотрели они на непрошенных гостей. Вдогонку им неслась брань и злобные выкрики. Кто-то в колонну бросил камень. Охранники старались ничего не замечать. Пленные совсем не походили на тех храбрых солдат, которые вышагивали по нашим городам и селам, напротив, на лицах многих читались виноватые выражения лица.

Прошло время, к немцам, свободно ходившим по поселку, привыкли, и теперь, когда видели колонну военнопленных в сопровождении охраны, то бросали в них не камни, а картошку. Они ловили ее и благодарно улыбались в ответ.

Работала я тогда в теплице, и дали нам в помощники молодого светловолосого солдата, звали его Гансом. Он оказался неплохим агрономом и научился быстро говорить по-русски. Мне, молоденькой девчонке, помогал садить рассаду, ухаживать за овощами, объяснял премудрости работы с землей. Спокойный и рассудительный, он

понравился молодой женщине, работающей с нами. Они начали встречаться. Валя, так звали женщину, долго грустила, когда Ганс уехал домой.

Меня не удивляет такое отношение русских к немцам. Пережив суровые годы войны, голод и холод, мы сохранили в душе доброту, жалость и сострадание к ближнему. Мы знали цену жизни и радовались каждому дню, ожидая от будущего только хорошее. Вчерашние наши враги, побежденные, оставались для нас людьми.

Клацк - клацк

Наши уральские зимы всегда отличаются суровостью. В 1947 году столбик термометра часто опускался на отметку минус 40 градусов. И ничего: жили, работали. Мы привычны к таким холодам.

Другое дело – немцы. О теплой одежде многим из них приходилось только мечтать, об обуви тоже. В том, в чем они приехали, нельзя было ходить ни в холод, ни в слякоть. Тогда немцы придумали на ноги деревянные колодки одевать, а сверху кусок брезента веревкой привязывали. Идет он по мерзлой земле, а в морозном воздухе разносится звук – «клацк-клацк».

Однажды осенью мы закололи теленка. Сварили мяса, покушали, а на столе оставили кости, чтобы вечером накормить собаку. Занялись домашними делами и не заметили, как в дом зашел немец. Видимо он хотел наняться на работу. Только как увидел кости на столе, обо всем забыл. Не выдержал, схватил кость и давай ее грызть, а там есть нечего. Того и гляди зубы сломает.

Тут мать вошла в комнату, увидела это и руками всплеснула. Парень стоит худой, на руках вены просвечивают. Ничего не сказала, молча вышла в сенки, и принесла молока.

Напоила его, хлебом накормила. Парня глаза радостные стали, заулыбался, что-то по-немецки говорит, поняли, что благодарит. За дверью услышали знакомые звуки «клацк-клацк», только теперь с веселыми нотками.

К нам он больше не приходил. Но как-то на улице его встретила мать. Он ее узнал, подошел и по-русски сказал: «Спасибо».

Фотография

По пыльной дороге идет девочка Нина. Она в старом ситцевом платице, стоптанных туфлях и бережно держала в руке кусочек хлеба весом сто граммов. Хлеб давали по карточкам и дома его уже ждут. Нина бережно несет драгоценную ношу, но ее запах так и ударяет в нос, а вкус так и чувствуешь на языке. Так и хочется откусить хотя бы раз свежееиспеченную корочку и долго-долго жевать, наслаждаясь вкусом. Преодолевая в себе это желание, она ускоряет шаг.

Нина не сразу заметила рядом с собой немца, к которому в поселке уже привыкли. Он настойчиво шел за ней, и что-то говорил по-немецки, жестикулировал и показывал на хлеб. Недоумевая, она пожимала плечами, как бы объясняя, что ничего не поняла. Нина с удивлением смотрела, как он полез к себе в карман и достал фотографию. Протянув ей снимок, он продолжал что-то говорить.

Любопытство одержало верх, и Нина берет фотографию в руки. На ней красивая женщина в белой, как снег кофточке держит на коленях ребенка. Женщина улыбается, волосы уложены и делают ее похожей на актрису. Ребенок капризно скривил губы, готовый вот-вот заплакать.

- Жена и дочка, - догадалась Нина, - Но зачем он их мне показывает?

Немец, показывая пальцем на фотографию, не отрывал глаз от хлеба.

- Да он же голодный и готов за хлеб отдать самое дорогое, - догадалась она и неожиданно протянула ему стограммовый кусочек, - Возьми, а фотографию оставь себе.

Немец радостно закивал головой, спрятал фотографию в карман куртки и, благодарно взглянув девочку, бережно взял у нее хлеб. Дома Нина не рассказала маме о случайной встрече.

И теперь всегда, когда она встречала теперь уже знакомого немецкого солдата, то всегда отдавала ему свой кусочек хлеба. Он всегда ее благодарил, и глаза при этом были такие грустные, словно он просил у нее прощения.

Об этом маленьком эпизоде из своего детства Нина не забыла до сих пор. Она, рассказывая об этом, гордо говорила, что,

возможно, спасла человеку жизнь. Потом он уехал к своей красивой жене, а мама так и не узнала про кусочек хлеба в сто граммов.

Крапива

Богат Урал разнотравьем. Только пригреет майское солнце, сразу появляются цветы медуницы, синие лепесточки которых так сладко тают во рту. Похожи на солнышко соцветия колокольчика, тоже сладкие как сахар. В лесу большие поля дикого чеснока, хоть косой коси, тут следом кислица поспеет. За ней – пеканы, хороши они варенные с солью. Есть еще в горах цветов удивительной красоты: лепесточки бледно-розовые причудливо изогнуты, называется саранкой. У нее корни слаще картошки. Но уж о крапиве и говорить нечего. В мае она появляется на каждом пригорке, ярко-зеленая, нарядная, как невеста-недотрога, а потом меняет свой наряд на цвет темной зелени, похожий на малахит.

В то лето, о котором хочу рассказать, часто шли дожди. Горы словно не хотели отпускать тучи и они, серые, свинцовые, закрывали собой все небо. Зато, когда дожди закончились, буйно разрослась за нашим домом на бугре крапива.

Мальчишки пошли собирать ее, варенная, с солью часто она была единственная на столе. Как же они удивились, увидев там немцев, рвущих крапиву и складывающих ее в мешки.

- Фрицы проклятые! – раздалось отчаянное, - Все собрали!

- А ну, пацаны, бей их, бери камни, - крикнул кто-то из парней постарше.

На бугор полетели камни. Немцы погрозили кулаками, что еще больше подзадорило нападающих. Под восторженные вопли «хозяев» они как-то съезились, толи от камней, толи от криков, и ушли.

В моей детской памяти так и остались серые фигурки людей, которых никто не боялся, которые никому не причиняли зла. Трава не насыщала желудок, есть хотелось всегда, но скольких людей спасла крапива от голодной смерти и русских, и немцев.

Молитва

Отец у нас погиб на фронте и осталась моя мама вдовой с тремя детьми. Братья,

Юрка да Алешка, непослушными росли, много хлопот нам доставляли. Дом, в котором мы жили, небольшой, но мужские руки всегда нужны. Держали мы корову с теленком, за ними нужен уход, мама работала, поэтому пришлось нанять двух немецвоеннопленных. Расплачивались с ними картошкой, хлебом, молоком. Ганс и Фритц приходили в определенное время, трудились исправно и добросовестно. И мама их не обижала, кормила досыта.

Вели они себя тихо, по-русски понимали плохо, объяснялись чаще жестами. Глаза, наполненные тоской, делали их робкими, беззащитными и совсем не походили на немцев, которые мы привыкли видеть в кино.

Моя мама часто молилась. По русскому обычаю у нас в правом углу комнаты висела икона. Встанет мама на колени перед ней, крестится, поклоны кладет, о чем-то Бога просит. Немцы видели, как она молилась.

В тот вечер, о котором хочу рассказать, дома кроме мальчишек никого не было. Приходят, как обычно, Ганс и Фритц. Решили они тоже помолиться, но слов не знают. Спрашивают у Юрки с Алешкой, показывая на икону, крестятся, знаками спрашивают: «Что говорить?» Мальчишки решили подшутить. Наговорили им таких матерных слов с самым серьезным видом. Сами на печку спрятались и наблюдают.

А тут мама с работы пришла и ничего понять не может: стоят Ганс с Фритцем на коленях перед иконой, крестятся и поклоны отбивают и такие при этом слова произносятся, что хоть уши затыкай. Опомнилась и как закричит на них:

- Это что вы, богохульники, делаете? Грех то какой-то? И еще в моем доме.

Бедные немцы ничего понять не могут. Встали с колен, шапки в руках мнут и не знают, в чем провинились. Тут такой смех с печи раздался. Догадалась мать чьих это рук дело, схватила валенок и бросила на печку. Постояли Ганс с Фритцем и ушли.

Богородица, наверное, услышала их молитву, слова тут не главным оказались, главное – о чем просила душа, то и случилось, потому что скоро парней отправили домой.

Воспоминания охранника

Северная шахта. 120 метров глубины. В шестнадцать лет я спустился туда впервые. Грузил руду наравне со взрослыми. Война закончилась, рабочих рук не хватало, и не вернувшихся с войны мужчин заменяли женщины и подростки. Восемь часов ежедневного тяжелого труда под землей отнимали все силы, к концу смены я падал от усталости, но, не подавая вида, продолжал погрузку. Большой бут руды, сорвавшись с лопаты, неожиданно упал мне на ногу и повредил палец. Пришлось из шахты уйти. Здесь и начинается интересный момент моей биографии. Устроился я охранником в лагерь военнопленных.

Мой первый день на новом месте... Трудно забыть. После проведенного инструктажа мне вручили дубинку, познакомили с бригадиром, и я ставлю подпись на соответствующих документах: сколько человек принял, в какое время, какого числа. Беру под охрану десять немцев и веду их на работу в шахту. Четыре часа они должны были долбить лед в нескольких штольнях, затопленных водой. Через эти штольни из-за образовавшегося льда невозможно стало проходить. И так почти месяц кирками и ломами они воевали со льдом. Потом увел их назад в лагерь. Трудились они добросовестно, хлопот не доставляли, и я охранял их со спокойной душой.

Возле школы находился магазин, в котором мы получали хлеб по карточкам. На человека по килограмму ежедневно. Привел я как всегда бригаду, начали они работать, а я стою и думаю: «Может, мне пока за хлебом сходить? Немцы мои делом заняты, и я время сберегу». Попросил знакомого мастера:

- Посмотри за ними, я недолго.

- Иди, - говорит, - я задержусь, пока не вернешься.

Русская пословица гласит: «На грех и вилы стреляют». Вот они и выстрелили: пришла проверка. Тут и начальник лагеря, и главный врач, и много другого начальства: гаража, шахты, рудника. Видят: пленные без охраны. Спросили мою фамилия и ушли. Когда я появился, мастер руками развел: «Готовься к наказанию».

Арестовали меня на следующий день: давал подписку не отлучаться – выполняй. Сняли с меня ремень, забрали сигареты, даже шнурки от ботинок заставили отдать. Посадили в карцер. Со мной еще два человека оказалось: старик и молодой мужчина. Карцер напоминал подземный бункер. Состоял из нескольких камер: трехместных и одноместных... Находился он рядом с лагерем.

Сидим мы втроем на земле, на корточках, темно, холодно, сыро, блохи кусают – покоя от них нет. А рядом в одноместную камеру немца закрыли. Там еще хуже: сесть нельзя, негде, только стоять можно и чуть-чуть руками шевелить. Кричал он сильно, но разве под землей разве кто услышит? Жуткую ночь провели. Казалось, что время остановилось. Как в могиле побывали заживо погребенные. Крики только к утру смолкли. Что с тем немцем дальше было – не знаю: только трудно после этого с ума не сойти.

А рано утром слышим:

- Ситников, на выход!

- Комягин, на выход!

- Петров, на выход!

Вышли, пришел на работу – думал, уволят, но ничего, обошлось, оставили на прежней должности.

Хорошие отношения у меня сложились с бригадиром немцев. По-русски он отлично разговаривал. Да и все пленные неплохие оказались, кроме эсэсовцев. До сих пор один такой перед глазами стоит: высокий, худощавый, лодырь, русских больше смерти ненавидел. Но таких мало встречал.

С месяц, наверное, они под охраной ходили, охрана с автоматами, как положено, а потом им разрешили свободно по поселку разгуливать. Вот они и подрабатывали, кто как мог. Без этого трудно было выжить.

Норму выработки для них установили 100,1%. Эта норма давала возможность получения дополнительного пайка: нескольких граммов хлеба и одной поварешки похлебки, так называемого «усиленного питания». Наряд обычно давал начальник участка, потом подсчитывал проценты.

Наряд обычно давал начальник участка, потом подсчитывал проценты. О эти люди, находясь в плену, не только работали. Футбольная команда, организованная немцами, часто выигрывала в соревнованиях с поселковой командой и даже выезжала в районный центр. Музыка, исполняемая их оркестром перед началом матча, брала за душу, отличные музыканты подобрались!

В зоне немецкий порядок навели: посадили деревья, между бараками сделали красивые аллеи, рядом – клумбы с цветами. Организовали свой театр, ставили пьесы. Ни разу не слышал от них бранного слова – вот тут есть чему русскому человеку поучиться. На кладбище тоже порядок: ровные ряды могил, березовый крест на каждой, по краям небольшой заборчик, а перед входом – огромный березовый крест.

В день отъезда за ними прислали товарные вагоны, в которых развозили овощи. Перед этим вагоны несколько дней стояли в тупике. За это время немцы их помыли, покрасили, ярко разрисовали, прикрепили к вагонам цветы. Играла музыка, торжественная, бравурная, веселая, радостная, дающая ощущение праздника. Мороз по коже – до чего хорошо играла. Трудно в то поверить, но люди плакали, расставаясь с ними. Немало женских слез тогда пролилось!

Запомнились они и хорошими специалистами: были среди них инженеры, врачи, агрономы. Рабочие тоже неплохими оказались.

После отъезда пленных сломали бараки, снесли вышки. А деревья, аллеи, цветы остались. Подумали и решили на этом месте сделать парк.

Прошло много лет. Мой дом находился недалеко от бывшего немецкого кладбища. Бывшего, потому что там сейчас пустое место. Сидим мы однажды с мужиками на бугорке возле дома, курим, о чем-то болтаем. Погода прекрасная, птички щебечут. Смотрим идет к нам полковник.

- Здорово мужики, - говорит.

- Здорово, - отвечаем, а сами поглядываем: не каждый день в наше деревне полковники расхаживают.

- Вы, - просит, - немецкое кладбище покажите.

- А зачем? – поинтересовались.

Молчит, ничего не ответил.

- Так оно совсем рядом, метров тридцать от нас.

Пришли. Тогда еще бугорочки различимы были в тех местах, где хоронили.

Что-то подсчитал, записал, потом попрощался и ушел.

Покурили мы еще немного на том месте и разошлись. Больше никто этим местом не интересовался.

Виталий Ситников

Премия

Уцелели немцы от русских пуль, нор в плену их ждал грозный враг – голод. Каждый от него спасался, как мог. Многих этот враг сумел одолеть. Люди умирали, побежденные этим безжалостным противником и хоронили их недалеко от бараков. Много осталось могил и все без имянные. Но не только голод отнимал жизни.

Возле лагеря стояли вышки с часовыми. По поселку прошел слух, что кто-то из пленных совершил побег. Что заставило этого человека пойти на такое? Голод, тоска по дому, унижения? Выстрел вышки сразил беглеца мгновенно. Начальство, узнав об этом факте, наградило часового премией. Деньги, видимо, оказались немалые. Еще один могильный холмик вырос за забором, еще один крест появился на кладбище.

Но этим дело не закончилось. Жизнь людей, оказавшихся по воле судьбы в плену на чужой земле, не стоила ничего. Факт премии раззадорил часовых. Возможность получить деньги взамен человеческой жизни привел к тому, что часовые попросту начали провоцировать побег заключенных, придумывая разные способы.

Со временем сломали бараки, снесли вышки, убрали забор, огораживающий лагерь. Сгнили и кресты на могилах. Люди просто забыли это место. И никто никогда не узнает имени солдат, чья жизнь была оплачена премией.

Несоленая каша

После войны, закончив педагогический техникум, я по направлению приехала в Магнитку. Школа маленькая, в старом деревянном бараке, а учеников много. Учителей не хватало, и встретили меня с радо-

стью, сразу предложив комнату в общежитии.

После теплого приема, счастливая, иду искать это общежитие. Оно оказалось совсем рядом, в таком же бараке. Меня догнала черноволосая девушка.

- Это вы Анна Петровна? А меня Катей звать. Поселили в ту же комнату, что и вас.

Познакомившись, заходим в барак. Наша комната в самом конце длинного коридора. Открыли дверь – ахнули: грязно, темно, холодно. Железная кровать в углу и два стула. Решили печь истопить, а дрова сырые, не горят, пришлось спать голодными лечь.

На другой день пришли к директору. Молчим, а у самих слезы на глазах. Увидев наши расстроенные лица, директор все сразу понял:

- Поможем!

И помог. К вечеру привезли нам на лошади кое-что из мебели, ввернули лампочку, выдали постель, а утром слышим, как в нашу дверь кто-то стучит. Открыли, а там стоит немецкий солдат с ведром извести. Поздоровался, зашел и сразу стал работать. Белит, печь замазывает – все молча делает. Видим – старается, чтобы аккуратно все получилось.

Решили мы его накормить. Сами больше питались в столовой, поэтому кроме манной крупы у нас ничего не нашлось. Поставила воду и начала мыть пол, а кашу доверила подруге варить. Вскоре она говорит:

- Аня, каша готова. Приглашай к столу работника и сама садись. Ты же немецкий в техникуме учила, тебе с ним и говорить.

А у меня как назло слово «каша» из головы вылетело. Но он и по-русски понял. Сел за стол, молча поел, поблагодарил и ушел.

Стали и мы есть. Только проглотили по одной ложке – чувствуем, что каша какая-то невкусная получилась.

- Катя, ты ее хоть посолила? – спрашиваю.

- Нет, - отвечает, - воду-то ты ставила, я подумала, что и посолить догадалась. А солдат с таким аппетитом, что казалось – вкусно мы его с тобой покормили.

Катя бросает ложку на стол и ее залистый смех разносится по всей комнате. В ней стало чисто и свежо, что проникший сквозь стекло солнечный зайчик долго играл на белом потолке. Прошло много лет, а я так и не забыла того солдата, который нам помогал. Ведь от всей души мы хотели тогда его накормить, вот только соль подвела.

Анна Гурчинакая

Посылки

Всю свою жизнь, а мне уже 70 лет, я прожила в Магнитке, После войны мне исполнилось всего 8 лет. Помню, мать в шахте работала. Очень уставала, Придет с работы, сядет на кровать, раздеться нет сил, задремлет. Часок поспит, а за ней уже бегут – опять на работу вызывают. Только и спросит:

- На какую шахту?

- Центральную.

Их всего три было: «Центральная», «Северная», «Южная». Тут же встает и уходит. Мы больше травой питались. Вот и немцы научились траву есть, их почти не кормили.

Мать как-то рассказала, что им часто посылки из дома приходили. Только не доставались они немцам. Лагерное начальство эти посылки забирало, сами съедят, с собой унесут, детям, женам на гостинцы. Бог их простит. В трудное время каждый выживал, как мог.

Мы-то крапиву хоть с солью ели, с мукой мешали, а пленные ее просто варили. Свины такое есть не станут. Вот и умирали многие, другие бежали. Только куда бежать без документов, кругом русские. Знали, что явная смерть за такое дело. Это уже нервы не выдерживали. А каждого из дома кто-то ждал и с надеждой на их возвращение с любовью отправлял посылки.

Мария Буруздина

На пути в лагерь

На службу Владимира Михальцова призвали в Тамбовской области в 1944 году. Служить пришлось в Литве, городе Вильнусе, в войска МВД. Был обычным рядовым в должности повара. И тут приказ – сопровождать эшелон с военнопленными до поселка Магнитка, что на Урале. Ехали около месяца, часто останавливались и

иногда надолго. Оружие охранников – винтовки. Ехали они в специальных тамбурах, которые находились в конце каждого вагона. Смена четыре часа в сутки, на один вагон приходилось три охранника. Им то Владимир и готовил еду.

В рационе имелись перловка, овсянка, пшенка, из жиров – комбинжир, хлеба полагалось по 600 грамм на человека в сутки, сахар выдавался на десять дней. Котелки и фляжки – по одному на двоих. Чем немцев кормили, не знаю, у них свой повар был, литовец, в кухонном вагоне готовил, на остановках еду разносил по вагонам, но, можно сказать, плохо кормили, очень мало. Из вагонов они все это время никуда не выходили, разговаривать с ними не положено было. Лето, жара, духота в вагонах, нечем дышать.

В поселке их уже ждало рудничное начальство с вольнонаемной охраной. Построили и строем повели в гору, в лагерь. Первое время ночевали на улице в палатках. Сразу начали строить себе бараки. Фундамент из камня, а сами бараки деревянные. С ними жил переводчик, из числа их людей, по фамилии Штейнпресс. Он так и остался потом в поселке, не захотел уезжать на родину.

Сам Владимир тоже остался в Магнитке. Женился, устроился работать на шахту «Северная» крепильщиком. Чтобы не обвалилась шахта, идет впереди проходчик, за ним – крепильщик, крепя проход лесом, а потом все остальные: канавщики, лопаточники. Вот ими и работали немцы. В забое убирали руду лопатами, доставляли ее в скипах – огромных ведрах, сгружали в бункер и отправляли на фабрику. В основном мужчины трудились, женщин же работало мало, сумконосами ходили с взрывниками, переноса взрывчатку.

«Добросовестно трудились немцы на шахте, охраны там никакой не было, работали вместе с русскими в спецовках. И не различишь их порой. Потом их отдельно в клетки поднимали наверх. Они мылись в бане и с охраной уже уходили в лагерь. Человек 50 их примерно насчитал для интереса. Больше года видел их на шахте. Давали им талоны за работу, как и нам. Три тысячи человек работало на шахтах, среди них и

много немцев. И водопровод они прокладывали в поселке, канализацию, дома строили.

Сам я в шахте крепильщиком проработал 20 лет. Ничего жив осталось, хотя случаи бывали, что крепильщиков придавливало, - вспоминал Владимир. Помнит он и то, что однажды три немца надумали бежать из лагеря. Их тут же поймали и в карцер посадили.

Помнит он и русских военнопленных, репатриированных, которых привезли с фронта. Расквартировывали их среди жителей поселка. Ходили они без конвоя, потом, после войны, им разрешили уехать, но многие остались тут, обзаведясь семьями. И немцы ходили без конвоя, но не все, такую привилегию заслужить надо было.

Вот так, сопроводив немецких военнопленных из Литвы на Урал, он остался на уральской земле. Сейчас ему уже 82 года. Но он все еще бодр, редко болеет, хорошо помня тот месяц в пути, долгий для солдат, измученных жаждой, голодом, духотой. Тот путь пленные повторили, но уже в другом качестве.

Жизнь на чужбине

Настоящего имени его никто не помнит, звали его по-русски – Федор Иванович, а фамилию запомнили многие – Штейнпресс. Женился уже на Магнитке, на местной девушке, учительнице. Воспитывали они двух детей. Дочка Нина носила фамилию отца, а вот у сына была материнская фамилия – Бучельников. Дочь вырастит, думали, выйдет замуж, а сыну прожить Штейнпрессом трудно, насмешек не миновать, а главное – может здорово повредить, вызвав недоверие к человеку.

Среднего роста, худой, светлорусый, работал Федор Иванович в поселке домуправом. В его обязанности входило следить за порядком в казенных домах и состоянием дворов. Человек очень добросовестный, пунктуальный, добросовестный, он с большим рвением относился к своей работе. На служебном столе у него мы видели исключительный порядок. Наши же документы иногда мы долго искали, все бумаги лежали в общей куче.

Тридцать лет он проработал на этой должности. Мусор тогда вываливали во

дворах, так называемых, помойках, и Федор Иванович рьяно следил, чтобы его своевременно вывозили.

Я запомнила его всегда серьезный вид. Он никогда не смеялся, не улыбался, часто злился на людей. И люди его тоже недолюбливали, считали чужаком, иногда зло посмеивались. Русские не приучены к чистоте, для многих тогда соседство с грязью считалось нормой жизни, а этот человек приучал к порядку.

Дали ему тогда прозвище – Лямпочка. Долго, до самой смерти его так называли.

Пришел он однажды в какую-то квартиру, а там лампочка не светит. Федор Иванович по-русски с акцентом разговаривал. Попросил жилец у него проводку сменить, а тот говорит:

- Лямпочку купите.

Так и приклеилось. За глаза его иначе не называли. Жил он в частном доме. Весной всегда хозяева этих домов чистят снег на крышах., иначе крышу продавит. Начал и он эту работу. Соседи видели, как он залез туда с лопатой и начал снег сбрасывать. Скользко там, того и гляди упадешь. Вот и покатился Федор Иванович вместе со снегом и лопатой вниз и сам себя останавливает:

- Тпру, тпру, - как лошадь.

Соседи смеялись от души. Все-таки упал, но ничего, как говорят, легким испугом отделался.

Рано он умер, заболел раком. Врачи долго не говорили ему настоящий диагноз, боялись расстроить. А он все травы собирал, но они не помогли.

Так он и остался у нас чужаком, которого не любили и над которым часто подсмеивались.

Надежда Махнева

Шкатулка

Мне 85 лет. Боле полувека я проработал окулистом в своем поселке. Приходилось делать очень сложные операции. Получил звание Заслуженный врач РСФСР. Это, конечно, очень почетно. Но получить в знак благодарности огромный букет цветов, моих любимых гладиолусов, от девушки, которой удалось вернуть зрение в результате сложной операции, радостней вдвойне. И таких людей было много.

Я уже давно не работаю, Мой мир замкнут стенами дома. Со мной остались воспоминания о прошедших годах, о событиях, связанных с прошлым. О друзьях и знакомых, близких и родных, живых и умерших. Это дает мне силы встретить завтрашний день. Вещи, окружающие меня, часть воспоминаний, складывающихся в общую мозаику тех далеких лет.

Вот у меня в руках старая деревянная шкатулка, в которой хранятся документы. Она все время стоит в моей спальне возле кровати, покрытая лаком, с незатейливой резьбой. Мастер, ее изготовивший, вырезал сверху одну единственную розу на длинном стебле с листочками от куста. Гордая роза словно спит, свернув свои нежные лепестки. Глядя на нее, как бы чувствуешь ее чудесный аромат и думаешь об искусстве человека, живущего сейчас в далекой стране.

Поменяли мы ее на хлеб у немецкого солдата. Мой покойный муж работал в то время в лагере для военнопленных. Там он подружился с немецким врачом. Тот очень хорошо разговаривал на русском языке, и они с удовольствием общались друг с другом. Приходил он к нам и домой. За чашкой чая наш гость много рассказывал о своей семье, о жене, о детях. Мечтал побыстрее вернуться к себе на Родину.

Имени я его уже не помню. Мечта нашего друга вскоре сбылась. Когда он уезжал, мой муж пришел его провожать. Перед тем, как сесть в вагон, они пожали друг другу руки, даже обнялись на прощание, пожелав друг другу счастья.

Я держу в руках старую шкатулку. Поистине золотые руки у этого мастера. И не только у него. Делали пленные у себя в лагере и другие вещи: столы, стулья, шкафы. Открыли у себя целый мебельный цех. Тем и кормились. Местные жители с удовольствием приобретали все это, меняя на молоко, хлеб, картошку.

Вот о чем рассказал мне небольшой предмет с вырезанным на крышке цветком, при виде которого оживают мои глаза. Предмет, ставший реликвией в моей семье о далеких послевоенных годах, когда я только закончила институт и приехала в незнакомый поселок. Здесь начала работать

врачом, вышла замуж. Вспоминаю о семейных вечерах в кругу родных и знакомых, а так же о том враче и молодом солдате, предложившим нам в обмен на хлеб эту красивую шкатулку.

**Варвара Саблина,
заслуженный врач РСФСР**

Еще одна история

После войны в профтехучилище я освоила профессию машиниста электровоза и пошла работать на шахту. Мужу бы работать по этой специальности, а не двадцатилетней девчонке. Да где их взять, многие не вернулись с фронта. Страшно-то был спускаться впервые на глубину 60 метров по крутым лесенкам, а подъем длился, как мне казалось, бесконечно.

Вагонетки, возившие руду, часто сходили с рельсов, тогда мы вдвоем с мастером, подпирая плечом огромную тяжесть, ставили их на место. Женщины занимались и выгрузкой руды. Огромные ее буты часто не вмещались на лопату, тогда руками сбрасывали эти глыбы в общую кучу. Присядем отдохнуть, а тут мастер бежит: - Вставайте! Работать, работать!

Еле дождавшись обеденного перерыва, садились есть тут же на землю. Под ногами - чистая родниковая вода из какой-нибудь выбоины, макали в нее хлеб – казалось, вкуснее не бывает. И снова на работу. Фу-файки не просыхали от воды, она постоянно капала с верху.

Карточки на хлеб выдавали в подсобном помещении. Еле-еле преодолев бесконечный подъем, плетусь в подсобку. Слышу, шум стоит до потолка. Заглядываю в окно: стоит немец, а их под конвоем приводили работать на шахту, голову опустил вниз, сам щупленький, белобрысый, а перед ним мастер наш. Ругает этого немца по страшному.

- Фриц проклятый, мало вас поубивали. Сколько детей сиротами оставили, вдов сколько! И ты в наших стрелял, убью, сволочь!

Молчит немец, бледный стоит, голову опустил. Мастер, всегда спокойный, остановиться не может.

- Сын у меня погиб под Курском, может, это твоя пуля ему досталась? А? Говори, хуже будет!

Смотрю, у парня руки трясутся. Тут я не сдержалась, заступилась за него:

- Отстань от человека. Не по своей воле он на фронт пошел. В чем его вина? Гитлера надо ругать. А парень, может,

приказ выполнял. За невыполнение приказа сам знаешь, что может быть.

Вроде успокоился мастер. Немец сам не свой вышел. Тут у них построение началось. Попался он под горячую руку русскому, потерявшему на фронте сына. Понять его ярость можно. Этим сына он не вернул, но хоть душу ненадолго отвел.

Панна Казарина

Рудик. История любви

Странное и загадочное это слово – судьба. Что оно таит в себе? Жизнь по заранее написанному для тебя сценарию? Тогда кто его пишет? Никогда не знаешь очередного поворота и как будто читаешь страницы книги о собственной жизни, иногда смешные, порой грустные или скучные, к сожалению, есть и наполненные драматизмом. Только вряд ли задумываешься об этом, когда сама молодость дает тебе право на счастье. А молодость Ани совпала с молодостью родного поселка. Жизнь кругом бурлила: там, где недавно стояли стройные сосны, вырастали дома, появлялись школы, клуб, больница, строилась фабрика. Приез-

жали все новые люди и в основном молодежь.

Высокую стройную девушку трудно не заметить. Своей яркой внешностью она сразу же привораживала парней и те с трудом отводили от нее взгляд. Большие карие глаза, тонкие брови, чуть припухшие губы, нежный овал лица, темные, коротко подстриженные волосы в сочетании с внутренней одухотворенностью, через край бьющей энергией любви, притягивали людей, окружавших ее, как магнит. В семье, где рано умер отец, где росли еще младший брат и сестра. А матери, чтобы прокормить детей, приходилось работать с утра до

позднего вечера, жилось не сладко. Аня тоже работала в столовском буфете.

Послевоенная жизнь постепенно налаживалась. Возвращались фронтовики, уезжали эвакуированные, с ними делились и последним куском хлеба, и кровом.

Вот к празднику дали по карточкам продуктов на всю семью. Тяжелая сумка оттягивала руки, холодный мартовский ветерок продувал насквозь тонкое пальто, ноги мерзли в резиновой обуви.

- Вам помочь, - услышала она за спиной мужской голос и обернулась.

Аня смутилась, увидев подошедшего к ней немецкого офицера. Она его видела и раньше, при встрече с ней, он чуть заметно улыбался и кивал головой.

- Мне уже близко, - неуверенно проговорила девушка, отдавая сумку.

- Вас Аня звать, я уже знаю, а меня Рудольф, Рудольф Броуди.

И как-то сразу в голове мелькнуло ласковое, похожее на русское имя – Рудик.

С сожалением, прощаясь с ней возле дома, смущенно произнес:

- Я могу вас еще увидеть?

Сердце не в ладу с разумом, когда вот так сразу – любовь.

- Ведь чужой, зачем? – а внутри все трепещет от радости и так не хочется заходить в дом.

В большой комнате их полупустой квартиры ее, как всегда, встречает портрет Сталина во весь рост, нарисованный младшим братом Николаем, огромный до потолка. Осуждающий суровый взгляд Сталина, кажется, преследует всегда. Он напоминает ей о событиях трехлетней давности, когда она вернулась домой из Краснодара. Тогда судьба впервые столкнула ее с немцами. После встречи с Рудольфом в памяти всплыли картины тех лет.

... Молдаванин, приехавший в командировку в строящийся поселок, уговорил уехать к нему на родину. Как ни плакала мать, вышла за него замуж непокорная дочка и укатила в далекий край. Как цвели сады там весной, словно в сказочном сне, и свекровь ласково доченькой называла, муж на руках носил. Только недолгим счастье иногда бывает: умер внезапно муж и Аня решила домой уехать.

В дороге и застала ее война. На какой-то станции ее арестовали немцы, посадили в товарный вагон, который отправлялся в Германию. В вагоне оказалась не одна, ее подруга по несчастью сразу предложила бежать. С трудом, выломав доску в полу, прислушались, вроде тихо, поезд стоит. Пролезли сквозь дыру и поползли через рельсы, а потом кубарем покатались вниз с железнодорожной насыпи. В лесочке дождались рассвета, а утром без приключений добрались до Краснодара. Тут девушки расстались.

Город оказался полностью разрушен. Кругом немцы. На Аню никто не обращал внимания. Стало страшно: куда теперь – без документов, без денег, в единственном платье. Вот оно лицо войны. На каждом шагу встречались виселицы. Жуткие картины почерневших трупов мужчин преследовали целый день. Страшно хотелось есть. По дороге в город перекусила несколькими яблоками. Остановившись отдохнуть, увидела, как полицейские вели пожилого мужчину. На груди у него висела табличка «Партизан». Вешали его полицейские из местных, подобострастно глядя на стоящих рядом немцев с автоматами. При виде агонии умирающего, ей стало плохо.

Прислонившись к стене дома, случайно увидела на нем объявление «Требуется официантка в ресторан». И тут же адрес. Решила пойти туда рано утром, а вдруг повезет. Другого выхода не было. Ночь провела в сквере на лавочке среди густых зарослей акации. От утреннего холодка проснулась. Отыскала нужную улицу, которая оказалась рядом. Увидела надпись «Ресторан».

Здесь уже собралось много девчат. Они стояли молча, стараясь не глядеть друг на друга. Спустя некоторое время из дверей вышел немец. Придирчиво оглядев девушек, он неожиданно подошел к Анне и, указав на нее пальцем, коротко произнес: «Ты!» Остальные понуро разошлись.

Ресторан оказался небольшим, чистым и уютным внутри. Обслуживали в нем только офицеров. Комнатка возле кухни, где она должна была жить, вмещала лишь кровать и тумбочку. Повар, здоровый краснощекий

немец, хорошо говорил по-русски и объяснил, что работать придется много. Ее обязанности: посуда, пол и, конечно, разносить посетителям заведения заказы. Он дал ей день отдохнуть и привести себя в порядок. Аня, добравшись до кровати, свалилась от усталости. Рано утром услышала стук в дверь: «Пора вставать».

Работы она не боялась. Главное выжить, не умереть от голода на чужой стороне, вернуться к родным. Как они там? Живы ли? Скорей бы закончилась война!

Офицеры вели себя спокойно, культурно, вежливо и почти с ней не разговаривали. Они видели в ней только официантку, добросовестно исполнявшую свою работу. Только один майор смотрел на нее особенно пристально. От его взгляда холодело внутри.

В один из вечеров, когда уже почти все разошлись и ресторан опустел, он попросил Анну подойти к нему, пододвинул ей стул:

- Пожалуйста, сядь.

Недоумевая, девушка присела на край стула, наблюдая, как майор полез к карману и достал оттуда фотографию. С выражением грусти и душевной боли он протянул ей снимок.

- Это моя дочка. Как ты на нее похожа!

Аня так не думала, глядя на чужое лицо, но майора ей почему-то стало жалко. Она молча отдала фотографию.

- Извини, когда вижу тебя, вспоминаю ее. Не знаю, когда смогу вернуться и вернуться ли?

Майор тяжело встал и пошел к выходу.

Что скажешь в ответ? Не так уж он хотел воевать, этот майор, и совсем не питал ненависти к русским. Не думала девушка, что придется ей обратиться вскоре к этому человеку за помощью.

Утром, как всегда, ефрейтор, притащил воду. Видя, что на кухне никого нет, он с силой притянул Аню к себе. С трудом вырвавшись из его цепких объятий, она выбежала на улицу.

Вечером, когда вновь за своим столиком сидел майор, не спеша доедая ужин, Аня подошла к нему сама.

- Мне очень нужна ваша помощь, - проговорила она несмело, убирая со стола грязную посуду.

- Я постараюсь, - улыбнулся он, - только в чем дело.

- Ефрейтор, он, - упавшим голосом произнесла девушка.

Майор понял с полуслова, покачал головой.

- Ничего не бойся, - сказал он, вставая, - Этот человек ничего плохого тебе больше не сделает.

Ефрейтор исчез сразу на следующее утро, а вместо него появился другой солдат, молча выполнявший свои обязанности. Увидев в этот день майора, Аня благодарно кивнула ему. А он, правда, принес ей вечером носки и смущенно попросил заштопать. Наступал Новый год. Лица немцев становились все озабоченнее. Взрывы слышались почти рядом, в душе поселилась надежда, и даже сырость и слякоть последнего дня уходящего года не могли испортить хорошего настроения.

Плотно завесив шторами окна, Аня накрывала столики. Она торопилась. Еще надо было успеть привести в порядок свое единственное платье из модного в те времена штапеля, на ткани которого красовались вместо узоров надписи «СССР».

Кажется все готово. Собравшиеся офицеры начали открывать шампанское, разговаривая все громче и громче. Ей трудно стало успевать их обслуживать. В мыслях, наверное, каждый из них был дома, среди родных и близких, также как она. И вдруг зазвучала русская музыка. От неожиданности она чуть не уронила поднос. Это включил кто-то радио за крайним столиком. Один из офицеров пригласил ее на танец.

- Спасибо, - удивленно улыбнулась девушка, - я не работаю.

- Это ничего, - с акцентом произнес тот, подавая ей руку, - сегодня праздник. Всего один танец.

Звучала музыка, одна мелодия сменяла другую, и один партнер другого. Так прошла эта необычная ночь. Офицеры разошлись уже под утро.

А вскоре Краснодар освободили, и дорога домой стала открытой. Где только не пришлось Анне ехать: и в переполненных вагонах на верхней полке, в товарняках, на попутных машинах. Война еще не закончилась, и ей чудом удалось добраться до род-

ного Урала. Такой неожиданной стороной обернулась ей война, не давшая возможности выбора, но предоставившая шанс уцелеть, вернуться к родным, которые уже не надеялись ее увидеть живой.

Мать тихо плакала от радости, утирая слезы платком, брат и сестра, оба выросшие, похорошевшие, с восторгом и любовью смотрели на старшую сестру. Семья еле-еле перебивалась и, чтобы выжить, даже брат подрабатывал: продавал свои рисунки. Таким талантом наградила его природа и сейчас Анна с интересом рассматривала их. Вспоминали и свой домашний оркестр: гитара запела в руках брата, нежно ей ответила мандолина под пальчиками младшей сестры, балалайка в руках Ани подхватила веселую мелодию «Барыни». Спать легли под утро, и, засыпая, счастливая, дала себе слово больше никуда не уезжать.

Кто бы мог подумать, что пришлют в их поселок военнопленных немцев и встретит она среди них того, кто заставит ее сердце так бешено колотиться. Уезжая из Краснодара, она думала, что никогда немцев больше не увидит.

...Встречи становились все чаще. Душа замирала от счастья, то болезненно сжималась от мысли, что впереди предстоит разлука. Пока старалась об этом не думать. Даже в таком большом поселке ничего от людей не утаишь. Но не пугали ее косые взгляды, не обижалась на мать, которая вскоре обо всем узнала.

- Ты что, доченька, делаешь? Тебе русских парней не хватает? Что люди скажут? Стыд какой! – выговаривала она, в сердцах гремя посудой.

Но ноги сами несли Аню на свидания.

Рудольф любил рассказывать о своей стране, городе, где он жил, о родителях, о которых очень переживал. Мечтал побыстрей вернуться домой, и Аня его хорошо понимала, зная что такое жизнь на чужбине. Иногда он заходил к ней домой. Брат с сестрой радовались его приходу, а мать больше молчала, переживая за дочь. За разговорами время проходило незаметно. В редкие вечерние прогулки, ласково обнимая девушку, учил ее немецкому языку. У Ани иногда что-то сжималось внутри.

Вот и сегодня душа у нее не на месте. Только что прошла гроза. Воздух был увлажнен дождем, пахло первыми весенними листьями. Так хотелось быть счастливой в этом мире, но судьба, поманив счастьем, тут же отнимает его. Они стояли возле танцевальной площадки. Мелодия вальса пьянит и становится немного завидно парам, кружащим в его ритме. У них все гораздо проще. В порыве грусти Рудольф неожиданно спросил:

- Ты приедешь ко мне? Ты мне нужна.

В душе появилась надежда.

- Мы напишем в Москву, обязательно напишем. Если бы не война! – с горечью произнес он.

- Если бы не война, мы бы не встретились, - мысленно подумала Аня.

При расставании он поцеловал ее, и Аня, уходя, сказала себе:

- Как жаль, что скоро этот вечер превратится в воспоминание.

Вскоре объявили пленным о дне отъезда. Ее Рудик был счастлив, когда говорил об этом. Он стал таким близким и родным за эти два года, что казалось, она знает всю его жизнь. Душа так просила счастья, а получила боль. Но Аня старалась этого не показывать. В толпе отъезжающих она искала его лицо. Он, увидев Аню, замахал ей рукой, а потом подошел. Она смотрела на него, стараясь запомнить каждую черточку, и ждала, что он скажет.

- Я люблю тебя, Аня, - он произнес эти слова так тихо, но они для не прозвучали как гром среди ясного неба.

- Спасибо, Рудик.

- Это тебе спасибо, Анечка, за то, что ты есть.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, а в голове только одна мысль: «Я его никогда больше не увижу».

- До свидание, - проговорил он, - до свидание!

Она кивнула, прощаясь, он повернулся и пошел к поезду. Затем замедлил шаг и обернулся. Это был последний прощальный взгляд перед разлукой. Все расселись по вагонам, поезд медленно тронулся, выпуская клубы дыма. Аня с тяжелым сердцем смотрела ему вслед, ведь он уносил в далекую страну ее несбывшееся счастье.

Впереди ждала целая жизнь, наполненная заботами, горестями и печалью. Ее душевной щедрости хватало на всех. Всегда в ее доме кроме вкусных пирогов, которые никто не умел так печь как она, каждому еще находилось доброе слово.

Больше всего на свете она любила лес. Особенно, когда на поляне - белоснежная скатерть и дымится самовар, вдыхаешь аромат заваренной травы и наслаждаешься его запахом, незамысловатая еда кажется

самой вкусной, а рядом бидоны, наполненные крупной земляникой. Ярко пестреют цветы, не смолкает пение птиц, в тени березы прохлада. И, сидя так с друзьями и сестрой, словно что-то предчувствуя, она говорила:

- Неужели придет день, когда я не увижу больше такой красоты?

Этот день пришел и для нее, но для многих она осталась в памяти живой, ведь человек живет столько, сколько о нем помнят.

«Аристократки»

Воспоминания анонима (из фонда В.Г. Борисова)

Эту историю мне рассказал кто-то из работников управления нынешнего металлургического комбината. За давностью лет фамилию рассказчика стерлось в памяти. Встречаясь с трудармейцами, я хотел найти подтверждение этой истории, но мои собеседники не знали этого. До сих пор питаю надежду на встречу с очевидцем этой истории.

Осенью 1943 года на строительство Челябинского металлургического завода прибыло несколько сотен немцев. Это был необычный строительный десант, состоящий из жен и дочерей высокопоставленного германского начальства, приехавших отдохнуть в Кисловодск. На Северный Кавказ они приехали в легких изысканных костюмах, не предвидя изменчивости судьбы.

Но наши войска стремительно овладели северокавказскими горами и «курортницы» оказались в тылу наших войск. Сопровождавшие конвоиры почему-то называли их «пленными», хотя женщины не собирались воевать, они лишь по описи считали курортные города Союза Германских территорий. «Строительниц» поселили в отдельных домиках, хотя и огорожены колючей проволокой. Им выдавали лагерную форму и попросили на следующий день выйти на работу, дочери великой Германии начали по-своему выражать протест.

Утром поверх своих курортных нарядов были надеты бушлаты, на замысловатых шляпках красовались желтые русские платки. Этот ироничный вид вызвал у лагерного начальства улыбку, но женщины про-

явили свой характер, они отказались работать, заявив: «Мы не когда не работали в Германии и не собираемся этого делать здесь, а кормить вы нас просто обязаны».

На следующий день бунтовщицы заявили: «Еще немного и война кончится. Вся Россия даже за Уралом окажется германской. Ведь Москва и Ленинград давно взяты, разве не так? Доблестные немецкие войска, захватывая города скоро подойдут у Уралу». При этих разговорах они показывают свой халеные руки с накрашенными ногтями, давая понять, что скоро немецкие офицеры им будут целовать руки. Уезжая на отдых, они везли с собой дух победы, которым была пропитана их сторона. Гебельсовская пропаганда делала свое дело, они были дочерьми великой Германии. Рабочих рук на стройке не хватало, но бунтовщиц не трогали, скорее их одаривали двусмысленными улыбками. Они не знают, с кем имеют дело, это было их пробелом в их мировоззрении. Так прошло несколько дней. Потом начальства поступило просто: вместо 800 граммов хлеба, положенных по норме работающим, им стали выдавать по 300 как иждивенцам. Прошла неделя, потом другая и вот несколько человек попросились на стройку.

За ними пришли и остальные. «Белая кисть» и «голубая кровь» трудились на разных объектах, но в основном на кирпичном заводе: стояли у смесительных агрегатов, формовали кирпичи, закатывали в вагонетки обжиговые печи. Работники ОТК не имели ни каких претензий к качеству кирпича, видимо, сказала

врожденная немецкая аккуратность. Немки не только добросовестно трудились за советский рабочий паек. Вдобавок они узнали, перевыполнившим норму выдавали добавку.

Делегация отправлялись к начальству: «Мы тоже хотим участвовать в соревнованиях!». Так появились номера «аристократических» бригад на доске трудовых показателей. Дамы высшего света стали говорить о перевыполнении советского плана, изыскивать резервы производства, в холеных руках появилась российская цепкость. Бывшие бунтовщицы стали устраивать собрания, подводить итоги, приглашать на них руководителей участников, обсуждая график работы, за бестолковость требовали наказать

виновных. Появление бригады или отдельной фамилии на доске передовиков вызывало радость, званием ударницы гордились.

Через год они стали, похоже на россиянок, так же стояли в очереди за зарплатой и продуктами в магазинах. С них, как и с наших рабочих вычитали за жилье, питание и спецодежду. Они, так же как и наши трудармейцы получали из дома небольшие посылки и почту, видимо, через Красный крест. Старались поделиться съестным, показывали фотографии родственников, детей радовались, когда русские проявляли к ним интерес. «Аристократки» свободно передвигались по территории завода и поселка.

Валерий Еремин

Фрау родом из лагеря

Через 50 лет на Урал приехали немецкие женщины, интернированные сюда во время Великой Отечественной войны

Со школьной скамьи нам известно, что во время Великой Отечественной войны немцы угоняли на работу в Германию тысячи мирных жителей из нашей страны. Однако ни в школе, ни в других учебных заведениях нам не говорили, что, в свою очередь, советское государство, вступив войсками на территорию Германии, интернировало тысячи немецких девушек и женщин для тяжелой работы в Союзе.

Честно говоря, я узнал об этом случайно: недавно вместе с ребятами из Потсдамской гимназии имени Лейбница, уже несколько лет сотрудничающей с миасской школой № 26, прилетела группа пожилых немцев: двое мужчин - бывшие военнопленные и три женщины, некогда интернированные и отправленные на Южный Урал. Вместе с ними приехала дочь одной из этих женщин, родившаяся в 1947 году в Карабаше, в лагере для военнопленных, и журналисты Второго немецкого телевидения, снимающие фильм на эту тему, до сих пор закрытую для широкой общественности.

С Виктором Бройером, в третий раз посетившим Миасс, где он когда-то работал на автозаводе в числе пленных немецких

солдат, случилась беда: с инсультом попал в больницу, после чего немедленно был отправлен домой. Остальные гости съездили из Миасса в Копейск, Коркино, Карабаш и Аргаяшский район, где пятьдесят с лишним лет назад принудительно работали в шахтах и на полях.

Я встретился и поговорил с ними. Понять друг друга нам помогла Мария Осиповна Райзинг, председатель Миасского городского объединения немцев «Возрождение». Довольно раскованные, обаятельные, жизнерадостные фрау охотно отвечали на вопросы, надеясь, что российская пресса, наконец, напишет о замалчиваемых у нас сторонах войны.

Ельга Бергау:

- Войдя в наш город, советские солдаты без особого разбора забирали девушек и женщин от 16 до 30 лет, садили в машины и увозили на железнодорожную станцию. Потом нас везли в поезде, в вагонах для скота, где было душно от неимоверной тесноты, сыро, грязно. Кормили очень плохо, насиловали и издевались над нами. Наш эшелон, в котором было около двух тысяч интернированных, выгрузили в Челябин-

ске, откуда одних направили работать в угольные шахты, других - на металлургические предприятия, третьих - на рудники. Я попала в Копейск. Жила вместе с другими в специальном лагере для интернированных. Здесь отношение было нормальное: никто нас не трогал. Работали в шахтах вместе с русскими, в том числе женщинами, только нормы у нас были другие и кормили нас скудно. В лагере то и дело умирали: от тифа, дизентерии, просто от голода. Потом нас перевезли в Карабаш работать на медном руднике. Жили в лагере вместе с пленными солдатами. Тут больше было порядка и свободы. А главное - лучше питание. Нас кормили кашами, супами с капустой, нередко давали рыбу. Тут многие из нас нашли своих будущих мужей. Вернулись на родину в 1949 году, проработав в Советском Союзе четыре с половиной года.

Ганс Виманн:

- Я был бригадиром у этих женщин. Их заставляли выгружать из вагонов лес для шахты, вывозить поднятую наверх землю тачками, загружать и толкать вагонетки. Очень тяжелая работа. Причем устанавливались высокие нормы, за невыполнение которых урезали хлебный паек. Я, как мог, старался смягчить условия работы женщин, и они это хорошо помнят. Мужчины жалели их, но мало что могли сделать, имея свои завышенные нормы.

Гешель Вальтраут:

- Когда родилась Карин, она сразу стала любимницей всего лагеря. Подневольные рабочие поднимались из шахты, и я, работавшая после рождения дочери медсестрой, выходила встречать их с ребенком на руках. Это здорово поднимало их настроение. Муж мой вернулся в Германию позже нас с Карин, его отправили после Карабаша работать в Воркуту.

Карин Момзень преподает в школе. Она очень рада, что приехала в Россию. В ее заграничном паспорте в графе для места рождения записано: Карабаш, Урал.

- Вот и увидела место, где родилась, куда стремилась попасть с тех самых пор, как впервые услышала рассказ матери про свою тяжелую молодость, - говорит она. -

На месте лагеря сейчас пустырь. Очень бедный город, хотя стоит на богатой рудами и драгоценными металлами земле.

Но в целом впечатление от посещения Карабаша у немцев хорошее. Они встретились и обменялись сердечными приветствиями со старожилками, которые помнят работавших у них немцев. Была устроена теплая встреча в городской администрации, глубоко тронувшая гостей.

Встречи с пожилыми жителями, помнящими интернированных немецких женщин, прошли также в Копейске и Коркино. Немцы съездили и в Аргаяшский район, где одна из этих женщин, Элигарт Кребс-Пахали, искала свою бывшую бригадиршу из русских. Хотела обнять и поблагодарить за доброе, сестринское отношение в те тяжелые годы.

Еще мои собеседницы попросили поблагодарить через газету руководителя совместного российско-германского предприятия «Лига» Андрея Рязанова, помогшего им совершить эту поездку. Разрешения на нее пришлось добиваться в российском Министерстве иностранных дел.

Ингеборг Якобс, режиссер Второго немецкого телевидения:

- Как тележурналист я не первый год работаю в России. Сейчас собираю материал об интернированных немецких женщинах. Сделали с оператором съемки в Копейске, Коркино, Карабаше. Тема до сих пор в России закрыта. Если о военнопленных можно получить в российских архивах практически любой документ, об интернированных - ничего. Как будто их не было, хотя, только по собранным мною сведениям, таких насчитывается более 200 тысяч. Они использовались на тяжелых работах на Урале, в Сибири, других районах вашей страны. Многие умерли там от голода и страшных болезней.

Они приехали на Южный Урал освободить душу от груза тяжелых воспоминаний, увидев другую Россию и другое к ним, немцам, отношение. С неподдельной искренностью говорят, что не держат обиды на русских, очень признательны за радушие и содействие в их миссии.

И праху павших поклониться

Неправда, что газеты живут один день. Напомню читателям о двух публикациях, напечатанных в «Копейском рабочем» 20 февраля 2004 года («Жизнь в жанре приключений солдата Швейка») и 19 мая 1999 года («Хотят ли пленные войны?»).

Позже поясню, какая между ними связь. А пока изложу текст ксерокопии акта, написанного 17 января 1946 года: «Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт о том, что сего числа произвели захоронение интернированной Литдке Кристель Фриц, по национальности немки германского подданства, умершей в городской больнице Копейска. Труп захоронен на площадке шахты № 204». Акт подписали начальник штаба лейтенант Максимов, начальник по материальной части младший лейтенант Павленко и командир роты младший лейтенант Андрейченко.

Это один из документов учетного дела на интернированную Кристель Литдке. Есть опросный лист, свидетельство о смерти и акт. И есть учетное дело Иды Адольф Литдке – мамы Кристель. Это ксерокопии документов из архива № 0/59551 главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР. Под грифом «Совершенно секретно» чернеет оттиск печати «Рассекречено».

Сейчас поясню, как на редакционном столе появились эти документы. В Копейск приехал мой старый приятель, в прошлом талантливый учитель физики школы № 24 Петр Михайлович Шифельбайн. Вот уже 15 лет он живет с семьей на родине предков в Германии (публикация «Жизнь в жанре приключений солдата Швейка»). Но приехал не один, а с другом, 39-летним немецким инженером-автоэкспертом, чье имя – Бьёрн Литдке. Сразу по приезду они с головой окунулись в поиски могилы или каких-либо «следов» родной тети Бьёрна – Кристель Литдке. Время неумолимо. Племянник Бьёрн прожил в два с лишним раза дольше, чем успела прожить его тетя Кристель. Как-то странно называть ее «тетей». С фотогра-

фии, которую Бьёрн привез с собой, смотрит юная девушка, едва переступившая порог совершеннолетия. Снимок черно-белый, но в графе «словесный портрет» есть отметки: рост – средний, цвет волос – русый, лицо – овальное, глаза – синие. Такой была немецкая девушка Кристель с синими глазами, которая с 1933 по 1941 годы училась в школе, а с 1941 по 1945 работала в прислугах у помещика.

Будучи интернированной, свое совершеннолетие встретила на подземной горизонте угольной шахты Урала. Неизвестно, кто больше накопал угля – советские интернированные и военнопленные на шахтах Рура или немецкие интернированные и военнопленные на шахтах Урала. Журналист Игорь Винк, написавший книгу о советских репрессированных немцах, утверждает, что в годы войны в Копейске работали 20 тысяч немцев. В своем детстве я знал нескольких бывших военнопленных немцев, женившихся в плену и не пожелавших вернуться на родину в Германию. И подруга моей жены – дочь военнопленного. Прошли годы, и они, обрусев, мало чем отличались от советских тружеников. Разве что дядя Герман, живший в домах-крышах поселка шахты № 205. Он отличался высоким баскетбольным ростом, неизменной кепкой с длинной тульей и привычкой подбирать окурки. Нагибаться при его росте было трудно, и он элегантно накалывал окурки на трость с острым шильцем на конце. Давно этих немцев нет в живых. А вот отец Бьёрна, 80-летний бюргер Хайнц жив, бодр. В прошлом унтер-офицер пятой танковой армии вермахта, он был трижды ранен, воюя под Минском, Ковелем, в Восточной Пруссии. Остался живым, попав в плен к нашим союзникам-американцам. Его мать Ида Адольф после смерти дочери тяжело болела, но копейские врачи спасли ей жизнь. Похоронив на чужбине дочку, она не теряла надежды встретиться с мужем, двумя сыновьями и 15 июля 1947 года ее дело было «закончено в связи с отправкой

на родину». Бьёрн сказал, что бабушка Ида, прожив 80 лет, умерла в 1986 году.

Гости Копейска Бьёрн Литдке и Петр Шифельбайн вели поиск могилы Кристель в режиме жесткой экономии времени, поскольку Бьёрну дали в фирме только две недели отпуска. Предпринимая попытки что-либо разузнать о местонахождении могилы Кристель, они посетили больничный и городской архивы, кладбища, бюро технической инвентаризации, администрацию города, поселки бывших шахт № 201 и 204, редакцию газеты. В поселке шахты № 204 побеседовали с шахтером-пенсионером Александром Давыдовичем Вайнбергером. Ему сейчас 85 лет, в войну работал в забоях шахты № 204, бригадирствуя над интернированными немцами. «При норме 3,5 тонны угля в смену они всегда ее выполняли, - вспоминает старый шахтер.- Отлично работали девчата, получая в сутки по 600 граммов хлеба и чашку супа». Но тетушку Иду и ее дочь Кристель старый Вайнбергер не помнит. Но точно знает, что в акт захоронения вкралась ошибка. «В районе промплощадки нашей шахты № 204 захоронений не было. Всех немцев хоронили на городском кладбище и неподалеку от кладбища поселка шахты № 201», - сказал он и попросил Бьёрна передать привет бывшим узникам копейских шахт. Вдруг кто-нибудь вспомнит молодого и крепкого Сашу Вайнбергера.

Пожалуй, больше всего Бьёрну и Петру повезло в редакции «Копейского рабочего». В музее газеты, прилежно полистав подшивку за 1999 год, они нашли публикацию «Хотят ли пленные войны?» Речь в ней шла об исследованиях представителя международной ассоциации «Военные мемориалы» в Уральском регионе профессора В. Мотревича, приезжавшего в наш город. В одном из своих писем к главе города Михаилу Конареву профессор изложил просьбу об оказании помощи в подготовке документации и предоставлении в постоянное пользование земельного участка под обустройство кладбища иностранных военнопленных. В той давней уже публикации бывший председатель комитета по земельным ресурсам и землеустройству Владимир Шелехов так комментировал ситуацию: «В

Копейске известны два таких участка – на центральном кладбище в районе поселка Горняк и на кладбище в районе шахты «Центральной». По просьбе ассоциации мы завершили оформление этих старых и, в общем-то забытых мест захоронений в бессрочное и бесплатное пользование. Не берусь судить о численности похороненных военнопленных, но в одном из писем профессор Мотревич упоминает о 272-х захоронениях только в районе шахты».

Да, профессор приезжал в Копейск и лично обследовал этот участок. В протоколе обследования есть запись: «Кладбище расположено севернее поселка шахты «Центральной», рядом с гражданским кладбищем. В настоящее время на месте кладбища огороды и пустырь». К публикации прилагалась схема местности. Лично меня смущает одно обстоятельство. В графе о состоянии захоронений подчеркнута фраза: «сохранились полностью». Что имел в виду профессор? Время давно стерло могильные холмики. В Германии, и я видел это своими глазами, места захоронений наших соотечественников, похоже, никогда и не забывались. Многие могилы с именами и датами находятся в комплексе гражданских кладбищ. Все они ухожены, конкретизированы, находятся в идеальном состоянии. Говорят, таковые сейчас есть и в России. Недавно, например, прочитал в одной из центральных газет о величественном мемориале павших на поле боя венграм, сооруженном в Воронежской области. Он, кстати, сравнивается с мемориалом нашим воинам. Вод Воронежем погибло 600 тысяч советских солдат и офицеров, но наш мемориал во всем проигрывает венгерскому.

Можно задаться вопросом: зачем это надо? Прошло много лет, пора бы все забыть! Но зачем тогда принимаются правительственные соглашения между главными «инициаторами» войны Россией и Германией, а также постановления Правительства РФ, в частности, «О подписании соглашения между Правительством России и Германией об уходе за военными могилами в Российской Федерации и Федеративной республике Германии» и «О мерах по реализации межправительственных соглаше-

ний об обеспечении сохранности и порядка содержания российских (советских) воинских захоронений за рубежом и иностранных захоронений в Российской Федерации». На эту же тему принималось постановление губернатора Челябинской области.

Память нетленна. Это надо не мертвым, это надо живым. И ни годы, ни рас-

стояния не послужат преградой человеческой памяти.

Главное впечатление инженера из Германии Бьёрна Литдке – гостеприимство копейчан, их готовность помочь в поисках могилы девушки с синими глазами по имени Кристель. Время не сохранило могилу, но с места захоронения Бьёрн увез на родину горсть уральской земли.

Виктор Чигинцев

Поиск привел в Копейск

Провинциальный сюжет

По электронной почте пришло сообщение из Германии. Недавний гость Копейска, инженер-автоэксперт Бьёрн Литдке («Праху павших поклониться», публикация от 24 мая 2006 г.) сообщил, что благополучно вернулся домой на родину, и приступил к работе. Тешит себя надеждой, что на зимние каникулы снова приедет в Копейск.

Чем понравился Бьёрну провинциальный шахтерский город, где в далеком 1945 году была предана земле его родная, интернированная на Урал, тетя Кристель Литдке? И было тете всего 18 лет. Ответ один: город понравился радушием, гостеприимством, отзывчивостью и состраданием его жителей к чужой боли.

В своем послании Бьёрн сообщил, что в Германии, вернувшись из Копейска, ему удалось через газету «Восточно-Прусский лист» получить снимок шахты № 204. Этот снимок он так и не смог отыскать в Копейске и сейчас обещает прислать его в редакцию «Копейского рабочего». Ведя поиск места захоронения своей тети, синеглазой девушки Кристель Бьёрн с другом Петром Шифельбайном побывали в бюро технической инвентаризации и узнали адрес барака, где в войну жили тетя с бабушкой, фрау Идой Литдке. Барак в поселке 20-й шахты, обветшав за прошедшие десятилетия, еще стоит, но его жители ничего не помнят об интернированных немецких женщинах. Друзья побывали в архиве шах-

ты «Центральной», в комитете архитектуры, где им показали старую карту Копейска. Посетили горбольницу, музей ФСБ, администрацию, где пообщались с главой округа Михаилом Конаревым. Особую признательность Бьёрн выразил журналистам «Копейского рабочего». Бьёрн лично отыскал в подшивке газеты за 1999 год, в номере от 19 мая, публикацию «Хотят ли пленные войны?» К публикации прилагалась схема захоронения военнопленных и интернированных немцев поблизости от кладбища поселка 201-й шахты.

Наконец, Бьёрн побывал на предположительном месте захоронения своей тети Кристель. Сюда по узкой кладбищенской дороге его привез директор МКП «Ритуальные услуги» Александр Лейкер. Он и показал место захоронения. К сожалению, родного холмика на русской земле Бьёрн так и не увидел, возложив цветы, опоясанные ленточками с надписями на родном языке, на свободном пятачке земли. «Если все получится, - сказал Бьёрн, - приеду 17 января 2007 года на 60-летие тетушки Кристель». Вернувшись домой, Бьёрн Литдке выступил по местному телевидению, тепло отозвавшись о Южном Урале, о Копейске, выразив сердечную благодарность всем копейчанам, кто помогал в поиске. На родину он привез видеофильм о достопримечательностях Копейска и с удовольствием показывает его родным и друзьям.

Послесловие

Мне пришлось уже в наше время встретиться с немецкими ветеранами, которые были в плену в СССР. Я понимаю, что любой плен не сахар. Но меня встречи с этими ветеранами потрясли. В первую очередь, тем чувством любви и уважения, которые они испытывают к советскому народу. И второе, огромной жаждой добиться дружбы между немецким и российским народами.

Среди этих героев, наш испытанный и искренний друг Зигфрид Бургмайстер, который описал свою историю в книге «Жизнь между заблуждениями и надеждой». Он проделал непростой путь от воспитанника гитлерюгенд до борца за мир и дружбу между народами.

Зигфрид один из активистов германского Общества помощи ветеранам войны в России из Дрездена, которое на протяжении десяти лет оказывало огромную гуманитарную помощь российским ветеранам. Именно в плену у него произошел психологический переворот, и он навсегда стал другом СССР и России.

5. Лицом к лицу: военнопленные

Народ любой страны против войны каким бы воинственным он не был. Но войны все равно происходят. Но не случайно говорят, что врага лучше ненавидеть на расстоянии. Когда видишь глаза противника, по-другому начинаешь к нему относиться. Приходит понимание, что он такой же, как я. Великая Отечественная война в этом не исключение. Она пришла в уральские дома не только самоотверженным трудом и похоронками. В глубоком тылу и с врагами пришлось столкнуться лицом к лицу, хотя они были в другом качестве.

В наших краях были и лагеря военнопленных. Мне известно о двух: один был в Кыштыме, другой в Саткинском районе.

Жизнь подарила нам немало свидетельств того, что дружба и даже любовь не имеет границ, национальности, и они всегда побеждают.

А начиналось все еще во время Первой мировой войны.

Таисия Ильина

На чужбине

Есть в России, на Южном Урале, в Челябинской области, небольшой старинный городок Нязепетровск. Статус города был присвоен ему только в 1944 году. До тех пор назывался – Нязепетровский завод. Иногда, не только в простонародье, но и в документах, его именовали Ураимом. Нязя и Ураим – это речки, которые в этих местах впадают в реку Уфа.

В 1747 году здесь был построен железоделательный завод, а по названию реки Нязя и в честь то ли святого Петра, то ли русского царя Петра завод был назван Нязепетровским.

Городок стоит в очень живописном месте: холмы, горы, леса, реки. Ягод, грибов, зверья и по сей день много.

Жители все были привезены сюда в разное время из разных губерний Российской империи для работы на заводе и освоения этих мест. Люди были в основном трудолюбивые, серьезные. Каждый привозил культуру, обычаи, традиции, говор своей местности, которые постепенно сплавлялись в единую, характерную именно для Нязепетровска, субкультуру. До сих пор здесь сохранились самобытность в планировке жилья, в культуре земледелия, в ор-

ганизации жизненного уклада, в песнях, обычаях, говоре.

Как и во многих горнозаводских поселках, завод стоит в центре на берегу искусственного водоема, а от него в разные стороны расходятся улицы, имевшие в прошлом неприятные названия: Широкая, Большая, Могильная, Проезжая и т.д. Когда-то здесь было возведено 3 церкви. Ныне реставрируется одна, чудом уцелевшая. Завод теперь выпускает строительные краны. Правда, городок и сегодня похож на большую деревню. Цивилизация неохотно внедряется в нашу жизнь.

Хотя Нязепетровск расположен в глуши, значительные события никогда не обходят его стороной.

Сегодня мы хотим рассказать об одном эпизоде, который не повлиял на судьбу Нязепетровска и, уж тем более, мира, но всякое значительное событие в жизни конкретного человека значимо для него и его близких и, представляется нам, столь же масштабно.

В 1914 году, во время Первой мировой войны, в Нязепетровск прибыли трое военнопленных Германской армии. Их поместили в доме по центральной улице, которая называлась тогда Проезжая. Здесь жила семья Гусевых, по нязепетровским меркам очень состоятельная, зажиточная. Но все их богатство заключалось, прежде всего, в невероятном трудолюбии.

Тогдашний глава семьи Ермолай вставал в 3 часа утра и до 6 часов работал либо в мастерской, которая находилась во дворе дома, либо в кузнице, останки которой и сейчас можно видеть в огороде. В 7 часов утра он шел на завод. Семья была большая: отец – Ермолай, его мать – Елена, жена – Александра и шестеро детей. Чтобы прокормить всех, держали домашний скот, засаживали овощами (в основном, картофелем) огромные плантации, бескрайними были и покосы, находившиеся на большом удалении от поселка. Сами не справлялись с таким объемом работ. Нанимали сезонных рабочих. Но хозяин Ермолай никогда не был надсмотрщиком. Он всегда работал не просто на равных, а был коренником.

Думается, что распределением военнопленных по домам занималось волостное правление, которое находилось на этой же улице, неподалеку. И здание волостного правления (сейчас там местный музей), и дом Гусевых сохранились.

Мы почти уверены, что между властью и Гусевыми был заключен какой-то договор об условиях содержания военнопленных, но пока его не нашли. Где-то, возможно, сохранились документы о распределении военнопленных в населенные пункты России со списками.

Устные предания о пребывании троих военнопленных очень скудны, но интересные.

Один из троих спал на печке, а двое – на полотах. Очень трудно представить, как здоровенные мужики умещались на них, да и каково им было спать над кроватью хозяев дома.

О двоих рассказывают, как о людях, не проявлявших интереса к незнакомой стране, новому месту жительства, непривычному образу жизни.

О третьем вспоминают как об очень живом, любознательном человеке, обладавшем здоровым юмором.

Если двое безучастно подолгу сидели во дворе, греясь на солнышке и покуривая, ни во что не вмешиваясь, не предлагая хозяевам свою помощь, то третьему до всего было дело. Он повсюду следовал за хозяином и просил его научить работать в мастерской, в кузнице, но по воспоминаниям Ермолая, с трудом осваивал кузнечное и слесарное ремесло. А однажды увязался за работниками на покос. Попытался, как и все, косить вручную, но с непривычки, быстро устал, да еще, испытав на себе жала оводов, возмутился, сказав, что в его стране этот труд давно механизирован, и пешком убежал с покоса, находившегося за 12 километров от поселка.

Пробыли эти трое в нашем медвежьем углу (недаром современные геральдисты изобразили на гербе Нязепетровского района медведя почти 3 года. Были ли у них постоянная работа здесь, были или нет контакты с местным населением, переписыва-

лись ли они с родными в Германии, на какие средства существовали? Все это не известно.

Рассказывают еще, что они неплохо говорили по-русски; что с собой у них было одноствольное ружье 16-го калибра с патронами; что в начале своего пребывания подарили хозяйке красивую шаль, которая сохранилась и поныне; что, уезжая, тоже преподнесли семье Гусевых ценный подарок, которого уже нет. Перед отъездом германские солдаты сходили в местную фотографию и оставили снимок хозяевам на память, сделав надпись на обратной стороне. На фото видно, что «нечаянные гости» не голодали, не бедствовали. Сытые, спокойные лица, сюртуки внатяжку, обувь и одежда в хорошем состоянии. Осанка гордая, держатся с достоинством. Но снова вопросы: почему сюртуки разного фасона, почему у стоящих брюки светлые, у сидящего – более темные, да и сапоги у него больше напоминают ботинки с пристегивающимися крагами: что означают бантики на левой стороне груди у двоих? По какому распоряжению они уехали?

Говорят, что надпись сделал самый активный, тот, что сидит. А написал он по-русски следующее (приводим в современной орфографии с авторскими особенностями): «На память на германский Военнопленный Вилгелм Блум Гамбург 24 Елизаенштрассе Нязепетровский завод 1 май 1917 г.».

Похоже, что он оставил свой адрес. И, может быть, по нему можно установить имена других двоих. Понятно, что никого из персонажей этой истории нет в живых, но их потомки, вероятнее всего, сохранили воспоминания своих родственников о пре-

бывании на чужбине. Как сложились их судьбы, как живут их наследники?

Если бы не крутые перемены в нашей стране, мы могли бы и не узнать об этих людях. Невестка хозяина дома, Зинаида Васильевна Гусева, родившаяся в 1920 году, услышала об этом от свекра и свекрови, но сама никому не рассказывала, так как в то время это было небезопасно; могли обвинить в чем угодно: в сговоре, шпионаже в пользу Германии, создании подпольной организации, подрывной деятельности против Советского Союза, тем более что муж Петр Ермолаевич воевал на фронтах Великой Отечественной войны с Германией. Даже дочь Нина, которой сейчас за 60 лет, ничего не знала.

Наступило третье тысячелетие. Многое кардинально поменялось. Зинаида Васильевна, которой было уже за 80, проживала в этом же доме, но теперь со взрослой внучкой Ларисой и ее семьей.

Готовясь к смерти, перебирала вместе с ней бранные пожитки в сундуке. Что-то совсем выбросили, что-то отдали в музей, иконы – в открывшуюся церковь. Лариса обо всем расспрашивала. Вот когда была извлечена эта шаль, тут-то Зинаида Васильевна и рассказала внучке, что знала сама, а фотография стала почти документальным подтверждением всей истории.

Говорят, что в то же время в Нязепетровске находились военнопленные из Австрии.

В годы Второй мировой войны якобы здесь тоже были военнопленные из Германии. Про них рассказывают, что они страшно голодали.

Но на сегодня самая реальная история – эта, о трех германских солдатах на фото.

Николай Васильевич Риль родился в Санкт-Петербурге в 1901 году. Его мать была русской, отец — немец, инженер работающий на фирме «Сименс и Халске». Николай с детства владел свободно русским и немецким языками.

С 1920 по 1927 гг, он учился в Санкт Петербургском Политехническом Университете и затем в Берлинском университете им. Гумбольдта. В 1927 он защищает в университете в Берлине диссертацию по радиохимии на тему «Использование счётчиков Мюллера Гейге-

ра для спектроскопии бета излучения». Его научными руководителями были физик-ядерщик Лиза Мейтнер и радиохимик Отто Ган.

С 1927 он начинает свою трудовую деятельность в промышленности на предприятии Ауэргезельшафт, сначала он занимал пост начальника лаборатории оптической техники, затем возглавил научный отдел всего предприятия.

После окончания Второй мировой войны работал в советской атомной программе. С 1945 по 1950 гг. Риль возглавлял производство металлического урана на заводе № 12 в Электростали. С ним также работали другие физики атомщики А. Барони, Г. Борн, А. Катч, В. Кирст, Н. Е. Ортманн, Прцубилла, Г. Шмитц, Г. Тиме, Тобейн, Г. Вирт, К. Циммер. Ветераны завода № 12 в Электростали наверняка помнят эти имена. В последнем квартале 1946 года завод поставлял Курчатовской лаборатории № 2 почти 3 тонны металлического урана в неделю, в конце 1950 года завод производил уже 1 тонну урана в день.

После испытания 29 августа 1949 года Берия представил 33 участников проекта к званию Героя Социалистического Труда, и 52 — к крупным денежным премиям. Среди награжденных Риль был единственным иностранцем, да к тому же заключенным, да к тому же и немцем. «Награжденные направили Сталину благодарственное письмо. Сталин изучил список и начертил красным карандашом недовольную резолюцию: «Где Риль (немец)?». Подписи немца не было»

С 1950 г. и до отъезда в Германию в 1955 г., он был невыездным, с 1950 года по 1952 г являлся научным руководителем работ по радиационной химии и радиобиологии на объекте НКВД «Б» на базе санатория Сунгуль (сегодня Снежинск). Из Постановления СМ СССР № 2857-1145сс/оп от 1 июля 1950 г. «О работе научно-исследовательских институтов...» с весны 1952 года находился на «карантине» в Сухуми, символически работая в Сухумском физтехе, здесь были проведены его первые исследования по физике твердого тела. Для возвращения немецких ученых в Германию КГБ по согласованию с правительством ГДР составило список «А» из 18 человек, которые обязаны бы были вернуться только в ГДР. Вся группа Рили входила в этот список.

В апреле 1955 года советские власти позволили Рилю вернуться на родину, 4 недели он находился в ГДР в восточном Берлине, далее он сознательно перебирается в ФРГ, не вникая даже уговорам Ульбрихта и в 1955 году был принят научным сотрудником в Мюнхенский технический университет на Исследовательский ядерный реактор. В 1961 году получил место ординатного профессора технической физики и продолжил исследования в области физики твердого тела, в области физики льда и оптической спектроскопии твердого тела.

Николай Риль лауреат Сталинской премии (1949), Орден Ленина (1949) и Герой Социалистического Труда (1949).

В 1988 году в издательстве Ридберг в Германии под названием «10 лет в золотой клетке» вышла книга воспоминаний Н. Риль (включая 58 исторических фото).

Николаус Риль

«Десять лет в «золотой клетке»

(глава из книги)

8. В Сунгуле на Урале (1950-1952)

В 1950 г. наша работа в Электростали была завершена. Производство урановых тепловыделяющих элементов шло гладко и участия нас, немцев, больше не требовалось. Но для возвращения в Германию время еще не наступило. Некоторые действия с моей стороны в этом направлении остава-

лись безуспешными. Таким образом встал вопрос о дальнейшем использовании немецкой группы. Министр по атомной энергетике Завенягин предложил мне взять на себя научное руководство в крупном новом институте в Сунгуле на Урале, это было связано с обработкой, влиянием и использованием получаемых в реакторах радиоак-

тивных изотопов (продукты деления). При этом возникали радиобиологические, дозиметрические, радиохимические и физикотехнические проблемы, т.е. имелась в виду большая рабочая программа. Т.к. я был более или менее связан со всеми этими областями еще во время работы в Ауэргезельшафт, то предложение Завенягина показалось мне достаточно обоснованным и заманчивым.

Моему решению принять предложение способствовал и тот факт, что в том институте уже работало три немецких сотрудника, с которыми я был тесно связан в Германии и с которыми находился в дружеских отношениях. Это были уже упоминаемые в главе 2 физик и радиобиолог К.Г. Циммер, радиохимик и ученик Гана - Г. Борн (позднее профессор радиохимии в техническом университете г. Мюнхена) и медик и радиобиолог А. Кач, впоследствии профессор в Карлсруэ. Хотя все эти люди и были тесно связаны с Ауэргезельшафт, но их рабочее место было в Кайзер-Вильгельминституте в Бухе, Берлин, а именно в отделе генетика Н.В. Тимофеева-Ресовского, о котором речь будет далее. Вместе с русскими они были привезены в Советский Союз и включены в мою группу в г. Электросталь. В рамках уранового производства было очень трудно найти соответствующую их квалификации работу. Я пытался доказать, что радиохимия и радиобиология хорошо согласуются с урановым производством, однако потребовалось много лет, чтобы внушить это начальству. И поэтому, когда был основан институт в Сунгуле, все трое были переведены туда. Там они смогли полностью развернуть свою деятельность в соответствии со своей специальностью.

Тимофеев-Ресовский прибыл также в Сунгуль. Его судьба заслуживает особого описания, она является характерной для сталинского послевоенного времени. Тимофеев был советским гражданином. В 20-е годы он был приглашен в Берлин, в Кайзер-Вильгельм-институт мозга, немецким ученым по изучению мозга Фогтом, который по поручению советского правительства занимался исследованием мозга Ленина в Москве. Не отказываясь от советского гра-

жданства, он оставался там до конца войны. Его работы - особенно исследования по радиационному воздействию на наследственность, выполненные вместе с Дельбрюком и Циммером, - способствовали его авторитету. Нацистское правительство оставило его лично на долгое время в покое. Но его старший сын за контакты с советскими военнопленными был арестован и брошен в концентрационный лагерь. Тимофеев думал, что ему уже нечего бояться русских. Поэтому, а также из-за чувства своей принадлежности к России, он остался в Берлине, когда туда вошли советские войска. Спустя некоторое время он был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы. Точно такая же судьба постигла и его сотрудника Царапкина, который также, как советский гражданин, работал также в Бухе под Берлином. Солженицын упоминает о них в своей книге «Архипелаг Гулаг» как о товарищах по несчастью. Тимофеев, как обычный заключенный, терпел лишения и поэтому физически полностью дошел до истощения. Потом компетентные люди из МВД заметили, что о Тимофееве говорят, как о выдающемся ученом, которого можно использовать для проекта по атомной энергии вследствие его радиобиологического опыта. Его разыскали в трудовом лагере и послали майора, чтобы привезти его и Царапкина. Обоих откормили немного и отправили в Сунгуль.

Однако в результате лишений у Тимофеева ухудшилось зрение. Он почти не различал контуры людей и предметов, едва мог читать. Я узнал об этом, когда был еще в Электростали. Я прочитал две толстые книги о витаминах и о их влиянии и узнал, что недостаток определенного витамина (насколько я помню, амида никотиновой кислоты) вызывает отслаивание миелиновой оболочки зрительного нерва, т.е. повреждение зрения. Я заказал сразу же витамин в Москву и через Завенягина передал его Тимофееву, но было уже поздно, повреждение уже было необратимо.

Тимофеев оставался в статусе заключенного, но в Сунгуле его очень хорошо устроили. Он получил дом, такой же хороший, как и у немцев. Он стал руководителем биологического отдела института и смог

привезти свою семью из Германии, и это все как заключенный! Особенно странным было то, что при прибытии он получил букет цветов в качестве приветствия. В свете этих фактов я не могу не заметить, что это является стимулом для поборников гуманизма при отбытии наказания осужденными в нашей стране. Как было бы гуманно и благородно, если бы наши женщины-заключенные при доставке их в места заключения получали бы букеты цветов в камерах!

Хотя я уже знал, что в Сунгуле встречу ряд друзей-коллег, я хотел познакомиться с Сунгульским институтом поближе и с отношениями там, прежде чем дать ответ Завенягину. В это время я уже мог ставить условия и выражать пожелания. Поэтому я сначала поехал в Сунгуль, чтобы все увидеть своими глазами. Я взял с собой старшую дочь и еще одну немецкую девушку, чтобы показать им Урал.

Радостная встреча с Тимофеевым и другими коллегами и все сунгульские впечатления разрушили все мои сомнения относительно того, соглашаться ли мне на научное руководство институтом. Только в одном пункте я хотел получить ясность. Химическим отделом в институте руководил профессор С.А. Вознесенский, который, как и Тимофеев был заключенным, и имел те же привилегии. Я его еще не знал и пытался во время ознакомительного визита в Сунгуль узнать, является ли он человеком, достойным доверия. Атмосфера нашего разговора оставалась холодной, я пытался пробиться к нему, вызвать его на откровенный разговор, но он оставался замкнутым. Конечно, он меня не знал, и Золотая звезда «Героя» на моей груди заставляла его сомневаться в том, может ли он быть со мной искренним. (В поездки и официальные визиты я надевал всегда Звезду и медаль лауреата Сталинской премии, т.к. это открывало многие двери.) Наконец его прорвало, и он рассказал мне свою историю страданий. Незадолго до прихода к власти Гитлера он провел в Германии в одном научном институте примерно полтора года и многому научился там у немцев. В начале войны он был сразу же арестован и осужден на 10 лет за «потенциальную принад-

лежность к пятой колонне». Он сказал мне, что он никогда ничего не говорил и даже не думал, что он бы смог громко высказать на Красной площади. Мы стали хорошими друзьями.

Удовлетворенный ознакомительным визитом в Сунгуль, возвращался я с девочками обратно. Трудно описать путешествие в русской провинции, не сделав экскурс в область энтомологии. По пути в г. Свердловск наш автомобиль сломался, и мы должны были провести полночи в простом крестьянском доме. Девочки играли в карты с нашим сопровождающим, а я спал на деревянной скамье. Девочки затем обнаружили многочисленные укусы блох на ногах, а я ни одного. Это объяснялось не хорошим вкусом блох при выборе еды, а тем, что это были земляные блохи, которые не могли допрыгнуть до моей скамьи. Рекордная высота их прыжков 35 см. Наверное, это было начало последовательного развития социалистического спорта.

В сентябре 1950 г. вместе с семьей я переехал в Сунгуль. Почти все сотрудники моей группы были переведены в другие места. Приехал только др. Ортманн, т. к. он был специалист в области люминесценции и подходил для работы в институте.

В институте Сунгуля царила совершенно другая, более приятная атмосфера, чем на урановом заводе г. Электростали. Культурный тон обращения создавался немецкими и советскими учеными. Почти все советские ученые были в большей или меньшей степени заключенными или по крайней мере ссыльными, и именно по политическим причинам.

На различных вспомогательных производствах работали уголовные заключенные. Был даже настоящий убийца. Мы называли его «наш убийца». Если можно было бы выбирать в Советском Союзе между «карьерой» политического заключенного и уголовного, то большинство кандидатов выбрали бы последнюю возможность. Уголовники после освобождения из заключения становились полноправными гражданами страны; а политические иногда ко конца жизни оставались с позорным пятном в своей биографии. Некоторые, известные мне политические заключенные, после

освобождения имели в своем паспорте штамп с определенным числом (мне кажется, это было число 39), а это значило, что владелец такого паспорта не может жить в крупных городах. При наличии хороших результатов работы срок заключения для ученых сокращался. Таким образом многим удалось примерно после половины срока выйти из статуса заключенного.

Чтобы перейти к более приятным вещам, нужно сказать, что Сунгуль находится в прекрасной местности. Институт, жилые дома и все вспомогательные здания находились на лесистом, частично скалистом, узком полуострове, имеющем несколько километров в длину. На находящемся рядом озере было много островов. На западе открывался прекрасный вид на Уральские горы. Прелестный дом, в котором я жил со своей семьей, стоял на берегу озера с крутым берегом. Если бы не было чувства, что мы находимся под замком, было бы со всем по-другому. С прибрежной стороны полуостров был окружен колючей проволокой, а по берегу озера стояли часовые с сильными собаками. Мы, немцы, могли покинуть полуостров только с сопровождающим, а заключенные вообще не могли, кроме самых исключительных случаев болезни. Поэтому мы получали наслаждение от прекрасной природы только в очень ограниченной мере.

Местный климат был резко континентальный. Очень холодная зима была намного длиннее, чем хотелось бы нам. Морозы до 40° С не были большой редкостью. Я никогда не забуду поездку из Свердловска в Сунгуль в едва защищенном джипе при минус 42° С и сильном ветре. Из-за снежных заносов мы должны были ехать всю ночь и, несмотря на очень теплую одежду, были близки к замерзанию. И только, увидев край восходящего солнца, нам стало немного теплее, это уже было спасение! Я удивлялся этому чисто физиологическому эффекту. Длинная зима сменялась короткой, но опьяняюще прекрасной весной. Лето было также коротким и, в основном, красивым. Растительный мир был более буйным чем в Средней Европе. Окраска цветов была более интенсивная, некоторые растения, о которых мы знали, что это низ-

кие сорняки, были до двух метров в высоту, изобилие лесных ягод было необычным.

Работа в Сунгульском институте была связана преимущественно с радиохимическими и радиобиологическими проблемами. Наряду с разработкой дозиметрических методов проводились исследования воздействия радионуклидов (радиоактивных изотопов) на различные органы, статистически изучалось качественное биологическое действие при присоединении и при внешнем облучении, устанавливались максимально допустимые дозы облучения и соответственно концентрация радионуклидов. Общественности очень мало известно, с какой строгостью и с какими экстремальными факторами безопасности проводились работы при этих исследованиях. Поэтому страх в кругу неспециалистов был полностью бессмысленным, т.к. они даже не понимали действительную опасность, которой подвергаются при работе с ядерной энергией. Вопросы безопасности в этой области очень важны, но должны обсуждаться экспертами, а не полуспециалистами или неспециалистами, которые хотят себя выдать за благодетелей человечества.

Господа Циммер и Борн смогли работать в Сунгуле в тех областях, в которых они ранее работали в Германии. У Циммера это была дозиметрия облучения, область, в которой он уже несколько лет занимал ведущее место. У Борна это была радиохимия. Если в Германии он работал с радионуклидами очень мало, то теперь он имел дело с препаратами, которые имели активность на много порядков больше. К тому же добавлялись многочисленные радионуклиды, которые являлись побочным продуктом деления при работе находящегося недалеко от Сунгуля ядерного реактора. Другой сотрудник, А. Кач, посвятил себя проблеме удаления радионуклидов из организма посредством введения комплексообразователей и других веществ. Для нас, немцев, это было большим преимуществом, что нас не отделили от наших областей деятельности в эти послевоенные годы, и поэтому после возвращения в Германию мы смогли полностью окунуться в эту работу.

Тимофеев-Ресовский не мог в это время работать в своей области, а именно, зани-

маться генетикой, по причине безобразной аферы Лысенко, о чем я кратко скажу ниже (в главе 17), и который сделал невозможной работу всем серьезным русским генетикам в их области. Тимофеев-Ресовский в Сунгуле занимался исследованием влияния радиоактивного облучения на рост полезных растений. И только много позже, после свержения Лысенко, он смог вернуться к генетике уже в другом месте.

В отличие от Тимофеева-Ресовского его старый сотрудник Царапкин упорно отказывался заниматься задачей, которая входила в рабочую программу института. Он замкнулся в себе и занимался исключительно некоторыми теоретическими вопросами генетики. Поэтому никто его не контролировал, но он потерял и возможность получить сокращение своего срока заключения как награду за выполненную «полезную» работу. Я пытался убедить Царапкина, что он должен выполнять, по крайней мере, хоть какую-то «полезную» работу, чтобы можно было облегчить свою судьбу и судьбу своей семьи получением сокращения срока заключения. Я предлагал ему любую возможную поддержку и льготные условия для такого решения. Он поблагодарил меня за участие и готовность помочь, но решительно отказался занимать прагматическую позицию. Он думал, что кто-нибудь когда-нибудь выкопает из сейфа его относящиеся к генетике записи и оценит их, и только это было важно для него. (Чтобы не отнимать у него последние остатки жизненной энергии, я умолчал о своем опасении, что его записи, по всей вероятности, кто-нибудь из выдрессированных чиновников для сохранения тайны вытащит из сейфа, перевяжет шнурком, опечатает и спрячет так «надежно», что никакой специалист не сможет их никогда прочитать.) Я, который уже был научен моим предыдущим опытом, как «служить богу и платить черту», мог понять точку зрения Царапкина, но не мог разделить его взгляды. Иногда бывает лучше «отдать кайзеру то, что ему принадлежит». После этого разговора я вышел из комнаты с чувством, средним между преклонением и сожалением. После нашего отъезда из Сунгуля Царап-

кина отправили куда-то в Среднюю Азию, где он затем и умер.

Что же касается меня самого, то я наряду с моей деятельностью в качестве научного руководителя института мог работать над темами, которые мало касались институтской программы, но были интересны мне лично. Т.к. библиотека института обеспечивалась достаточно хорошо текущими научными, а также и иностранными журналами, я мог быть более или менее удовлетворительно в курсе того, что происходит в мире в интересующих меня областях. Но, что полностью отсутствовало, так это личный контакт с коллегами. Даже с советскими коллегами я смог познакомиться только после возвращения в Германию и встретиться с ними на международных конференциях. В начале нашего пребывания в Советском Союзе президент Академии СССР С.И.Вавилов (ныне уже покойный), коллега по люминесценции, который написал предисловие к русскому переводу моей книги по люминесценции, пытался установить со мной контакт и просил сделать меня доклад, хотя самому, этому высокопоставленному человеку, в контакте со мной - по причине конспиративности, было отказано. Приятные человеческие отношения в Сунгуле, о которых я уже говорил, не в последнюю очередь зависели от административного руководителя того «объекта». Это был полковник НКВД Уралец, сердечный и умный человек. Большинство недобровольных жителей его объекта никогда не узнало, какие рискованные для него самого усилия он прилагал для того, чтобы облегчить этим людям жизнь. Я многократно видел, что некоторые его действия вторгались в область моей компетенции, и я должен был страховать его. Свободный от какой-либо идеологической ограниченности он действовал прагматически и гибко. Он не был славянско-русским типом, это был человек с татарским или даже с кавказским уклоном. Внешне он был очень похож на знаменитого русского путешественника Пржевальского. Наряду с организаторским талантом у него был еще дар, который в России редко встречается. Большинство настоящих русских отказываются от любой возможности для оформления своего есте-

ственного окружения; часто они оставляют запущенными свои сады, свои кладбища и территорию вокруг своих домов. Во время форсированной советской индустриализации это стало еще намного хуже. Уральца же наоборот не пугали трудности, чтобы построенный для работников института поселок органически вписывался в прекрасное естественное окружение. Он сражался за каждое дерево, которое хотели бы вырвать не долго думая строители. И если я вношу полковника Уральца в мой список «хороших русских людей», то делаю это не только потому, что он имеет определенные, типичные для русского, качества, а потому, что он не имеет эти определенные, типичные для русского, качества.

В заключение этой главы я должен упомянуть печальное событие, хотя оно и произошло много лет спустя после нашего пребывания на Урале, но касается именно того места, где мы жили. Речь идет о «Кыштымской катастрофе», взрыве, который был в 1957г. или 1958г. и в результате которого была заражена значительная территория. Кыштым - это находящаяся недалеко от Сунгуля станция железной дороги Челябинск - Свердловск. Недалеко находится также и первая советская реакторная площадка, а также город Касли. Советские власти умолчали об этом случае, однако многочисленные свидетельские показания говорят о том, что этот инцидент, действительно, имел место. Ученый Медведев, который сейчас живет на Западе, собрал весь

имеющийся материал об этом событии, критически проверил и опубликовал книгу, которая есть в указателе литературы. Т. к. я лично знаю некоторые факты, я могу подтвердить, что его сообщение достойно доверия.

Что же произошло? Открыто говорили о происшествии, причиной которого был не действующий реактор, а менее скверное несчастье, а именно взрыв или вспышка в хранилище радиоактивных отходов, радиоактивный материал был выброшен в воздух. Это был серьезный несчастный случай, связанный с человеческими жертвами, даже, вероятно, с которыми мы вместе работали. Т.к. однако результаты исследования данного инцидента советскими учеными, к сожалению, не известны, мы можем только делать предположения от причинах взрыва. В виду исключительности Кыштымской катастрофы можно склониться к мнению, что причина заключается в каких-либо специальных, локальных географических, геологических или климатических условиях. Может быть также сыграла существенную роль и уже упоминаемая мною гектика при создании советской ядерной техники. Я обращаюсь к советским властям по возможности открыто и подробно познакомить специалистов с причиной данного происшествия, т.к. специальный анализ и прогноз опасности ядерной энергии является в равной мере важным моментом для всех наций. Может этому будет способствовать и современная «гласность».

Любовь Алямкина

«Непрошенные гости»

Великая Отечественная война оставила в нашем обществе такой след, что еще долго мы будем вспоминать и осмысливать те годы, искать ответы на непростые вопросы. Какая сила подняла народ на защиту Отечества? Какое благородство сохранил в себе наш народ.

Узнаем мы много нового о роли нашего края в те суровые годы. Оказывается, в области не только производился металл, выпускались танки, оружие. После войны на наших предприятиях работали военнопленные немцы. Один из таких лагерей располагался в поселке Магнитка, Кусинского района.

Этот факт заинтересовал педагога Магнитской общеобразовательной школы Любовь Васильевну Алямкину. Она организовала сбор воспоминаний свидетелей той далекой поры. Собранны удивительные свидетельства сложнейшего периода нашей истории.

- Всегда считала, что краеведение – важнейший инструмент воспитания детей, так как прививает любовь к малой Родине, - говорит педагог и руководитель краеведческого

кружка Любовь Васильевна Алямкина - Поэтому, узнав из рассказов старожилов поселка Магнитка о трагической судьбе немецких военнопленных, которые после войны проживали на территории нашего поселка в лагере, начала индивидуальное расследование с целью восстановить память о тех, кого уже вычеркнули из истории, чьи могилы заросли травой, а рядом с ними устроили свалку мусора. Долгое время эта тема была закрыта для исследования, поэтому многие представленные факты неизвестны и малоизвестны.

Знать прошлое – это предвидеть будущее, обратиться к истории повседневности, чтобы увидеть личную человеческую судьбу не только своих дедов и прадедов, но и побежденных врагов, как людей, испытавших тяготы войны и плена.

Повседневная жизнь того поколения оказалась наполненной большими событиями и трагедиями. Через их судьбу можно понять жизнь страны.

Приезд

В тот день стояла невыносимая жара. Казалось, что все замерло в неподвижности под палящими лучами солнца. На станции собрались люди в ожидании состава с военнопленными немцами. Они вяло переговаривались между собой, стараясь стоять в тени. Среди них были конвоиры-солдаты с автоматами и жители поселка, пришедшие сюда просто ради любопытства: немцев до этого они видели только в кино. В воздухе витала настроенная враждебности. Война закончилась, но ненависть к бывшему врагу жила в сердце каждого.

Тишину разрезал гудок приближающегося поезда. Все сразу ожило: забегали конвоиры, отгоняя мальчишек от железнодорожного полотна, кто-то кричал, слышались команды командиров. В этот шум влилось тяжелое пыхтение поезда и лязг железа. Состав остановился. Вагонов было много. Обычно в них перевозили коров и телят, сейчас привезли людей.

Открыли двери и на землю стали спрыгивать пленные. В нос ударил резкий запах пота, грязных человеческих тел, полуистлевшей соломы. От вида этих изможденных, худых, измученных дорогой немцев настроение агрессивности исчезло. В глазах женщин появилась жалость. Сухие, истрепавшиеся от жажды губы каждого, просили пить. Кто-то сразу побежал за водой, неизвестно откуда взявшиеся банки, кружки, наполненные до краев, передавали пленным, а те жадно пили. За глоток живительной влаги они в знак благодарности снимали со своих рук часы, кольца. У одного из них была губная гармошка, она досталась мальчишке и он тут же, довольный доставшимся трофеем, радостно запиликал.

Раздалась команда строиться, образовалась длинная колонна. Впереди поставили офицеров. На груди у некоторых красовались боевые награды. Солдаты нам казались простыми людьми, а во взглядах офицеров читалась откровенная враждебность. Колонна в сопровождении конвоиров двинулась в путь. Станция опустела, все быстро разошлось, живо обсуждая событие, и лишь мальчишки побежали вслед, сверка босыми ногами.

Что помню...

Полторы тысячи военнопленных прибыли к нам после войны. Уставшие и изможденные шли они по поселку с низко опущенными головами. Старались не смотреть на местных жителей. Слишком враждебно смотрели они на непрошенных гостей. Вдогонку им неслась брань и злобные выкрики. Кто-то в колонну бросил камень. Охранники старались ничего не замечать. Пленные совсем не походили на тех храбрых солдат, которые вышагивали по нашим городам и селам, напротив, на лица многих читались виноватые выражения лица.

Прошло время, к немцам, свободно ходившим по поселку, привыкли, и теперь, когда видели колонну военнопленных в сопровождении охраны, то бросали в них не камни, а картошку. Они ловили ее и благодарно улыбались в ответ.

Работала я тогда в теплице, и дали нам в помощники молодого светловолосого солдата, звали его Гансом. Он оказался неплохим агрономом и научился быстро говорить по-русски. Мне, молоденькой девчонке, помогал садить рассаду, ухаживать за овощами, объяснял премудрости работы с землей. Спокойный и рассудительный, он

понравился молодой женщине, работающей с нами. Они начали встречаться. Валя, так звали женщину, долго грустила, когда Ганс уехал домой.

Меня не удивляет такое отношение русских к немцам. Пережив суровые годы войны, голод и холод, мы сохранили в душе доброту, жалость и сострадание к ближнему. Мы знали цену жизни и радовались каждому дню, ожидая от будущего только хорошее. Вчерашние наши враги, побежденные, оставались для нас людьми.

Клацк - клацк

Наши уральские зимы всегда отличаются суровостью. В 1947 году столбик термометра часто опускался на отметку минус 40 градусов. И ничего: жили, работали. Мы привычны к таким холодам.

Другое дело – немцы. О теплой одежде многим из них приходилось только мечтать, об обуви тоже. В том, в чем они приехали, нельзя было ходить ни в холод, ни в слякоть. Тогда немцы придумали на ноги деревянные колодки одевать, а сверху кусок брезента веревкой привязывали. Идет он по мерзлой земле, а в морозном воздухе разносится звук – «клацк-клацк».

Однажды осенью мы закололи телянку. Сварили мяса, покушали, а на столе оставили кости, чтобы вечером накормить собаку. Занялись домашними делами и не заметили, как в дом зашел немец. Видимо он хотел наняться на работу. Только как увидел кости на столе, обо всем забыл. Не выдержал, схватил кость и давай ее грызть, а там есть нечего. Того и гляди зубы сломает.

Тут мать вошла в комнату, увидела это и руками всплеснула. Парень стоит худой, на руках вены просвечивают. Ничего не сказала, молча вышла в сенки, и принесла молока.

Напоила его, хлебом накормила. Парня глаза радостные стали, заулыбался, что-то по-немецки говорит, поняли, что благодарит. За дверью услышали знакомые звуки «клацк-клацк», только теперь с веселыми нотками.

К нам он больше не приходил. Но как-то на улице его встретила мать. Он ее узнал, подошел и по-русски сказал: «Спасибо».

Фотография

По пыльной дороге идет девочка Нина. Она в старом ситцевом платице, стоптанных туфлях и бережно держала в руке кусочек хлеба весом сто граммов. Хлеб давали по карточкам и дома его уже ждут. Нина бережно несет драгоценную ношу, но ее запах так и ударяет в нос, а вкус так и чувствуешь на языке. Так и хочется откусить хотя бы раз свежееиспеченную корочку и долго-долго жевать, наслаждаясь вкусом. Преодолевая в себе это желание, она ускоряет шаг.

Нина не сразу заметила рядом с собой немца, к которому в поселке уже привыкли. Он настойчиво шел за ней, и что-то говорил по-немецки, жестикулировал и показывал на хлеб. Недоумевая, она пожимала плечами, как бы объясняя, что ничего не поняла. Нина с удивлением смотрела, как он полез к себе в карман и достал фотографию. Протянув ей снимок, он продолжал что-то говорить.

Любопытство одержало верх, и Нина берет фотографию в руки. На ней красивая женщина в белой, как снег кофточке держит на коленях ребенка. Женщина улыбается, волосы уложены и делают ее похожей на актрису. Ребенок капризно скривил губы, готовый вот-вот заплакать.

- Жена и дочка, - догадалась Нина, - Но зачем он их мне показывает?

Немец, показывая пальцем на фотографию, не отрывал глаз от хлеба.

- Да он же голодный и готов за хлеб отдать самое дорогое, - догадалась она и неожиданно протянула ему стограммовый кусочек, - Возьми, а фотографию оставь себе.

Немец радостно закивал головой, спрятал фотографию в карман куртки и, благодарно взглянув девочку, бережно взял у нее хлеб. Дома Нина не рассказала маме о случайной встрече.

И теперь всегда, когда она встречала теперь уже знакомого немецкого солдата, то всегда отдавала ему свой кусочек хлеба. Он всегда ее благодарил, и глаза при этом были такие грустные, словно он просил у нее прощения.

Об этом маленьком эпизоде из своего детства Нина не забыла до сих пор. Она, рассказывая об этом, гордо говорила, что,

возможно, спасла человеку жизнь. Потом он уехал к своей красивой жене, а мама так и не узнала про кусочек хлеба в сто граммов.

Крапива

Богат Урал разнотравьем. Только пригреет майское солнце, сразу появляются цветы медуницы, синие лепесточки которых так сладко тают во рту. Похожи на солнышко соцветия колокольчика, тоже сладкие как сахар. В лесу большие поля дикого чеснока, хоть косой коси, тут следом кислица поспеет. За ней – пеканы, хороши они варенные с солью. Есть еще в горах цветов удивительной красоты: лепесточки бледно-розовые причудливо изогнуты, называется саранкой. У нее корни слаще картошки. Но уж о крапиве и говорить нечего. В мае она появляется на каждом пригорке, ярко-зеленая, нарядная, как невеста-недотрога, а потом меняет свой наряд на цвет темной зелени, похожий на малахит.

В то лето, о котором хочу рассказать, часто шли дожди. Горы словно не хотели отпускать тучи и они, серые, свинцовые, закрывали собой все небо. Зато, когда дожди закончились, буйно разрослась за нашим домом на бугре крапива.

Мальчишки пошли собирать ее, варенная, с солью часто она была единственная на столе. Как же они удивились, увидев там немцев, рвущих крапиву и складывающих ее в мешки.

- Фрицы проклятые! – раздалось отчаянное, - Все собрали!

- А ну, пацаны, бей их, бери камни, - крикнул кто-то из парней постарше.

На бугор полетели камни. Немцы погрозили кулаками, что еще больше подзадорило нападающих. Под восторженные вопли «хозяев» они как-то съезились, толи от камней, толи от криков, и ушли.

В моей детской памяти так и остались серые фигурки людей, которых никто не боялся, которые никому не причиняли зла. Трава не насыщала желудок, есть хотелось всегда, но скольких людей спасла крапива от голодной смерти и русских, и немцев.

Молитва

Отец у нас погиб на фронте и осталась моя мама вдовой с тремя детьми. Братья,

Юрка да Алешка, непослушными росли, много хлопот нам доставляли. Дом, в котором мы жили, небольшой, но мужские руки всегда нужны. Держали мы корову с теленком, за ними нужен уход, мама работала, поэтому пришлось нанять двух немецвоеннопленных. Расплачивались с ними картошкой, хлебом, молоком. Ганс и Фритц приходили в определенное время, трудились исправно и добросовестно. И мама их не обижала, кормила досыта.

Вели они себя тихо, по-русски понимали плохо, объяснялись чаще жестами. Глаза, наполненные тоской, делали их робкими, беззащитными и совсем не походили на немцев, которые мы привыкли видеть в кино.

Моя мама часто молилась. По русскому обычаю у нас в правом углу комнаты висела икона. Встанет мама на колени перед ней, крестится, поклоны кладет, о чем-то Бога просит. Немцы видели, как она молилась.

В тот вечер, о котором хочу рассказать, дома кроме мальчишек никого не было. Приходят, как обычно, Ганс и Фритц. Решили они тоже помолиться, но слов не знают. Спрашивают у Юрки с Алешкой, показывая на икону, крестятся, знаками спрашивают: «Что говорить?» Мальчишки решили подшутить. Наговорили им таких матерных слов с самым серьезным видом. Сами на печку спрятались и наблюдают.

А тут мама с работы пришла и ничего понять не может: стоят Ганс с Фритцем на коленях перед иконой, крестятся и поклоны отбивают и такие при этом слова произносятся, что хоть уши затыкай. Опомнилась и как закричит на них:

- Это что вы, богохульники, делаете? Грех то какой-то? И еще в моем доме.

Бедные немцы ничего понять не могут. Встали с колен, шапки в руках мнут и не знают, в чем провинились. Тут такой смех с печи раздался. Догадалась мать чьих это рук дело, схватила валенок и бросила на печку. Постояли Ганс с Фритцем и ушли.

Богородица, наверное, услышала их молитву, слова тут не главным оказались, главное – о чем просила душа, то и случилось, потому что скоро парней отправили домой.

Воспоминания охранника

Северная шахта. 120 метров глубины. В шестнадцать лет я спустился туда впервые. Грузил руду наравне со взрослыми. Война закончилась, рабочих рук не хватало, и не вернувшихся с войны мужчин заменяли женщины и подростки. Восемь часов ежедневного тяжелого труда под землей отнимали все силы, к концу смены я падал от усталости, но, не подавая вида, продолжал погрузку. Большой бут руды, сорвавшись с лопаты, неожиданно упал мне на ногу и повредил палец. Пришлось из шахты уйти. Здесь и начинается интересный момент моей биографии. Устроился я охранником в лагерь военнопленных.

Мой первый день на новом месте... Трудно забыть. После проведенного инструктажа мне вручили дубинку, познакомили с бригадиром, и я ставлю подпись на соответствующих документах: сколько человек принял, в какое время, какого числа. Беру под охрану десять немцев и веду их на работу в шахту. Четыре часа они должны были долбить лед в нескольких штольнях, затопленных водой. Через эти штольни из-за образовавшегося льда невозможно стало проходить. И так почти месяц кирками и ломом они воевали со льдом. Потом увозил их назад в лагерь. Трудились они добросовестно, хлопот не доставляли, и я охранял их со спокойной душой.

Возле школы находился магазин, в котором мы получали хлеб по карточкам. На человека по килограмму ежедневно. Привел я как всегда бригаду, начали они работать, а я стою и думаю: «Может, мне пока за хлебом сходить? Немцы мои делом заняты, и я время сберегу». Попросил знакомого мастера:

- Посмотри за ними, я недолго.

- Иди, - говорит, - я задержусь, пока не вернешься.

Русская пословица гласит: «На грех и вилы стреляют». Вот они и выстрелили: пришла проверка. Тут и начальник лагеря, и главный врач, и много другого начальства: гаража, шахты, рудника. Видят: пленные без охраны. Спросили мою фамилию и ушли. Когда я появился, мастер руками развел: «Готовься к наказанию».

Арестовали меня на следующий день: давал подписку не отлучаться – выполняй. Сняли с меня ремень, забрали сигареты, даже шнурки от ботинок заставили отдать. Посадили в карцер. Со мной еще два человека оказалось: старик и молодой мужчина. Карцер напоминал подземный бункер. Состоял из нескольких камер: трехместных и одноместных... Находился он рядом с лагерем.

Сидим мы втроем на земле, на корточках, темно, холодно, сыро, блохи кусают – покоя от них нет. А рядом в одноместную камеру немца закрыли. Там еще хуже: сесть нельзя, негде, только стоять можно и чуть-чуть руками шевелить. Кричал он сильно, но разве под землей разве кто услышит? Жуткую ночь провели. Казалось, что время остановилось. Как в могиле побывали заживо погребенные. Крики только к утру смолкли. Что с тем немцем дальше было – не знаю: только трудно после этого с ума не сойти.

А рано утром слышим:

- Ситников, на выход!

- Комягин, на выход!

- Петров, на выход!

Вышли, пришел на работу – думал, уволят, но ничего, обошлось, оставили на прежней должности.

Хорошие отношения у меня сложились с бригадиром немцев. По-русски он отлично разговаривал. Да и все пленные неплохие оказались, кроме эсэсовцев. До сих пор один такой перед глазами стоит: высокий, худощавый, лодырь, русских больше смерти ненавидел. Но таких мало встречал.

С месяц, наверное, они под охраной ходили, охрана с автоматами, как положено, а потом им разрешили свободно по поселку разгуливать. Вот они и подрабатывали, кто как мог. Без этого трудно было выжить.

Норму выработки для них установили 100,1%. Эта норма давала возможность получения дополнительного пайка: нескольких граммов хлеба и одной поварешки похлебки, так называемого «усиленного питания». Наряд обычно давал начальник участка, потом подсчитывал проценты.

Наряд обычно давал начальник участка, потом подсчитывал проценты. О эти люди, находясь в плену, не только работали. Футбольная команда, организованная немцами, часто выигрывала в соревнованиях с поселковой командой и даже выезжала в районный центр. Музыка, исполняемая их оркестром перед началом матча, брала за душу, отличные музыканты подобрались!

В зоне немецкий порядок навели: посадили деревья, между бараками сделали красивые аллеи, рядом – клумбы с цветами. Организовали свой театр, ставили пьесы. Ни разу не слышал от них бранного слова – вот тут есть чему русскому человеку поучиться. На кладбище тоже порядок: ровные ряды могил, березовый крест на каждой, по краям небольшой заборчик, а перед входом – огромный березовый крест.

В день отъезда за ними прислали товарные вагоны, в которых развозили овощи. Перед этим вагоны несколько дней стояли в тупике. За это время немцы их помыли, покрасили, ярко разрисовали, прикрепили к вагонам цветы. Играла музыка, торжественная, бравурная, веселая, радостная, дающая ощущение праздника. Мороз по коже – до чего хорошо играла. Трудно в то поверить, но люди плакали, расставаясь с ними. Немало женских слез тогда пролилось!

Запомнились они и хорошими специалистами: были среди них инженеры, врачи, агрономы. Рабочие тоже неплохими оказались.

После отъезда пленных сломали бараки, снесли вышки. А деревья, аллеи, цветы остались. Подумали и решили на этом месте сделать парк.

Прошло много лет. Мой дом находился недалеко от бывшего немецкого кладбища. Бывшего, потому что там сейчас пустое место. Сидим мы однажды с мужиками на бугорке возле дома, курим, о чем-то болтаем. Погода прекрасная, птички щебечут. Смотрим идет к нам полковник.

- Здорово мужики, - говорит.

- Здорово, - отвечаем, а сами поглядываем: не каждый день в наше деревне полковники расхаживают.

- Вы, - просит, - немецкое кладбище покажите.

- А зачем? – поинтересовались.

Молчит, ничего не ответил.

- Так оно совсем рядом, метров тридцать от нас.

Пришли. Тогда еще бугорочки различимы были в тех местах, где хоронили.

Что-то подсчитал, записал, потом попрощался и ушел.

Покурили мы еще немного на том месте и разошлись. Больше никто этим местом не интересовался.

Виталий Ситников

Премия

Уцелели немцы от русских пуль, нор в плену их ждал грозный враг – голод. Каждый от него спасался, как мог. Многих этот враг сумел одолеть. Люди умирали, побежденные этим безжалостным противником и хоронили их недалеко от бараков. Много осталось могил и все без имянные. Но не только голод отнимал жизни.

Возле лагеря стояли вышки с часовыми. По поселку прошел слух, что кто-то из пленных совершил побег. Что заставило этого человека пойти на такое? Голод, тоска по дому, унижения? Выстрел вышки сразил беглеца мгновенно. Начальство, узнав об этом факте, наградило часового премией. Деньги, видимо, оказались немалые. Еще один могильный холмик вырос за забором, еще один крест появился на кладбище.

Но этим дело не закончилось. Жизнь людей, оказавшихся по воле судьбы в плену на чужой земле, не стоила ничего. Факт премии раззадорил часовых. Возможность получить деньги взамен человеческой жизни привел к тому, что часовые попросту начали провоцировать побег заключенных, придумывая разные способы.

Со временем сломали бараки, снесли вышки, убрали забор, огораживающий лагерь. Сгнили и кресты на могилах. Люди просто забыли это место. И никто никогда не узнает имени солдат, чья жизнь была оплачена премией.

Несоленая каша

После войны, закончив педагогический техникум, я по направлению приехала в Магнитку. Школа маленькая, в старом деревянном бараке, а учеников много. Учителей не хватало, и встретили меня с радо-

стью, сразу предложив комнату в общежитии.

После теплого приема, счастливая, иду искать это общежитие. Оно оказалось совсем рядом, в таком же бараке. Меня догнала черноволосая девушка.

- Это вы Анна Петровна? А меня Катей звать. Поселили в ту же комнату, что и вас.

Познакомившись, заходим в барак. Наша комната в самом конце длинного коридора. Открыли дверь – ахнули: грязно, темно, холодно. Железная кровать в углу и два стула. Решили печь истопить, а дрова сырые, не горят, пришлось спать голодными лечь.

На другой день пришли к директору. Молчим, а у самих слезы на глазах. Увидев наши расстроенные лица, директор все сразу понял:

- Поможем!

И помог. К вечеру привезли нам на лошади кое-что из мебели, ввернули лампочку, выдали постель, а утром слышим, как в нашу дверь кто-то стучит. Открыли, а там стоит немецкий солдат с ведром извести. Поздоровался, зашел и сразу стал работать. Белит, печь замазывает – все молча делает. Видим – старается, чтобы аккуратно все получилось.

Решили мы его накормить. Сами больше питались в столовой, поэтому кроме манной крупы у нас ничего не нашлось. Поставила воду и начала мыть пол, а кашу доверила подруге варить. Вскоре она говорит:

- Аня, каша готова. Приглашай к столу работника и сама садись. Ты же немецкий в техникуме учила, тебе с ним и говорить.

А у меня как назло слово «каша» из головы вылетело. Но он и по-русски понял. Сел за стол, молча поел, поблагодарил и ушел.

Стали и мы есть. Только проглотили по одной ложке – чувствуем, что каша какая-то невкусная получилась.

- Катя, ты ее хоть посолила? – спрашиваю.

- Нет, - отвечает, - воду-то ты ставила, я подумала, что и посолить догадалась. А солдат с таким аппетитом, что казалось – вкусно мы его с тобой покормили.

Катя бросает ложку на стол и ее залистый смех разносится по всей комнате. В ней стало чисто и свежо, что проникший сквозь стекло солнечный зайчик долго играл на белом потолке. Прошло много лет, а я так и не забыла того солдата, который нам помогал. Ведь от всей души мы хотели тогда его накормить, вот только соль подвела.

Анна Гурчинакая

Посылки

Всю свою жизнь, а мне уже 70 лет, я прожила в Магнитке, После войны мне исполнилось всего 8 лет. Помню, мать в шахте работала. Очень уставала, Придет с работы, сядет на кровать, раздеться нет сил, задремлет. Часок поспит, а за ней уже бегут – опять на работу вызывают. Только и спросит:

- На какую шахту?

- Центральную.

Их всего три было: «Центральная», «Северная», «Южная». Тут же встает и уходит. Мы больше травой питались. Вот и немцы научились траву есть, их почти не кормили.

Мать как-то рассказала, что им часто посылки из дома приходили. Только не доставались они немцам. Лагерное начальство эти посылки забирало, сами съедят, с собой унесут, детям, женам на гостинцы. Бог их простит. В трудное время каждый выживал, как мог.

Мы-то крапиву хоть с солью ели, с мукой мешали, а пленные ее просто варили. Свины такое есть не станут. Вот и умирали многие, другие бежали. Только куда бежать без документов, кругом русские. Знали, что явная смерть за такое дело. Это уже нервы не выдерживали. А каждого из дома кто-то ждал и с надеждой на их возвращение с любовью отправлял посылки.

Мария Буруздина

На пути в лагерь

На службу Владимира Михальцова призвали в Тамбовской области в 1944 году. Служить пришлось в Литве, городе Вильнусе, в войска МВД. Был обычным рядовым в должности повара. И тут приказ – сопровождать эшелон с военнопленными до поселка Магнитка, что на Урале. Ехали около месяца, часто останавливались и

иногда надолго. Оружие охранников – винтовки. Ехали они в специальных тамбурах, которые находились в конце каждого вагона. Смена четыре часа в сутки, на один вагон приходилось три охранника. Им то Владимир и готовил еду.

В рационе имелись перловка, овсянка, пшенка, из жиров – комбинжир, хлеба полагалось по 600 грамм на человека в сутки, сахар выдавался на десять дней. Котелки и фляжки – по одному на двоих. Чем немцев кормили, не знаю, у них свой повар был, литовец, в кухонном вагоне готовил, на остановках еду разносил по вагонам, но, можно сказать, плохо кормили, очень мало. Из вагонов они все это время никуда не выходили, разговаривать с ними не положено было. Лето, жара, духота в вагонах, нечем дышать.

В поселке их уже ждало рудничное начальство с вольнонаемной охраной. Построили и строем повели в гору, в лагерь. Первое время ночевали на улице в палатках. Сразу начали строить себе бараки. Фундамент из камня, а сами бараки деревянные. С ними жил переводчик, из числа их людей, по фамилии Штейнпресс. Он так и остался потом в поселке, не захотел уезжать на родину.

Сам Владимир тоже остался в Магнитке. Женился, устроился работать на шахту «Северная» крепильщиком. Чтобы не обвалилась шахта, идет впереди проходчик, за ним – крепильщик, крепя проход лесом, а потом все остальные: канавщики, лопаточники. Вот ими и работали немцы. В забое убирала руду лопатами, доставляли ее в скипах – огромных ведрах, сгружали в бункер и отправляли на фабрику. В основном мужчины трудились, женщин же работало мало, сумконосами ходили с взрывниками, переноса взрывчатку.

«Добросовестно трудились немцы на шахте, охраны там никакой не было, работали вместе с русскими в спецовках. И не различишь их порой. Потом их отдельно в клетки поднимали наверх. Они мылись в бане и с охраной уже уходили в лагерь. Человек 50 их примерно насчитал для интереса. Больше года видел их на шахте. Давали им талоны за работу, как и нам. Три тысячи человек работало на шахтах, среди них и

много немцев. И водопровод они прокладывали в поселке, канализацию, дома строили.

Сам я в шахте крепильщиком проработал 20 лет. Ничего жив остался, хотя случаи бывали, что крепильщиков придавливало, - вспоминал Владимир. Помнит он и то, что однажды три немца надумали бежать из лагеря. Их тут же поймали и в карцер посадили.

Помнит он и русских военнопленных, репатриированных, которых привезли с фронта. Расквартировывали их среди жителей поселка. Ходили они без конвоя, потом, после войны, им разрешили уехать, но многие остались тут, обзаведясь семьями. И немцы ходили без конвоя, но не все, такую привилегию заслужить надо было.

Вот так, сопроводив немецких военнопленных из Литвы на Урал, он остался на уральской земле. Сейчас ему уже 82 года. Но он все еще бодр, редко болеет, хорошо помня тот месяц в пути, долгий для солдат, измученных жаждой, голодом, духотой. Тот путь пленные повторили, но уже в другом качестве.

Жизнь на чужбине

Настоящего имени его никто не помнит, звали его по-русски – Федор Иванович, а фамилию запомнили многие – Штейнпресс. Женился уже на Магнитке, на местной девушке, учительнице. Воспитывали они двух детей. Дочка Нина носила фамилию отца, а вот у сына была материнская фамилия – Бучельников. Дочь вырастит, думали, выйдет замуж, а сыну прожить Штейнпрессом трудно, насмешек не миновать, а главное – может здорово повредить, вызвав недоверие к человеку.

Среднего роста, худой, светлорусый, работал Федор Иванович в поселке домуправом. В его обязанности входило следить за порядком в казенных домах и состоянием дворов. Человек очень добросовестный, пунктуальный, добросовестный, он с большим рвением относился к своей работе. На служебном столе у него мы видели исключительный порядок. Наши же документы иногда мы долго искали, все бумаги лежали в общей куче.

Тридцать лет он проработал на этой должности. Мусор тогда вываливали во

дворах, так называемых, помойках, и Федор Иванович рьяно следил, чтобы его своевременно вывозили.

Я запомнила его всегда серьезный вид. Он никогда не смеялся, не улыбался, часто злился на людей. И люди его тоже недолюбливали, считали чужаком, иногда зло посмеивались. Русские не приучены к чистоте, для многих тогда соседство с грязью считалось нормой жизни, а этот человек приучал к порядку.

Дали ему тогда прозвище – Лямпочка. Долго, до самой смерти его так называли.

Пришел он однажды в какую-то квартиру, а там лампочка не светит. Федор Иванович по-русски с акцентом разговаривал. Попросил жилец у него проводку сменить, а тот говорит:

- Лямпочку купите.

Так и приклеилось. За глаза его иначе не называли. Жил он в частном доме. Весной всегда хозяева этих домов чистят снег на крышах., иначе крышу продавит. Начал и он эту работу. Соседи видели, как он залез туда с лопатой и начал снег сбрасывать. Скользко там, того и гляди упадешь. Вот и покатился Федор Иванович вместе со снегом и лопатой вниз и сам себя останавливает:

- Тпру, тпру, - как лошадь.

Соседи смеялись от души. Все-таки упал, но ничего, как говорят, легким испугом отделался.

Рано он умер, заболел раком. Врачи долго не говорили ему настоящий диагноз, боялись расстроить. А он все травы собирал, но они не помогли.

Так он и остался у нас чужаком, которого не любили и над которым часто подсмеивались.

Надежда Махнева

Шкатулка

Мне 85 лет. Боле полувека я проработал окулистом в своем поселке. Приходилось делать очень сложные операции. Получил звание Заслуженный врач РСФСР. Это, конечно, очень почетно. Но получить в знак благодарности огромный букет цветов, моих любимых гладиолусов, от девушки, которой удалось вернуть зрение в результате сложной операции, радостней вдвойне. И таких людей было много.

Я уже давно не работаю, Мой мир замкнут стенами дома. Со мной остались воспоминания о прошедших годах, о событиях, связанных с прошлым. О друзьях и знакомых, близких и родных, живых и умерших. Это дает мне силы встретить завтрашний день. Вещи, окружающие меня, часть воспоминаний, складывающихся в общую мозаику тех далеких лет.

Вот у меня в руках старая деревянная шкатулка, в которой хранятся документы. Она все время стоит в моей спальне возле кровати, покрытая лаком, с незатейливой резьбой. Мастер, ее изготовивший, вырезал сверху одну единственную розу на длинном стебле с листочками от куста. Гордая роза словно спит, свернув свои нежные лепестки. Глядя на нее, как бы чувствуешь ее чудесный аромат и думаешь об искусстве человека, живущего сейчас в далекой стране.

Поменяли мы ее на хлеб у немецкого солдата. Мой покойный муж работал в то время в лагере для военнопленных. Там он подружился с немецким врачом. Тот очень хорошо разговаривал на русском языке, и они с удовольствием общались друг с другом. Приходил он к нам и домой. За чашкой чая наш гость много рассказывал о своей семье, о жене, о детях. Мечтал побыстрее вернуться к себе на Родину.

Имени я его уже не помню. Мечта нашего друга вскоре сбылась. Когда он уезжал, мой муж пришел его провожать. Перед тем, как сесть в вагон, они пожали друг другу руки, даже обнялись на прощание, пожелав друг другу счастья.

Я держу в руках старую шкатулку. Поистине золотые руки у этого мастера. И не только у него. Делали пленные у себя в лагере и другие вещи: столы, стулья, шкафы. Открыли у себя целый мебельный цех. Тем и кормились. Местные жители с удовольствием приобретали все это, меняя на молоко, хлеб, картошку.

Вот о чем рассказал мне небольшой предмет с вырезанным на крышке цветком, при виде которого оживают мои глаза. Предмет, ставший реликвией в моей семье о далеких послевоенных годах, когда я только закончила институт и приехала в незнакомый поселок. Здесь начала работать

врачом, вышла замуж. Вспоминаю о семейных вечерах в кругу родных и знакомых, а так же о том враче и молодом солдате, предложившим нам в обмен на хлеб эту красивую шкатулку.

**Варвара Саблина,
заслуженный врач РСФСР**

Еще одна история

После войны в профтехучилище я освоила профессию машиниста электровоза и пошла работать на шахту. Мужик у бы работать по этой специальности, а не двадцатилетней девчонке. Да где их взять, многие не вернулись с фронта. Страшно было спускаться впервые на глубину 60 метров по крутым лесенкам, а подъем длился, как мне казалось, бесконечно.

Вагонетки, возившие руду, часто сходили с рельсов, тогда мы вдвоем с мастером, подпирая плечом огромную тяжесть, ставили их на место. Женщины занимались и выгрузкой руды. Огромные ее буты часто не вмещались на лопату, тогда руками сбрасывали эти глыбы в общую кучу. Присядем отдохнуть, а тут мастер бежит: - Вставайте! Работать, работать!

Еле дождавшись обеденного перерыва, садились есть тут же на землю. Под ногами - чистая родниковая вода из какой-нибудь выбоины, макали в нее хлеб – казалось, вкуснее не бывает. И снова на работу. Фу-файки не просыхали от воды, она постоянно капала с верху.

Карточки на хлеб выдавали в подсобном помещении. Еле-еле преодолев бесконечный подъем, плетусь в подсобку. Слышу, шум стоит до потолка. Заглядываю в окно: стоит немец, а их под конвоем приводили работать на шахту, голову опустил вниз, сам щупленький, белобрысый, а перед ним мастер наш. Ругает этого немца по страшному.

- Фриц проклятый, мало вас поубивали. Сколько детей сиротами оставили, вдов сколько! И ты в наших стрелял, убью, сволочь!

Молчит немец, бледный стоит, голову опустил. Мастер, всегда спокойный, остановиться не может.

- Сын у меня погиб под Курском, может, это твоя пуля ему досталась? А? Говори, хуже будет!

Смотрю, у парня руки трясутся. Тут я не сдержалась, заступилась за него:

- Отстань от человека. Не по своей воле он на фронт пошел. В чем его вина? Гитлера надо ругать. А парень, может,

приказ выполнял. За невыполнение приказа сам знаешь, что может быть.

Вроде успокоился мастер. Немец сам не свой вышел. Тут у них построение началось. Попался он под горячую руку русскому, потерявшему на фронте сына. Понять его ярость можно. Этим сына он не вернул, но хоть душу ненадолго отвел.

Панна Казарина

Рудик. История любви

Странное и загадочное это слово – судьба. Что оно таит в себе? Жизнь по заранее написанному для тебя сценарию? Тогда кто его пишет? Никогда не знаешь очередного поворота и как будто читаешь страницы книги о собственной жизни, иногда смешные, порой грустные или скучные, к сожалению, есть и наполненные драматизмом. Только вряд ли задумываешься об этом, когда сама молодость дает тебе право на счастье. А молодость Ани совпала с молодостью родного поселка. Жизнь кругом бурлила: там, где недавно стояли стройные сосны, вырастали дома, появлялись школы, клуб, больница, строилась фабрика. Приез-

жали все новые люди и в основном молодежь.

Высокую стройную девушку трудно не заметить. Своей яркой внешностью она сразу же привораживала парней и те с трудом отводили от нее взгляд. Большие карие глаза, тонкие брови, чуть припухшие губы, нежный овал лица, темные, коротко подстриженные волосы в сочетании с внутренней одухотворенностью, через край бьющей энергией любви, притягивали людей, окружавших ее, как магнит. В семье, где рано умер отец, где росли еще младший брат и сестра. А матери, чтобы прокормить детей, приходилось работать с утра до

позднего вечера, жилось не сладко. Аня тоже работала в столовском буфете.

Послевоенная жизнь постепенно налаживалась. Возвращались фронтовики, уезжали эвакуированные, с ними делились и последним куском хлеба, и кровом.

Вот к празднику дали по карточкам продуктов на всю семью. Тяжелая сумка оттягивала руки, холодный мартовский ветерок продувал насквозь тонкое пальто, ноги мерзли в резиновой обуви.

- Вам помочь, - услышала она за спиной мужской голос и обернулась.

Аня смутилась, увидев подошедшего к ней немецкого офицера. Она его видела и раньше, при встрече с ней, он чуть заметно улыбался и кивал головой.

- Мне уже близко, - неуверенно проговорила девушка, отдавая сумку.

- Вас Аня звать, я уже знаю, а меня Рудольф, Рудольф Броуди.

И как-то сразу в голове мелькнуло ласковое, похожее на русское имя – Рудик.

С сожалением, прощаясь с ней возле дома, смущенно произнес:

- Я могу вас еще увидеть?

Сердце не в ладу с разумом, когда вот так сразу – любовь.

- Ведь чужой, зачем? – а внутри все трепещет от радости и так не хочется заходить в дом.

В большой комнате их полупустой квартиры ее, как всегда, встречает портрет Сталина во весь рост, нарисованный младшим братом Николаем, огромный до потолка. Осуждающий суровый взгляд Сталина, кажется, преследует всегда. Он напоминает ей о событиях трехлетней давности, когда она вернулась домой из Краснодара. Тогда судьба впервые столкнула ее с немцами. После встречи с Рудольфом в памяти всплыли картины тех лет.

... Молдаванин, приехавший в командировку в строящийся поселок, уговорил уехать к нему на родину. Как ни плакала мать, вышла за него замуж непокорная дочка и укатила в далекий край. Как цвели сады там весной, словно в сказочном сне, и свекровь ласково доченькой называла, муж на руках носил. Только недолгим счастье иногда бывает: умер внезапно муж и Аня решила домой уехать.

В дороге и застала ее война. На какой-то станции ее арестовали немцы, посадили в товарный вагон, который отправлялся в Германию. В вагоне оказалась не одна, ее подруга по несчастью сразу предложила бежать. С трудом, выломав доску в полу, прислушались, вроде тихо, поезд стоит. Пролезли сквозь дыру и поползли через рельсы, а потом кубарем покатались вниз с железнодорожной насыпи. В лесочке дождались рассвета, а утром без приключений добрались до Краснодара. Тут девушки расстались.

Город оказался полностью разрушен. Кругом немцы. На Аню никто не обращал внимания. Стало страшно: куда теперь – без документов, без денег, в единственном платье. Вот оно лицо войны. На каждом шагу встречались виселицы. Жуткие картины почерневших трупов мужчин преследовали целый день. Страшно хотелось есть. По дороге в город перекусила несколькими яблоками. Остановившись отдохнуть, увидела, как полицейские вели пожилого мужчину. На груди у него висела табличка «Партизан». Вешали его полицейские из местных, подобострастно глядя на стоящих рядом немцев с автоматами. При виде агонии умирающего, ей стало плохо.

Прислонившись к стене дома, случайно увидела на нем объявление «Требуется официантка в ресторан». И тут же адрес. Решила пойти туда рано утром, а вдруг повезет. Другого выхода не было. Ночь провела в сквере на лавочке среди густых зарослей акации. От утреннего холодка проснулась. Отыскала нужную улицу, которая оказалась рядом. Увидела надпись «Ресторан».

Здесь уже собралось много девчат. Они стояли молча, стараясь не глядеть друг на друга. Спустя некоторое время из дверей вышел немец. Придирчиво оглядев девушек, он неожиданно подошел к Анне и, указав на нее пальцем, коротко произнес: «Ты!» Остальные понуро разошлись.

Ресторан оказался небольшим, чистым и уютным внутри. Обслуживали в нем только офицеров. Комнатка возле кухни, где она должна была жить, вмещала лишь кровать и тумбочку. Повар, здоровый краснощекий

немец, хорошо говорил по-русски и объяснил, что работать придется много. Ее обязанности: посуда, пол и, конечно, разносить посетителям заведения заказы. Он дал ей день отдохнуть и привести себя в порядок. Аня, добравшись до кровати, свалилась от усталости. Рано утром услышала стук в дверь: «Пора вставать».

Работы она не боялась. Главное выжить, не умереть от голода на чужой стороне, вернуться к родным. Как они там? Живы ли? Скорей бы закончилась война!

Офицеры вели себя спокойно, культурно, вежливо и почти с ней не разговаривали. Они видели в ней только официантку, добросовестно исполнявшую свою работу. Только один майор смотрел на нее особенно пристально. От его взгляда холодело внутри.

В один из вечеров, когда уже почти все разошлись и ресторан опустел, он попросил Анну подойти к нему, пододвинул ей стул:

- Пожалуйста, сядь.

Недоумевая, девушка присела на край стула, наблюдая, как майор полез к карману и достал оттуда фотографию. С выражением грусти и душевной боли он протянул ей снимок.

- Это моя дочка. Как ты на нее похожа!

Аня так не думала, глядя на чужое лицо, но майора ей почему-то стало жалко. Она молча отдала фотографию.

- Извини, когда вижу тебя, вспоминаю ее. Не знаю, когда смогу вернуться и вернуться ли?

Майор тяжело встал и пошел к выходу.

Что скажешь в ответ? Не так уж он хотел воевать, этот майор, и совсем не питал ненависти к русским. Не думала девушка, что придется ей обратиться вскоре к этому человеку за помощью.

Утром, как всегда, ефрейтор, притащил воду. Видя, что на кухне никого нет, он с силой притянул Аню к себе. С трудом вырвавшись из его цепких объятий, она выбежала на улицу.

Вечером, когда вновь за своим столиком сидел майор, не спеша доедая ужин, Аня подошла к нему сама.

- Мне очень нужна ваша помощь, - проговорила она несмело, убирая со стола грязную посуду.

- Я постараюсь, - улыбнулся он, - только в чем дело.

- Ефрейтор, он, - упавшим голосом произнесла девушка.

Майор понял с полуслова, покачал головой.

- Ничего не бойся, - сказал он, вставая, - Этот человек ничего плохого тебе больше не сделает.

Ефрейтор исчез сразу на следующее утро, а вместо него появился другой солдат, молча выполнявший свои обязанности. Увидев в этот день майора, Аня благодарно кивнула ему. А он, правда, принес ей вечером носки и смущенно попросил заштопать. Наступал Новый год. Лица немцев становились все озабоченнее. Взрывы слышались почти рядом, в душе поселилась надежда, и даже сырость и слякоть последнего дня уходящего года не могли испортить хорошего настроения.

Плотно завесив шторами окна, Аня накрывала столики. Она торопилась. Еще надо было успеть привести в порядок свое единственное платье из модного в те времена штапеля, на ткани которого красовались вместо узоров надписи «СССР».

Кажется все готово. Собравшиеся офицеры начали открывать шампанское, разговаривая все громче и громче. Ей трудно стало успевать их обслуживать. В мыслях, наверное, каждый из них был дома, среди родных и близких, также как она. И вдруг зазвучала русская музыка. От неожиданности она чуть не уронила поднос. Это включил кто-то радио за крайним столиком. Один из офицеров пригласил ее на танец.

- Спасибо, - удивленно улыбнулась девушка, - я не работаю.

- Это ничего, - с акцентом произнес тот, подавая ей руку, - сегодня праздник. Всего один танец.

Звучала музыка, одна мелодия сменяла другую, и один партнер другого. Так прошла эта необычная ночь. Офицеры разошлись уже под утро.

А вскоре Краснодар освободили, и дорога домой стала открытой. Где только не пришлось Анне ехать: и в переполненных вагонах на верхней полке, в товарняках, на попутных машинах. Война еще не закончилась, и ей чудом удалось добраться до род-

ного Урала. Такой неожиданной стороной обернулась ей война, не давшая возможности выбора, но предоставившая шанс уцелеть, вернуться к родным, которые уже не надеялись ее увидеть живой.

Мать тихо плакала от радости, утирая слезы платком, брат и сестра, оба выросшие, похорошевшие, с восторгом и любовью смотрели на старшую сестру. Семья еле-еле перебивалась и, чтобы выжить, даже брат подрабатывал: продавал свои рисунки. Таким талантом наградила его природа и сейчас Анна с интересом рассматривала их. Вспоминали и свой домашний оркестр: гитара запела в руках брата, нежно ей ответила мандолина под пальчиками младшей сестры, балалайка в руках Ани подхватила веселую мелодию «Барыни». Спать легли под утро, и, засыпая, счастливая, дала себе слово больше никуда не уезжать.

Кто бы мог подумать, что пришлют в их поселок военнопленных немцев и встретит она среди них того, кто заставит ее сердце так бешено колотиться. Уезжая из Краснодара, она думала, что никогда немцев больше не увидит.

...Встречи становились все чаще. Душа замирала от счастья, то болезненно сжималась от мысли, что впереди предстоит разлука. Пока старалась об этом не думать. Даже в таком большом поселке ничего от людей не утаишь. Но не пугали ее косые взгляды, не обижалась на мать, которая вскоре обо всем узнала.

- Ты что, доченька, делаешь? Тебе русских парней не хватает? Что люди скажут? Стыд какой! – выговаривала она, в сердцах гремя посудой.

Но ноги сами несли Аню на свидания.

Рудольф любил рассказывать о своей стране, городе, где он жил, о родителях, о которых очень переживал. Мечтал побыстрей вернуться домой, и Аня его хорошо понимала, зная что такое жизнь на чужбине. Иногда он заходил к ней домой. Брат с сестрой радовались его приходу, а мать больше молчала, переживая за дочь. За разговорами время проходило незаметно. В редкие вечерние прогулки, ласково обнимая девушку, учил ее немецкому языку. У Ани иногда что-то сжималось внутри.

Вот и сегодня душа у нее не на месте. Только что прошла гроза. Воздух был увлажнен дождем, пахло первыми весенними листьями. Так хотелось быть счастливой в этом мире, но судьба, поманив счастьем, тут же отнимает его. Они стояли возле танцевальной площадки. Мелодия вальса пьянит и становится немного завидно парам, кружащим в его ритме. У них все гораздо проще. В порыве грусти Рудольф неожиданно спросил:

- Ты приедешь ко мне? Ты мне нужна.

В душе появилась надежда.

- Мы напишем в Москву, обязательно напишем. Если бы не война! – с горечью произнес он.

- Если бы не война, мы бы не встретились, - мысленно подумала Аня.

При расставании он поцеловал ее, и Аня, уходя, сказала себе:

- Как жаль, что скоро этот вечер превратится в воспоминание.

Вскоре объявили пленным о дне отъезда. Ее Рудик был счастлив, когда говорил об этом. Он стал таким близким и родным за эти два года, что казалось, она знает всю его жизнь. Душа так просила счастья, а получила боль. Но Аня старалась этого не показывать. В толпе отъезжающих она искала его лицо. Он, увидев Аню, замахал ей рукой, а потом подошел. Она смотрела на него, стараясь запомнить каждую черточку, и ждала, что он скажет.

- Я люблю тебя, Аня, - он произнес эти слова так тихо, но они для не прозвучали как гром среди ясного неба.

- Спасибо, Рудик.

- Это тебе спасибо, Анечка, за то, что ты есть.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, а в голове только одна мысль: «Я его никогда больше не увижу».

- До свидание, - проговорил он, - до свидание!

Она кивнула, прощаясь, он повернулся и пошел к поезду. Затем замедлил шаг и обернулся. Это был последний прощальный взгляд перед разлукой. Все расселись по вагонам, поезд медленно тронулся, выпуская клубы дыма. Аня с тяжелым сердцем смотрела ему вслед, ведь он уносил в далекую страну ее несбывшееся счастье.

Впереди ждала целая жизнь, наполненная заботами, горестями и печалью. Ее душевной щедрости хватало на всех. Всегда в ее доме кроме вкусных пирогов, которые никто не умел так печь как она, каждому еще находилось доброе слово.

Больше всего на свете она любила лес. Особенно, когда на поляне - белоснежная скатерть и дымится самовар, вдыхаешь аромат заваренной травы и наслаждаешься его запахом, незамысловатая еда кажется

самой вкусной, а рядом бидоны, наполненные крупной земляникой. Ярко пестреют цветы, не смолкает пение птиц, в тени березы прохлада. И, сидя так с друзьями и сестрой, словно что-то предчувствуя, она говорила:

- Неужели придет день, когда я не увижу больше такой красоты?

Этот день пришел и для нее, но для многих она осталась в памяти живой, ведь человек живет столько, сколько о нем помнят.

«Аристократки»

Воспоминания анонима (из фонда В.Г. Борисова)

Эту историю мне рассказал кто-то из работников управления нынешнего металлургического комбината. За давностью лет фамилию рассказчика стерлось в памяти. Встречаясь с трудармейцами, я хотел найти подтверждение этой истории, но мои собеседники не знали этого. До сих пор питаю надежду на встречу с очевидцем этой истории.

Осенью 1943 года на строительство Челябинского металлургического завода прибыло несколько сотен немцев. Это был необычный строительный десант, состоящий из жен и дочерей высокопоставленного германского начальства, приехавших отдохнуть в Кисловодск. На Северный Кавказ они приехали в легких изысканных костюмах, не предвидя изменчивости судьбы.

Но наши войска стремительно овладели северокавказскими горами и «курортницы» оказались в тылу наших войск. Сопровождавшие конвоиры почему-то называли их «пленными», хотя женщины не собирались воевать, они лишь по описи считали курортные города Союза Германских территорий. «Строительниц» поселили в отдельных домиках, хотя и огорожены колючей проволокой. Им выдавали лагерную форму и попросили на следующий день выйти на работу, дочери великой Германии начали по-своему выражать протест.

Утром поверх своих курортных нарядов были надеты бушлаты, на замысловатых шляпках красовались желтые русские платки. Этот ироничный вид вызвал у лагерного начальства улыбку, но женщины про-

явили свой характер, они отказались работать, заявив: «Мы не когда не работали в Германии и не собираемся этого делать здесь, а кормить вы нас просто обязаны».

На следующий день бунтовщицы заявили: «Еще немного и война кончится. Вся Россия даже за Уралом окажется германской. Ведь Москва и Ленинград давно взяты, разве не так? Доблестные немецкие войска, захватывая города скоро подойдут у Уралу». При этих разговорах они показывают свой халеные руки с накрашенными ногтями, давая понять, что скоро немецкие офицеры им будут целовать руки. Уезжая на отдых, они везли с собой дух победы, которым была пропитана их сторона. Гебельсовская пропаганда делала свое дело, они были дочерьми великой Германии. Рабочих рук на стройке не хватало, но бунтовщиц не трогали, скорее их одаривали двусмысленными улыбками. Они не знают, с кем имеют дело, это было их пробелом в их мировоззрении. Так прошло несколько дней. Потом начальства поступило просто: вместо 800 граммов хлеба, положенных по норме работающим, им стали выдавать по 300 как иждивенцам. Прошла неделя, потом другая и вот несколько человек попросились на стройку.

За ними пришли и остальные. «Белая кисть» и «голубая кровь» трудились на разных объектах, но в основном на кирпичном заводе: стояли у смесительных агрегатов, формовали кирпичи, закатывали в вагонетки обжиговые печи. Работники ОТК не имели ни каких претензий к качеству кирпича, видимо, сказала

врожденная немецкая аккуратность. Немки не только добросовестно трудились за советский рабочий паек. Вдобавок они узнали, перевыполнившим норму выдавали добавку.

Делегация отправлялись к начальству: «Мы тоже хотим участвовать в соревнованиях!». Так появились номера «аристократических» бригад на доске трудовых показателей. Дамы высшего света стали говорить о перевыполнении советского плана, изыскивать резервы производства, в холеных руках появилась российская цепкость. Бывшие бунтовщицы стали устраивать собрания, подводить итоги, приглашать на них руководителей участников, обсуждая график работы, за бестолковость требовали наказать

виновных. Появление бригады или отдельной фамилии на доске передовиков вызывало радость, званием ударницы гордились.

Через год они стали, похоже на россиянок, так же стояли в очереди за зарплатой и продуктами в магазинах. С них, как и с наших рабочих вычитали за жилье, питание и спецодежду. Они, так же как и наши трудармейцы получали из дома небольшие посылки и почту, видимо, через Красный крест. Старались поделиться съестным, показывали фотографии родственников, детей радовались, когда русские проявляли к ним интерес. «Аристократки» свободно передвигались по территории завода и поселка.

Валерий Еремин

Фрау родом из лагеря

Через 50 лет на Урал приехали немецкие женщины, интернированные сюда во время Великой Отечественной войны

Со школьной скамьи нам известно, что во время Великой Отечественной войны немцы угоняли на работу в Германию тысячи мирных жителей из нашей страны. Однако ни в школе, ни в других учебных заведениях нам не говорили, что, в свою очередь, советское государство, вступив войсками на территорию Германии, интернировало тысячи немецких девушек и женщин для тяжелой работы в Союзе.

Честно говоря, я узнал об этом случайно: недавно вместе с ребятами из Потсдамской гимназии имени Лейбница, уже несколько лет сотрудничающей с миасской школой № 26, прилетела группа пожилых немцев: двое мужчин - бывшие военнопленные и три женщины, некогда интернированные и отправленные на Южный Урал. Вместе с ними приехала дочь одной из этих женщин, родившаяся в 1947 году в Карабаше, в лагере для военнопленных, и журналисты Второго немецкого телевидения, снимающие фильм на эту тему, до сих пор закрытую для широкой общественности.

С Виктором Бройером, в третий раз посетившим Миасс, где он когда-то работал на автозаводе в числе пленных немецких

солдат, случилась беда: с инсультом попал в больницу, после чего немедленно был отправлен домой. Остальные гости съездили из Миасса в Копейск, Коркино, Карабаш и Аргаяшский район, где пятьдесят с лишним лет назад принудительно работали в шахтах и на полях.

Я встретился и поговорил с ними. Понять друг друга нам помогла Мария Осиповна Райзинг, председатель Миасского городского объединения немцев «Возрождение». Довольно раскованные, обаятельные, жизнерадостные фрау охотно отвечали на вопросы, надеясь, что российская пресса, наконец, напишет о замалчиваемых у нас сторонах войны.

Ельга Бергау:

- Войдя в наш город, советские солдаты без особого разбора забирали девушек и женщин от 16 до 30 лет, садили в машины и увозили на железнодорожную станцию. Потом нас везли в поезде, в вагонах для скота, где было душно от неимоверной тесноты, сыро, грязно. Кормили очень плохо, насиловали и издевались над нами. Наш эшелон, в котором было около двух тысяч интернированных, выгрузили в Челябин-

ске, откуда одних направили работать в угольные шахты, других - на металлургические предприятия, третьих - на рудники. Я попала в Копейск. Жила вместе с другими в специальном лагере для интернированных. Здесь отношение было нормальное: никто нас не трогал. Работали в шахтах вместе с русскими, в том числе женщинами, только нормы у нас были другие и кормили нас скудно. В лагере то и дело умирали: от тифа, дизентерии, просто от голода. Потом нас перевезли в Карабаш работать на медном руднике. Жили в лагере вместе с пленными солдатами. Тут больше было порядка и свободы. А главное - лучше питание. Нас кормили кашами, супами с капустой, нередко давали рыбу. Тут многие из нас нашли своих будущих мужей. Вернулись на родину в 1949 году, проработав в Советском Союзе четыре с половиной года.

Ганс Виманн:

- Я был бригадиром у этих женщин. Их заставляли выгружать из вагонов лес для шахты, вывозить поднятую наверх землю тачками, загружать и толкать вагонетки. Очень тяжелая работа. Причем устанавливались высокие нормы, за невыполнение которых урезали хлебный паек. Я, как мог, старался смягчить условия работы женщин, и они это хорошо помнят. Мужчины жалели их, но мало что могли сделать, имея свои завышенные нормы.

Гешель Вальтраут:

- Когда родилась Карин, она сразу стала любимицей всего лагеря. Подневольные рабочие поднимались из шахты, и я, работавшая после рождения дочери медсестрой, выходила встречать их с ребенком на руках. Это здорово поднимало их настроение. Муж мой вернулся в Германию позже нас с Карин, его отправили после Карабаша работать в Воркуту.

Карин Момзень преподает в школе. Она очень рада, что приехала в Россию. В ее заграничном паспорте в графе для места рождения записано: Карабаш, Урал.

- Вот и увидела место, где родилась, куда стремилась попасть с тех самых пор, как впервые услышала рассказ матери про свою тяжелую молодость, - говорит она. -

На месте лагеря сейчас пустырь. Очень бедный город, хотя стоит на богатой рудами и драгоценными металлами земле.

Но в целом впечатление от посещения Карабаша у немцев хорошее. Они встретились и обменялись сердечными приветствиями со старожилками, которые помнят работавших у них немцев. Была устроена теплая встреча в городской администрации, глубоко тронувшая гостей.

Встречи с пожилыми жителями, помнящими интернированных немецких женщин, прошли также в Копейске и Коркино. Немцы съездили и в Аргаяшский район, где одна из этих женщин, Элигарт Кребс-Пахали, искала свою бывшую бригадиршу из русских. Хотела обнять и поблагодарить за доброе, сестринское отношение в те тяжелые годы.

Еще мои собеседницы попросили поблагодарить через газету руководителя совместного российско-германского предприятия «Лига» Андрея Рязанова, помогшего им совершить эту поездку. Разрешения на нее пришлось добиваться в российском Министерстве иностранных дел.

Ингеборг Якобс, режиссер Второго немецкого телевидения:

- Как тележурналист я не первый год работаю в России. Сейчас собираю материал об интернированных немецких женщинах. Сделали с оператором съемки в Копейске, Коркино, Карабаше. Тема до сих пор в России закрыта. Если о военнопленных можно получить в российских архивах практически любой документ, об интернированных - ничего. Как будто их не было, хотя, только по собранным мною сведениям, таких насчитывается более 200 тысяч. Они использовались на тяжелых работах на Урале, в Сибири, других районах вашей страны. Многие умерли там от голода и страшных болезней.

Они приехали на Южный Урал освободить душу от груза тяжелых воспоминаний, увидев другую Россию и другое к ним, немцам, отношение. С неподдельной искренностью говорят, что не держат обиды на русских, очень признательны за радушие и содействие в их миссии.

И праху павших поклониться

Неправда, что газеты живут один день. Напомню читателям о двух публикациях, напечатанных в «Копейском рабочем» 20 февраля 2004 года («Жизнь в жанре приключений солдата Швейка») и 19 мая 1999 года («Хотят ли пленные войны?»).

Позже поясню, какая между ними связь. А пока изложу текст ксерокопии акта, написанного 17 января 1946 года: «Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт о том, что сего числа произвели захоронение интернированной Литдке Кристель Фриц, по национальности немки германского подданства, умершей в городской больнице Копейска. Труп захоронен на площадке шахты № 204». Акт подписали начальник штаба лейтенант Максимов, начальник по материальной части младший лейтенант Павленко и командир роты младший лейтенант Андрейченко.

Это один из документов учетного дела на интернированную Кристель Литдке. Есть опросный лист, свидетельство о смерти и акт. И есть учетное дело Иды Адольф Литдке – мамы Кристель. Это ксерокопии документов из архива № 0/59551 главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР. Под грифом «Совершенно секретно» чернеет оттиск печати «Рассекречено».

Сейчас поясню, как на редакционном столе появились эти документы. В Копейск приехал мой старый приятель, в прошлом талантливый учитель физики школы № 24 Петр Михайлович Шифельбайн. Вот уже 15 лет он живет с семьей на родине предков в Германии (публикация «Жизнь в жанре приключений солдата Швейка»). Но приехал не один, а с другом, 39-летним немецким инженером-автоэкспертом, чье имя – Бьёрн Литдке. Сразу по приезду они с головой окунулись в поиски могилы или каких-либо «следов» родной тети Бьёрна – Кристель Литдке. Время неумолимо. Племянник Бьёрн прожил в два с лишним раза дольше, чем успела прожить его тетя Кристель. Как-то странно называть ее «тетей». С фотогра-

фии, которую Бьёрн привез с собой, смотрит юная девушка, едва переступившая порог совершеннолетия. Снимок черно-белый, но в графе «словесный портрет» есть отметки: рост – средний, цвет волос – русый, лицо – овальное, глаза – синие. Такой была немецкая девушка Кристель с синими глазами, которая с 1933 по 1941 годы училась в школе, а с 1941 по 1945 работала в прислугах у помещика.

Будучи интернированной, свое совершеннолетие встретила на подземной горизонте угольной шахты Урала. Неизвестно, кто больше накопал угля – советские интернированные и военнопленные на шахтах Рура или немецкие интернированные и военнопленные на шахтах Урала. Журналист Игорь Винк, написавший книгу о советских репрессированных немцах, утверждает, что в годы войны в Копейске работали 20 тысяч немцев. В своем детстве я знал нескольких бывших военнопленных немцев, женившихся в плену и не пожелавших вернуться на родину в Германию. И подруга моей жены – дочь военнопленного. Прошли годы, и они, обрусев, мало чем отличались от советских тружеников. Разве что дядя Герман, живший в домах-крышах поселка шахты № 205. Он отличался высоким баскетбольным ростом, неизменной кепкой с длинной тульей и привычкой подбирать окурки. Нагибаться при его росте было трудно, и он элегантно накалывал окурки на трость с острым шильцем на конце. Давно этих немцев нет в живых. А вот отец Бьёрна, 80-летний бюргер Хайнц жив, бодр. В прошлом унтер-офицер пятой танковой армии вермахта, он был трижды ранен, воюя под Минском, Ковелем, в Восточной Пруссии. Остался живым, попав в плен к нашим союзникам-американцам. Его мать Ида Адольф после смерти дочери тяжело болела, но копейские врачи спасли ей жизнь. Похоронив на чужбине дочку, она не теряла надежды встретиться с мужем, двумя сыновьями и 15 июля 1947 года ее дело было «закончено в связи с отправкой

на родину». Бьёрн сказал, что бабушка Ида, прожив 80 лет, умерла в 1986 году.

Гости Копейска Бьёрн Литдке и Петр Шифельбайн вели поиск могилы Кристель в режиме жесткой экономии времени, поскольку Бьёрну дали в фирме только две недели отпуска. Предпринимая попытки что-либо разузнать о местонахождении могилы Кристель, они посетили больничный и городской архивы, кладбища, бюро технической инвентаризации, администрацию города, поселки бывших шахт № 201 и 204, редакцию газеты. В поселке шахты № 204 побеседовали с шахтером-пенсионером Александром Давыдовичем Вайнбергером. Ему сейчас 85 лет, в войну работал в забоях шахты № 204, бригадирствуя над интернированными немцами. «При норме 3,5 тонны угля в смену они всегда ее выполняли, - вспоминает старый шахтер.- Отлично работали девчата, получая в сутки по 600 граммов хлеба и чашку супа». Но тетушку Иду и ее дочь Кристель старый Вайнбергер не помнит. Но точно знает, что в акт захоронения вкралась ошибка. «В районе промплощадки нашей шахты № 204 захоронений не было. Всех немцев хоронили на городском кладбище и неподалеку от кладбища поселка шахты № 201», - сказал он и попросил Бьёрна передать привет бывшим узникам копейских шахт. Вдруг кто-нибудь вспомнит молодого и крепкого Сашу Вайнбергера.

Пожалуй, больше всего Бьёрну и Петру повезло в редакции «Копейского рабочего». В музее газеты, прилежно полистав подшивку за 1999 год, они нашли публикацию «Хотят ли пленные войны?» Речь в ней шла об исследованиях представителя международной ассоциации «Военные мемориалы» в Уральском регионе профессора В. Мотревича, приезжавшего в наш город. В одном из своих писем к главе города Михаилу Конареву профессор изложил просьбу об оказании помощи в подготовке документации и предоставлении в постоянное пользование земельного участка под обустройство кладбища иностранных военнопленных. В той давней уже публикации бывший председатель комитета по земельным ресурсам и землеустройству Владимир Шелехов так комментировал ситуацию: «В

Копейске известны два таких участка – на центральном кладбище в районе поселка Горняк и на кладбище в районе шахты «Центральной». По просьбе ассоциации мы завершили оформление этих старых и, в общем-то забытых мест захоронений в бессрочное и бесплатное пользование. Не берусь судить о численности похороненных военнопленных, но в одном из писем профессор Мотревич упоминает о 272-х захоронениях только в районе шахты».

Да, профессор приезжал в Копейск и лично обследовал этот участок. В протоколе обследования есть запись: «Кладбище расположено севернее поселка шахты «Центральной», рядом с гражданским кладбищем. В настоящее время на месте кладбища огороды и пустырь». К публикации прилагалась схема местности. Лично меня смущает одно обстоятельство. В графе о состоянии захоронений подчеркнута фраза: «сохранились полностью». Что имел в виду профессор? Время давно стерло могильные холмики. В Германии, и я видел это своими глазами, места захоронений наших соотечественников, похоже, никогда и не забывались. Многие могилы с именами и датами находятся в комплексе гражданских кладбищ. Все они ухожены, конкретизированы, находятся в идеальном состоянии. Говорят, таковые сейчас есть и в России. Недавно, например, прочитал в одной из центральных газет о величественном мемориале павших на поле боя венграм, сооруженном в Воронежской области. Он, кстати, сравнивается с мемориалом нашим воинам. Вод Воронежем погибло 600 тысяч советских солдат и офицеров, но наш мемориал во всем проигрывает венгерскому.

Можно задаться вопросом: зачем это надо? Прошло много лет, пора бы все забыть! Но зачем тогда принимаются правительственные соглашения между главными «инициаторами» войны Россией и Германией, а также постановления Правительства РФ, в частности, «О подписании соглашения между Правительством России и Германией об уходе за военными могилами в Российской Федерации и Федеративной республике Германии» и «О мерах по реализации межправительственных соглаше-

ний об обеспечении сохранности и порядка содержания российских (советских) воинских захоронений за рубежом и иностранных захоронений в Российской Федерации». На эту же тему принималось постановление губернатора Челябинской области.

Память нетленна. Это надо не мертвым, это надо живым. И ни годы, ни рас-

стояния не послужат преградой человеческой памяти.

Главное впечатление инженера из Германии Бьёрна Литдке – гостеприимство копейчан, их готовность помочь в поисках могилы девушки с синими глазами по имени Кристель. Время не сохранило могилу, но с места захоронения Бьёрн увез на родину горсть уральской земли.

Виктор Чигинцев

Поиск привел в Копейск

Провинциальный сюжет

По электронной почте пришло сообщение из Германии. Недавний гость Копейска, инженер-автоэксперт Бьёрн Литдке («Праху павших поклониться», публикация от 24 мая 2006 г.) сообщил, что благополучно вернулся домой на родину, и приступил к работе. Тешит себя надеждой, что на зимние каникулы снова приедет в Копейск.

Чем понравился Бьёрну провинциальный шахтерский город, где в далеком 1945 году была предана земле его родная, интернированная на Урал, тетя Кристель Литдке? И было тете всего 18 лет. Ответ один: город понравился радушием, гостеприимством, отзывчивостью и состраданием его жителей к чужой боли.

В своем послании Бьёрн сообщил, что в Германии, вернувшись из Копейска, ему удалось через газету «Восточно-Прусский лист» получить снимок шахты № 204. Этот снимок он так и не смог отыскать в Копейске и сейчас обещает прислать его в редакцию «Копейского рабочего». Ведя поиск места захоронения своей тети, синеглазой девушки Кристель Бьёрн с другом Петром Шифельбайном побывали в бюро технической инвентаризации и узнали адрес барака, где в войну жили тетя с бабушкой, фрау Идой Литдке. Барак в поселке 20-й шахты, обветшав за прошедшие десятилетия, еще стоит, но его жители ничего не помнят об интернированных немецких женщинах. Друзья побывали в архиве шах-

ты «Центральной», в комитете архитектуры, где им показали старую карту Копейска. Посетили горбольницу, музей ФСБ, администрацию, где пообщались с главой округа Михаилом Конаревым. Особую признательность Бьёрн выразил журналистам «Копейского рабочего». Бьёрн лично отыскал в подшивке газеты за 1999 год, в номере от 19 мая, публикацию «Хотят ли пленные войны?» К публикации прилагалась схема захоронения военнопленных и интернированных немцев поблизости от кладбища поселка 201-й шахты.

Наконец, Бьёрн побывал на предположительном месте захоронения своей тети Кристель. Сюда по узкой кладбищенской дороге его привез директор МКП «Ритуальные услуги» Александр Лейкер. Он и показал место захоронения. К сожалению, родного холмика на русской земле Бьёрн так и не увидел, возложив цветы, опоясанные ленточками с надписями на родном языке, на свободном пятачке земли. «Если все получится, - сказал Бьёрн, - приеду 17 января 2007 года на 60-летие тетушки Кристель». Вернувшись домой, Бьёрн Литдке выступил по местному телевидению, тепло отозвавшись о Южном Урале, о Копейске, выразив сердечную благодарность всем копейчанам, кто помогал в поиске. На родину он привез видеофильм о достопримечательностях Копейска и с удовольствием показывает его родным и друзьям.

Послесловие

Мне пришлось уже в наше время встретиться с немецкими ветеранами, которые были в плену в СССР. Я понимаю, что любой плен не сахар. Но меня встречи с этими ветеранами потрясли. В первую очередь, тем чувством любви и уважения, которые они испытывают к советскому народу. И второе, огромной жаждой добиться дружбы между немецким и российским народами.

Среди этих героев, наш испытанный и искренний друг Зигфрид Бургмайстер, который описал свою историю в книге «Жизнь между заблуждениями и надеждой». Он проделал непростой путь от воспитанника гитлерюгенд до борца за мир и дружбу между народами.

Зигфрид один из активистов германского Общества помощи ветеранам войны в России из Дрездена, которое на протяжении десяти лет оказывало огромную гуманитарную помощь российским ветеранам. Именно в плену у него произошел психологический переворот, и он навсегда стал другом СССР и России.

6. Историческое примирение

История взаимоотношений России и Германии имеет немало ярких страниц. Трагедии двух мировых войн вбили между нами огромный клин, который до сих пор мешает нашим народам, особенно в России, по-другому взглянуть на бывшего соперника и врага.

Но логика жизни пробивает себе дорогу и очищает ее от исторических завалов. Наш край вносит в этот процесс огромный, не побоюсь высоких слов, исторический вклад. Именно в Челябинске состоялась первая встреча немецких и российских ветеранов Второй мировой войны, которые заявили: помним прошлое и в будущее шагаем вместе.

Сделать этот шаг нашим ветеранам было непросто. Каждую годовщину Победы мы ветеранов «загоняем в окопы», чтобы они, в первую очередь, вспомнили сколько немцев убили. Нас не интересует как ветераны прожили послевоенное время, какой вывод из войны для себя сделали и каким видят послевоенное устройство мира.

Но народная дипломатия действует, и мы находим дорогу друг к другу.

Виктор Максимов

Впервые в истории

Наша работа приобрела большой размах. Самое важное, что она ставила перед собой цель не только решить материальные проблемы госпиталей: привезти медикаменты, продукты, одежду. Главное, что во время этого процесса изменялась психология участников, как с немецкой, так и с российской стороны — каждый понимал, что это сотрудничество должно прийти к более тесному взаимодействию и даже к современному переосмыслению итогов второй мировой войны. Но каждый варился в собственном соку: работали в своих странах. Не было личного контакта, а мне хотелось добиться наиважнейшей цели — исторического примирения народов и особенно сре-

ди тех, кто более 60 лет назад смотрел друг на друга через прицел автомата.

Для этого уже созревали хорошие условия. Первоначальное недоверие исчезло в результате совместного участия в гуманитарной акции помощи ветеранам войны в России, организованной германским Обществом с привлечением немецких ветеранов войны, участие в торжествах по случаю Дня Победы и дня окончания второй мировой войны и, естественно, активное общение. Информация в прессе, на телевидении и радио о гуманитарной помощи госпиталям ветеранам войны германским Обществом, вызвало широкий положительный отклик как в России, так и Германии, призна-

ние и благодарность ветеранов войны России, общественности двух стран. Все это привело меня к мысли организовать официальную встречу ветеранов войны Германии и России.

Идея была поддержана всеми членами Общества в Германии. Проведение такой встречи горячо поддержали и российские ветераны, а Совет ветеранов Челябинска предложил организовать совместную конференцию в бывшем Танкограде, в областном госпитале ветеранов войны с привлечением общественности, инициативу поддержало и правительство Челябинской области. Дата проведения совместной акции была выбрана знаменательная: 60-летия нападения фашистской Германии на Советский Союз.

В ночь с 21 на 22 июня 2001 года в аэропорту Баландино Челябинска немецких гостей встречали начальник госпиталя ветеранов войны доктор, профессор Дмитрий Альтман, председатель правления Немецкого культурного центра Александр Нахтигаль и от имени российских ветеранов – я. Гостей принял коллектив госпиталя и разместил в двухместных палатах, где, к немалому удивлению гостей, они увидели функциональные кровати с постельными принадлежностями, полученные госпиталем по гуманитарной акции от германского Общества.

Наступило 22 июня 2001 года. В 10 часов утра немецкие друзья отправляются в центр города, где начались мероприятия, посвященные 60 годовщине начала Великой Отечественной войны.

Основное действие проходило у Вечного огня, рядом с памятником воинам Уральского добровольческого танкового корпуса. Площадь, была окружена серебристыми елями, в центре. По периметру площади стояли тысячи челябинцев с цветами в руках, приглушенно звучал реквием. Объявляется минута памяти, минута молчания. Под стук камертона немецкие ветераны подошли к Вечному огню и на глазах тысяч граждан России на черный гранит возложили венки и цветы. Через 60 лет, день в день, как началась война, они встают на колени перед памятью жертв войны. Плечом к плечу вместе с немецкими солдатами

встаю на коленях и я, бывший русский солдат. Кладет цветы и склоняет голову и скорбит дочь немецкого солдата, погибшего в войне доктор Х. Дандерс.

Что было в эти минуты со мной, что я ощущал, передать не могу: только потом увидел на экране телевизора, как смахивал слезу, а у Ханса Лаубша чуть дрожал подбородок...

На какой-то момент все затихло и люди медленно стали сужать круг и приближаться к Вечному огню для возложения цветов.

Все молча покидали траурный митинг.

Конференция. В госпиталелюдно. В вестибюле, перед конференц-залом и в самом зале развернута выставка акварелей немецкого художника, профессора Адольфа Бёлиха и челябинских художников, ветеранов войны. Участники конференции, в основном, ветераны войны, многие в старой армейской униформе, при параде награды с интересом рассматривают картины. Большая, богатая палитра цветов в пейзажах Адольфа Бёлиха, красоты природы притягивают к себе, выражение лиц ветеранов становится доброжелательным и одобрительные слова звучали в адрес художника.

Заметно волнение старых солдат перед встречей со своими пусть и бывшими смертельными врагами. Как мне казалось, все были в состоянии повышенной возбужденности.

Следует сказать и о том, что немало времени было уделено на подготовку проекта совместного документа Обращения к мировой общественности с призывом прекращения войн и разоружения государств в XXI веке, которое должна была принять конференция К моему удивлению уже перед началом конференции текст Обращения я увидел в руках участников конференции. Совет ветеранов Челябинска размножил текст и до начала конференцией вручил его ветеранам и представителям общественности.

Зал был заполнен до отказа: часть сотрудников госпиталя и некоторые ветераны стоят у входа в зал и в проходах. В президиуме председатель совета ветеранов Челябинска Евгений Куракин, начальник госпиталя Дмитрий Альтман, председатель прав-

ления Немецкого культурного центра Александр Нахтигаль, немецкие друзья: Уве Лааш, Рольф Леманн.

Евгений Куракин объявил открытие конференции, приветствовал гостей из Германии, рассказал о трагедии народов Европы, которая произошла 60-лет назад и он отметил особую роль ветеранов России и Германии в этот трагический день, которые должны заявить о том, что такая трагедия не должна повториться .

С докладом выступил профессор, доктор, генерал Рольф Леманн. Он дал на русском языке развернутый анализ и объективную оценку причин и условий возникновения Второй войны, обратил особое внимание на политику властей государств в послевоенное время и выразил большую тревогу за непрерывную гонку вооружений. Он подчеркнул необходимость объединения миролюбивых сил всех стран в противостоянии политики войны и это должно стать непреложным фактором общественной жизни всех государств.

Ветеранов волновали не только проблемы войны и мира, но они говорили о том, что давно надо было собрать ветеранов России и Германии и провести такую конференцию. Особый упрек прозвучал в адрес властей: почему молчат руководители государств, которые в первую очередь отвечают за то, чтобы между народами формировалась доброжелательная атмосфера.

Эмоциональным прозвучал голос представителя общества «Дети погибших воинов» о трагедии сирот, погибших солдат в войне. Она требовала принять меры для того, чтобы больше никогда не повторилась судьба миллионов детей прошлой войны.

Мнение участников конференции после каждого выступления было единым - принять обращение.

Меня не удивляло, что наши российские ветераны не сказали ни одного слова упрека в адрес немецких солдат за участие в прошлой войне. Обвинения были адресованы вождям фашистской Германии и в адрес властей других стран, развязывающих войны. Все отмечали, что солдат в любой войне, ее первая жертва, орудие в руках власти.

Время и жизнь поставили все события прошлой войны на свои места, определили и виновников любой войны - это власть!

После конференции я видел как нелегко расставались ветераны, но расставались друзьями. Человек в человеке узнал брата, брата по несчастью, породненного войной. Расставались старики удовлетворенными встречами, как будто они проснулись после кошмарного сна, длившегося почти всю жизнь.

Теплая беседа продолжилась на торжественном обеде, который организовал коллектив госпиталя с фронтовыми стаграммами. В непринужденной обстановке сердца и души старых солдат, как ворота и двери, распахнулись настежь, было полное доверие друг к другу и была полная откровенность. Ветераны не скрывали своих чувств и мыслей. Они особенно подчеркивали те надежды, которые могут быть воплощены в жизнь при совместной работе российских и немецких народов. Обо всем, как говорят, это накопело, они говорили спокойно, без лишних эмоций.

Я прекрасно понимал, что это был разговор друзей, связанных одной судьбой, разговор о том, что волновало старых солдат, и россиян, и немцев. Все приходило в конце концов к поиску ответа на главный вопрос: как добиться прекращения убийства людей, как остановить войны, какими путями идти к миру и как исключить войны из жизни народов.

Мне кажется, ветераны затрагивали вопросы, которые касались действительно актуальных проблем настоящего дня — гонка вооружений и то, что накоплено огромное количество ядерного оружия. Они были критичны и в свой адрес: проповедовали по-старинке, воспитывая молодежь в духе патриотизма, и мало рассказывали о необходимости борьбы за мир, против войн и насилия.

И все же больше было слов о дружбе. И за дружбу поднимали бокалы, причем «за нашу дружбу»!

- Спасибо вам, что вы сделали первый шаг, что приехали, - эти слова произнесла фронтовичка, в недалеком прошлом партийный работник Таисья Тихоплав, которая шла на конференцию с осторожностью, и

думала: «Что еще немцы могут нам сказать?» Но искренность и открытость немецких друзей ее потрясла и «разоружила».

Она же, обращаясь к немецким гостям, подвела главный итог конференции:

- ...Вряд ли теперь мы сможем жить дальше без нашей дружбы...

Таисья Тихоплав поблагодарила Общество за оказание гуманитарной помощи госпиталю, ветеранам и подчеркнула:

- Вы этим продлеваете нам жизнь!

Еще много слов благодарности было сказано в адрес германского Общества, в адрес немцев и, особенно за дареные медикаментов высокого, европейского качества.

Итог встречи был, по моему убеждению, старому солдату, историческим событием: под одобрительные возгласы и аплодисменты присутствующих, старых и молодых, российский ветеран войны Таисья Тихоплав и немецкий солдат Хельмут Петерсшаин подняли бокалы и выпили на брудершафт.

Бывшие враги сделали выбор.

Через 60 лет после окончания самой кровопролитной войны в истории человечества старые солдаты, ее участники, подвели итоги и выразили свое понимание прошлой войны и сказали свое последнее слово — войнам не быть.

На следующий день делегация посетила кладбища и возложила цветы на могилы российских и немецких солдат, захоронен-

ных на Урале, побывала и встретила с пациентами госпиталя ветеранов войны, престарелыми людьми и инвалидами в домах интернатах. И всегда при встречах наших граждан с немецкими ветеранами атмосфера была доброжелательной и уважительной.

Встреча с российской молодежью в начале вызывала удивление: как это видеть и общаться с бывшими немецкими солдатами Второй мировой войны, возникала масса вопросов. В итоге сама такие встречи признавались не только интересными, но и полезными. Во всех случаях молодежь с интересом общалась и поддерживала принятое на конференции Обращение.

Делегацию принимали и члены Немецкого культурного центра. Гостей познакомили с историей российских немцев, они возложили цветы к мемориалу трудармейцев, в годы войны строителей Челябинского металлургического завода.

Накануне отъезда делегации в г. Екатеринбург, состоялась встреча с медперсоналом госпиталя. Мы обменялись мнением о дальнейшей совместной организации гуманитарной помощи ветеранам войны и госпиталю. От имени коллектива госпиталя Дмитрий Альтман поблагодарил немцев за помощь. Ханна Дандерс поблагодарила российских друзей за гостеприимство.

Александр Нахтигаль

Мост дружбы

Отношения между Россией и Германией всегда были особенными. Долгое время Русь с германскими княжествами связывала тесная дружба, к нам приезжали сотни тысяч саксонцев, баварцев, швабов, шла активная торговля, бывало, немцы и русичи объединялись, воевали плечо к плечу против общего врага. Но с возникновением единого германского государства две мировые войны фактически разделили нас. Они перечеркнули в общественном сознании все то хорошее, что накопили наши предки.

Задача нынешнего поколения немцев и россиян восстановить былое сотрудничество и дружбу, преодолеть исторические завалы и сделать все, чтобы впредь их не допускать. Путь этот непростой, но его надо пройти.

Так уж исторически получалось, но Челябинск никогда не был включен ни в процесс разобщения, ни в процесс объединения. Историческое примирение народов происходило на государственном уровне, а делегациями обменивались другие регионы, но не Челябинская область. Перелом наступил в 2001 году. В год 60-летия нача-

ла Великой Отечественной войны в Челябинск приехала делегация Общества помощи ветеранам войны в России из Дрездена (и такая организация есть в Германии). Эта небольшая, но очень активная организация к тому времени уже 10 лет отправляла гуманитарные грузы в учреждения Свердловской и Челябинской области. Всего от них поступило 55 железнодорожных контейнеров, 30 автофур и грузовиков общей стоимостью семь миллионов евро.

По всей Саксонии организация ищет и объединяет людей, которые готовы сотрудничать с Россией и помогать российским ветеранам. Возглавляют Общество люди замечательные и удивительные. Первый председатель – доктор Йоахим Зюс, бывший преподаватель русского языка университета, который лишился работы после объединения Западной и Восточной Германии. Новой власти оказались не нужны такие специалисты. А у доктора Зюса в квартире до сих пор на книжной полке стоят книги русских и советских авторов на русском и немецком языках, и сейчас к нему приходят его бывшие студенты, которых он в свое время возил в летние языковые лагеря в Советский Союз.

Второй председатель – Виктор Максимов, россиянин, несколько лет назад уехавший на постоянное место жительства в Германию. Он сейчас проживает в Дрездене. Виктор Сергеевич прошел всю Великую Отечественную войну и теперь вместе с немецкими ветеранами работает для того, чтобы облегчить жизнь нашим пенсионерам.

Душой организации является доктор Ханнелоре Дандерс. Она - бывший преподаватель русского языка. Ее отец погиб во Второй мировой войне, но мнение о России у Ханнелоре складывалось не из официальных релизов, а из общения с рядовыми советскими людьми, которые служили и жили в Германии. Именно из их рассказов она узнала и даже полюбила нашу страну. Именно эта любовь дает ей силы активно работать и помогать российским ветеранам.

Немецкое Общество помощи ветеранам войны в России уникально. У каждого ее члена своя история, которая привела в организацию. Некоторые из них в годы войны

были военнопленными, других спасли от голодной смерти советские солдаты, у третьих русские корни и войну между нашими государствами он воспринял как противоестественную. Но сейчас все они объединены одной целью – прошлое не должно повториться и наши страны должны объединять только дружба.

9 мая 2001 года члены Общества, преклонив колени, возложили цветы к Вечному огню в Челябинске и организовали совместно с нашими ветеранами конференцию, на которой выступили под лозунгом «В XXI век без войн и оружия». Воспоминания приехавших немцев, их искренность и открытость поразили наших ветеранов, многие из которых не были готовы к такому разговору. Так был проложен путь к взаимопониманию, лед недоверия растаял. И тогда члены Общества пообещали, что в год 60-летия Победы они пригласят делегацию наших ветеранов в Дрезден, а позже проведут в Челябинске конференцию, на которой будет принято обращение к народам и правительствам Европы, призывающих строить международные отношения без войн и конфликтов.

Свое обещание немецкие товарищи выполнили. В марте этого года в Дрездене побывала делегация в составе участников Великой Отечественной войны Леонида Устиновича Чернышева и Михаила Семеновича Гавриленко, который, кстати, освободил и после войны служил в Дрездене, руководителя областного Немецкого культурного центра.

Нам удалось познакомиться с многогранной деятельностью Общества, с его активистами, партнерами и друзьями. Поразили места захоронений советских солдат и военнопленных. Мы посетили мемориальный комплекс Лесное кладбище, где захоронены антифашисты, дрезденцы, погибшие в американскую и английскую бомбардировку 1945 года. Потряс памятник погибшим в концлагерях. Он кажется очень простым – прямо на асфальте, у вас под ногами, лежат «тела» погибших, покрытые саваном. Такое ощущение, что под покрывалом действительно лежат люди.

В 60 километрах от Дрездена находится захоронение Цайтхайн, где покоятся 35 ты-

сяч советских, польских и итальянских военнопленных. Здесь ветераны двух стран посадили яблоньку. Рядом с захоронением построен мемориальный комплекс. Он включает в себя барак (в подобных содержались военнопленные), их личные вещи, а также фотографии. Штатные сотрудники мемориала и сейчас занимаются поисками фамилий наших солдат, которые захоронены в Цайтхайне.

Не только большие комплексы захоронений советских солдат находятся в идеальном порядке. Рядом с Дрезденом расположен небольшой городок Хейденау. Мы побывали на его городском кладбище, где находятся индивидуальные захоронения. И здесь за ними заботливо ухаживают. На этом кладбище мы побывали вместе с членами Партии демократического социализма, бывшей гэдэровской Социалистической единой партией Германии. Надо отметить, что бургомистр Хейденау Михаэль Якобс сам христианский демократ активно сотрудничает с Партией демократического социализма, которая в Саксонии является мощной политической силой, и поддерживает деятельность Общества помощи ветеранам войны в России.

Наталья Нахтигаль

Работа во имя мира

Работа, отдых и возможность посмотреть мир – это... Это вам не Америка и не Англия с программами «Work and travel», это старая добрая Европа! Ты можешь рискнуть и поехать почти на месяц в Германию в национальный международный молодежный лагерь. Минус только в том, что ты не сможешь там заработать денег себе на светлое будущее. Но это не должно тебя останавливать! Потому что, во-первых, потратиться тебе придется только на дорогу и заплатить взнос в 25 евро. Во-вторых, ты сможешь познакомиться с ребятами из других стран, улучшить свой немецкий, английский, украинский или итальянский и хорошо провести свободное время, путешествуя по главным историческим реликвиям Германии и других близлежащих стран. Сегодня это реально. Такая возможность, конечно, дается не каждому. И если она тебе подвернулась – не упускай ее.

«Народный Союз Германии»

Ежегодно во всей Германии проводится несколько десятков таких лагерей. И

С бургомистром и руководителями департаментов у нас состоялась встреча, на которой мы обменялись мнениями о путях сотрудничества наших стран, о преодолении недоверия.

Борьба с правым экстремизмом остается для Германии актуальной проблемой. Это мы почувствовали на встрече с антифашистами в Дрезденском техническом университете. В годы фашизма здесь располагалась тюрьма, в закрытом дворе которой была установлена гильотина. С ее помощью были казнены более 2000 военнопленных. Сейчас об этом времени напоминает мемориальный памятник и камеры узников, которые оставили как напоминание о тех страшных годах.

...Встречи в Германии позволили нам понять, что стремление жить в дружбе с народами России является искренним стремлением немецкого народа, но бороться за мир нужно вместе. Это подтвердил ответный визит делегации из Дрездена в апреле 2005 года. Мы провели совместную конференцию, посвященную 60-летию Победы, приняли обращение к народам и правительствам Европы. Мнение российских и немецких ветеранов едино – мы должны жить в мире, без войн и оружия.

работают они под девизом «Примирение над могилами – работа во имя мира». Основная задача участников - выезжать к местам военных захоронений и ухаживать за

солдатскими могилами. Главным организатором таких международных молодежных лагерей является гуманитарная общественная организация «Народный Союз Германии по уходу за военными могилами». Именно этот союз собирает молодых людей из разных стран: Италии, Англии, Украины, Германии, Польши, Белоруссии, Молдовы и, конечно, России. Финансовую помощь русским оказывает Фонд западно-восточных отношений Берлина. Этот фонд выделяет деньги на частичную материальную компенсацию приехавшим россиянам.

Народный союз был основан 16 декабря 1919 года, сразу после Первой мировой войны. В 1933 году, когда нацисты пришли к власти, он был распущен. Свою гуманитарную деятельность он смог восстановить только в 1946 году.

Что сделано Народным Союзом за это время? Главное, в Германии удалось благоустроить более 400 военных кладбищ. А еще в далеком 1954 году правительство ФРГ возложило на Народный Союз обязанности по поиску немецких военных захоронений за рубежом, их сохранению и уходу за ними. На сегодняшний день под опекой Союза находится более 800 военных кладбищ в 45 странах мира. С 1990 года стало возможным искать и обустривать захоронения и на территории России. Многие из них оказались разрушенными и разграбленными, многие застроенными. Тем не менее, за последние годы удалось восстановить более 300 кладбищ Второй мировой войны. Около полумиллиона погибших перезахоронено.

Национальное лицо лагеря

В 2008 году «Народный Союз Германии по уходу за военными могилами» собрал в одном из своих лагерей возле Дрездена всех братьев славян. Так получилось, что приехали в основном ребята русскоговорящие – жители Белоруссии, Украины, Молдовы и России. Были, конечно, немцы, поляки. Была даже одна англичанка. Но жители бывшего СССР, впрочем, как всегда, оказались самыми шумными, самыми веселыми, инициативными и вечно всех удивляли. Было видно, что в нас течет не европейская кровь! Мы менее сдержаны и

спокойны. В нас больше эмоций, и льются они через край.

Одним словом, мы были разными во всем... Мы и уплетали всегда все с хлебом, даже макароны, ели много мяса, которого нам всегда не хватало. И только мы – русские, украинцы и белорусы мечтали в богатой и сытой Германии о борще с домашней сметанкой, о блинчиках и пельменях.

Наш лагерь расположился в пригороде Гёрлитца, маленького немецкого городка, который расположился на востоке федеральной земли Саксонии. Сам город удивителен тем, что состоит как бы из двух частей: немецкий Гёрлитц (Görlitz) и польский Сгёржеlec (Zgorzelec). Разделяет их река Найсе.

Жили мы на окраине немецкого города, в пяти минутах от польско-немецкой границы, в огромном спортивном комплексе. Спали прямо с огромных спортзалов: мальчики – в зале для борьбы, а девочки – в волейбольном. В душевых вместо кранов – кнопки. И кто попал в страну впервые, то помучился. Сначала не знали, как воду открыть, потом все промокли, когда случайно ее нажали. Впрочем, освоились быстро.

Языком общения, как ни странно, стал русский. Немцев всего было пятеро. Одна англичанка погоды не делала. Три польки вели себя скромно и тихо. Оставались мы – славяне. А что объединяет нас – русский язык. Потому на нем и говорили. Ну а с немцами на английском. Так что понимали друг друга неплохо.

Впрочем, было исключение. Эн. Девочка из Германии. Эн – производная от Анна. Но дома звали ее так. А когда мы познакомились, узнали, что она любит русский язык, ходит везде с русско-немецким разговорником и пытается изъясняться по-русски. Пока получалось плохо. Но мы тут же стали звать ее на русский манер Аней, и она с радостью откликалась.

Наш пожилой повар тоже говорил по-русски. Причем, знал он его со школы. Трудно поверить, что в послевоенные годы в Германии в школах немцам преподавали русский язык. Но, так или иначе, он был рад вспомнить уроки и поговорить на знакомом языке. Тем более в России бывал не раз. Так что получилось, что не мы получа-

ли практику немецкого в Германии, а окружающие нас люди были рады поговорить на русском с нами. И нам было приятно.

Arbeit по-стахановски

Работали мы на территории бывшего военного лагеря, который располагался в польском городе Сгёржеце. Именно там во времена Второй мировой войны находился лагерь «Stalag VIIa», в котором жили немецкие солдаты. Этот лагерь представлял собой большой военный городок, который состоял более чем из пятидесяти корпусов. В одном из таких корпусов держали военнопленных. Были среди них и русские. Умерших солдат хоронили здесь же – на территории лагеря.

Сейчас от «Stalag VIIa» практически ничего не осталось. Все разрушилось и заросло кустарниками и деревьями. Сохранился только мемориальный комплекс, установленный на братских могилах после войны. Но прошло уже много лет. И этот мемориал перестал быть местом, где собираются люди, чтобы почтить память жертв войны. Нам предоставили возможность потрудиться и вернуть мемориал к жизни.

Нас поделили на две группы. Пыльная, кропотливая, познавательная работа была на раскопках. Ребята вместе с археологами, которые знают историю этого места, снимали около пятнадцати сантиметров грунта. Под небольшим слоем земли наши «археологи» увидели хорошо сохранившийся пол, печную кладку бывшего здания театра. Просеивая землю этого участка, наши ребята смогли найти советскую и немецкую монеты, кусочек солдатского металлического жетона, пуговицу с военного мундира и множество фрагментов кафельной плитки.

Тяжелая, изматывающая работа ждала другую группу на самом мемориале. Необходимо было почистить памятник, бордюр и плитку от мха, спилить и вырубить деревья и кустарники, покрасить забор, собрать мусор и снять дерн с главной аллеи. Ничего особенного, скажите вы. Но пот с нас бежал ручьем и за обедом мы ели за троих.

Впрочем, мы старались сделать так, чтобы времени хватало на все. Для этого мы в сжатые сроки, не щадя сил, работали на объекте, сдавали его, а потом спокойно

путешествовали по Германии. Немцы, конечно, пунктуальны и щепетильны в деловых вопросах. Но надо отдать должное, никто нами не командовал, не подгонял: быстрее-быстрее. Да и сдачи объекта как такового не было. Мы просто сами прекрасно понимали, что если не доделаем, то работу за нас уже никто не выполнит. А очень хотелось показать представителям Народного Союза и бургомистрам немецкого Görlitz и польского Zgorzelec, которые были на открытии лагеря и видели предстоящий фронт работ, что мы успели сделать.

Наши труды были оценены по достоинству. Нас благодарили на трех языках – польском, немецком и английском. Впрочем, благодарили нас не только представители власти, но и простые граждане.

Будущее – это мы

К нашему историческому памятнику, где мы работали, устраивали даже «картур» (это специально организованная автомобильная экскурсия). Однажды к нам приехало более двадцати машин. Более полусотни людей. Мы даже немного испугались – что это за люди и чего они хотят. Но оказалось, это гости из Польши. Специально для них наш руководитель организовал экскурсию, провел по аллее, показал им мемориальный комплекс и рассказал, что это за место, чем оно памятно и почему столько лет было забыто.

Вы только представьте! Люди в свой законный выходной бросили все свои домашние дела и приехали на собственных машинах сюда, к месту, где в братской могиле похоронены несколько тысяч человек, забытых и снова найденных.

Гости засыпали нас вопросами: «Здесь похоронены ваши родственники?», «Почему вы сюда приехали?» «Почему это для вас так важно?» Им казалось странным, что мы – представители разных стран приехали так далеко и столько сил тратим здесь, пытаясь воздать должное героям страшной войны. Они удивлялись нашим ответам, узнав, что здесь не похоронены наши родные. Просто 67 лет назад Великая Отечественная война вошла в дом каждого советского человека – русского, украинца,

белоруса, молдаванина. Мы помним рассказы наших бабушек и дедушек о том страшном и тяжелом времени. Пытались донести до гостей мысль, что для всех нас счастье поучаствовать в этом благородном проекте – восстановлении забытых и заброшенных кладбищ, на которых похоронены солдаты разных стран.

Уверена, люди должны помнить о войне. Помнить о тех, кто начал эти войны и кто в них пострадал. Вне зависимости от национальности. Ведь погибших – общая могила. Земля. Она их объединяет. Ну а мы, живущие сегодня, особенно молодые при помощи таких проектов можем выразить свою антивоенную позицию и почтить память всех погибших.

Самое лучшее – время отдыха

В свободное от работы время мы не только играли в волейбол, сидели в барах, загорали на футбольном поле, купались в местной речке, сплавливались по реке с порогами, поднимались в горы Цитау, с которых открывается отличный вид на окрестные деревушки. Главное, нам удалось побывать с экскурсиями в Дрездене и Праге.

Организаторы лагеря сделали все, чтобы участники лагеря посмотрели мир. Мы побывали в ставшем нам родном немецком городе Гёрлитце, в Бауцене, свозили нас на целый день и в столицу Саксонии Дрезден. Это один из самых живописных городов Германии, его еще называют «Флоренцией на Эльбе». Дрезден был знаменит на всю Европу своей великолепной архитектурой и художественными сокровищами. Как вы помните, все изменилось в конце Второй мировой войны. Тогда ночью 13 февраля 1945 года бомбы вооруженных сил Великобритании и США обрушились на город. К утру легендарный Дрезден стал лишь воспоминанием. Прошло уже много лет. Памятники, дворцы и церкви немцам удалось восстановить. И сегодня Дрезден – это туристический центр, куда съезжаются люди со всего мира.

Самым главным сюрпризом стала для нас поездка в Прагу – один из самых красивых городов мира. Старинная и живописная, мрачная и тяжелая, готическая и сказочная, одним словом мистическая – такой нам показалась столица Чехии. Можно ча-

сами бродить по ее узким мощенным улочкам, заходить в маленькие магазинчики, торгующие сладостями и кофе, в сувенирные лавки. Достаточно купить карту города, и ты легко сориентируешься по ней и уже не заплутаешь в лабиринтах зданий.

Первый раз он трудный самый

Для многих ребят это была первая поездка за границу. Я думаю, это обстоятельство и доставило много хлопот, переживания нашим родителям: поедут, посмотрят, как живут «там» и не захотят возвращаться...

Но все оказалось гораздо проще. Некоторым ребятам не было и двадцати. Они не очень были озадачены предстоящей работой на раскопках. Их больше интересовала свобода: наличные евро, множество магазинов и масса свободного времени. Наверное, такие и не успели оценить плюсы и минусы заграничной жизни... Это и к лучшему!

Что говорить о тех, кому за двадцать? Нас приятно удивляла чистота городов, и чем они были меньше, тем в них было чище, приятно удивляла доброжелательность людей. Все кругом казалось таким интересным и забавным, например, статуи Германии. Будь то камень, лошадь с восемью ногами, животное рыба-кролик – все это «великие произведения искусства». Как видите, любое самовыражение ценят в этой стране. Порадовали нас и цены. У нас, конечно, в стране не дефицит, но все же «там» дешевле. Поэтому утешать себя сладостями, вкусностями хотелось чаще обычного. Очень странным показалось и то, что товары местного производства дешевле, чем привозные. А у нас же все одинаково дорого – не хотите покупать то, что привезли невесть откуда, тогда покупайте за те же деньги местный свежий товар (хороший слоган получился!). Главное, что всегда есть выбор – можно попробовать с этим смириться или голодать!

Еще в этой стране почему-то не хотелось выделяться. Нет, в этой стране пальцем не показывают и с ног до головы не рассматривают. Может, местные думают про нас: «понаехали тут!»... Но хотелось просто быть таким же: «Я гость, но я уважаю вашу страну и принимаю ее культу-

ру». Но не мною сказано, что хорошо там, где нас нет. А по мне: дома-то всегда лучше.

Наталья Нахтигаль

Молодежный лагерь в Магдебурге

Ежегодно в Германии проводятся международные молодежные лагеря. Трудятся в них ребята из разных стран под девизом «Примирение над могилами – работа во имя мира». Основная их задача – ухаживать за солдатскими захоронениями.

Мне посчастливилось уже второй раз стать участницей этого лагеря. С 14 по 28 июля я побывала в Магдебурге.

Национальный коктейль

Летом 2009 года в городе Магдебурге, столице земли Саксония-Анхальт, международный лагерь собрал ребят от 16 до 19 лет из десяти стран – Молдовы, Латвии, Украины, Сербии, Боснии-Герцеговины, Польши, Чехии, Англии, Германии и России. Все они свободно говорили на двух-трех иностранных языках. И все искренне рассказывали о своей стране то, о чем не пишут в газетах и не показывают по телевидению. Конечно, и мне хотелось узнать, слышал ли кто-то о нашем Челябинске. Разумеется, поначалу было трудно объяснить, что бывшие кэвээнщики Дулин и Михалыч герои «Нашей Раши», программы, которую смотрят в странах ближнего зарубежья, – не «национальные герои» Южного Урала. Что Челябинск – это миллионный город, где есть знаменитый Танкоград, металлургические комбинаты, десятки вузов, что это земля, где растут яблоки и хлеб, а медведи водятся только в лесах.

Но лагерь – это не только вечера знакомств, танцы и спортивные состязания, это, прежде всего, труд. И труд осознанный. Труд, когда ты знаешь печальную и трагическую историю мест, где тебе приходится работать.

Фон Тресков из Магдебурга

Лагерь наш располагался в Магдебурге. Для начала стоит сказать, что история города насчитывает более 1100 лет. В 17 веке ему пришлось пережить страшный пожар, а в 1945 году он был почти полностью разгромлен массированными бомбардировками союзников по антигитлеровской коали-

ции. Тем не менее, сегодня в Магдебурге можно увидеть и сохранившиеся древние памятники архитектуры – например, готический кафедральный собор 16 века, и произведения современных художников. Можно увидеть последнюю знаменитую работу австрийского архитектора и живописца Хундертвассера «Зеленая цитадель» – большой и удивительно сказочный ярко розовый дом, с уютным внутренним двориком, фонтаном, цветами и деревьями на крыше (поэтому это именно «зеленая», а не «розовая» цитадель). Все это удалось увидеть нам, участникам лагеря, во время экскурсий, которые нам устроила немецкая принимающая сторона.

Жили мы в обычной немецкой школе. Нашим домом на две недели стали кабинеты литературы, географии и биологии, в которых стояли кровати, столы и стулья. В нашем распоряжении был и большой спортивный зал. Вечером он превращался в кинозал – проектор, бум-бокс, стена-экран, а вместо мягких кресел – спортивные маты. Вот только последние ряды в нашем кинозале были не для поцелуев, а для спокойного сна. Там засыпали те, кому не нравился фильм.

Питались мы тоже в школе. Например, завтрак и ужин – шведский стол. Обед нам привозили из местного ресторанчика, но уверяю вас, что нет на свете ничего лучше маминого борща или солянки. Но немцам, которые не очень любят проводить время на кухне, наверное, этого не понять!

Были у нас дежурные, которые накрывали столы, мыли посуду, душевые комнаты

и туалеты. В общем, все, как в обычном детском лагере. Днем – работа и экскурсии, вечером – обустройство быта.

Работать нам предстояло на территории старого городского кладбища Магдебурга. Это место, скорее всего, было похоже на парк – в центре небольшая церковь и здание крематория, кругом – роскошные цветочные клумбы и величественные вековые деревья. Главное, там похоронены советские солдаты, жертвы политических репрессий, заключенные концлагерей, солдаты Первой мировой войны. Как оказалось, местные жители часто прогуливаются по тенистым аллеям этого старого кладбища.

Есть на кладбище мемориал «16 января 1945 года». Именно в этот день Магдебург бомбили английские войска, и под их снарядами погиб каждый второй житель города. Мемориал и стал нашим постоянным местом работы. Мы собирали мусор, чистили надгробные плиты, пропалывали цветники на могилах.

Однажды мы стали участниками небольшого митинга, который ежегодно проводится 20 июля. Дело в том, что именно в этот день 1944 года был приведен в действие план покушения на Адольфа Гитлера. Операция, которая называлась «Валькирия», провалилась. Группа участников заговора была арестована и расстреляна в Берлине в этот же день. Хеннинг фон Тресков – один из участников заговора, после провала операции покончил собой. А родился и вырос Тресков в Магдебурге. Именно поэтому в его честь на главной аллее центрального парка его родного города у памятного мемориала каждый год проводится митинг. После минуты молчания представители городской администрации, военные бундесвера и участники международного лагеря по традиции возлагают к монументу венки и цветы.

«Марш смерти» из Лангенштейн

В один из дней нам устроили необычную экскурсию. Скажу сразу, помимо исторических достопримечательностей городов, где нам удалось побывать, мы, прежде всего, приезжали в места, так или иначе связанные со словом «смерть». В городе Лангенштейне мы побывали в музее концентрационного лагеря «Цвиберге». Весной 1944

года в него доставили 5000 узников. Заключенные должны были работать на строительстве подземных тоннелей. Выжить в этом концентрационном лагере было практически невозможно. По статистике узник погибал там уже через шесть недель, такие адские условия работы и содержания там царили. Умирили в «Цвиберге» от голода, болезней, гибли во время обвала в шахтах. Ровно через год, весной 1945-го, когда к лагерю приближались американские войска, фашисты расстреляли больных, а кто мог стоять на ногах, стали выводить из лагеря. Но так называемый «марш смерти» длиной в 300 километров выдержали не многие. В живых осталось всего 500 заключенных.

И вот мы в Цвиберге. Большие, заросшие травой поля, окруженные почерневшими от времени и сырости деревянными столбами. На некоторых еще сохранились куски колючей проволоки. Вот и все, что сегодня осталось от лагеря. Для немцев это место священо. Почти как кладбище. В 1949 году «Цвиберг» получил статус памятного места, через 30 лет там открыли музей, а в 1984 году – памятный мемориал.

У музея есть традиция. Гости, приехавшие на экскурсию, могут стать участниками особого ритуала. Его условно можно назвать так – «помянем невинно погибших». Каждому гостю дают небольшой камень, на котором маркером нужно написать имя, фамилию, дату рождения и дату смерти человека, погибшего в лагере «Цвиберге». Сделали такие надписи и мы, а затем отнесли камни памяти к главному мемориалу. Там тысячи таких камней. Как говорят работники музея, мы написали имена последних не помянутых погибших.

Огонь Гарделегена

По всей Германии в годы Второй мировой войны были разбросаны сотни концлагерей. Весной 1945 года, когда война уже близилась к концу и советские войска, американцы и англичане бомбили фашистскую Германию. Нацистская машина уничтожения еще не была остановлена – оставшихся в живых заключенных убивали.

Той весной на окраину города Гарделеген земли Саксония-Анхальт по железной дороге доставили 1016 узников, которых

загнали в барак и подожгли. Узники сами чудом смогли потушить огонь, но спастись не смогли. Фашисты забросали барак гранатами.

Сегодня на этом месте музей под открытым небом. Каждый год сюда привозят участников международного лагеря города Магдебурга. Когда мы приехали, у музея нас встречали члены благотворительной организации «Ротари клуб» и бургомистр города Гарделеген. Они и рассказали нам о событиях, которые произошли здесь 64 года назад. А еще бургомистр сказал: «Вы молоды, полны сил и идей, знаете, что будущее зависит именно от вас. Надеюсь, что и ваши дети будут знать о Второй мировой войне, будут бороться с фашизмом и национализмом. Только вы можете объяснить им, что нужно беречь мир на земле. Только вместе мы можем сделать все от нас зависящее, чтобы страшные ошибки истории никогда не повторились».

На этой святой земле, политой кровью сожженных заживо людей, мы трудились два дня, и слова девиза международного лагеря: «Примирение над могилами – работа во имя мира» были нам как никогда близки и понятны.

Львы Брауншвейка

В один из редких солнечных дней мы поехали в Брауншвейк. Это крупный город на юго-востоке федеральной земли Нижняя Саксония, в котором проживает почти 240 000 жителей. Город с почти тысячелетней историей изначально имел название Брун-свик. Оно складывалось из двух слов – имени саксонского графа-основателя Бруно II и слова «вик», которое означает «перевалочный пункт, склад и место отдыха для купцов». Ведь именно Брауншвейг, расположившись на реке Окер, долгое время был крупным торговым центром.

Символ города – лев. Дело в том, что к имени монарха герцога Генриха добавляли приставку «Лев». Неудивительно, что в 1166 году по приказу герцога на площади рядом с Кафедральным собором на пятиметровом цоколе была установлена бронзовая скульптура льва.

Находясь в этом городе, сразу понимаешь: Брауншвейк смог сохранить свою старину и древность – каменные скамейки и

львов, мощные улочки, резные арки, старую торговую площадь, ратушу и роскошный собор Святого Власия, где находится гробница Генриха Льва и его жены. Между прочим, супруга Генриха Матильда была дочерью английского короля и родной сестрой короля Ричарда I Львиное Сердце.

В городе умело сочетаются здания различных эпох, а в магазинчиках, как и тысячу лет назад, бойко идет торговля посудой, одеждой и обувью. Роскошный вид открывается со смотровой площадки Квадриги.

Прогуливаясь по историческому центру города, мы обнаружили одно очень интересное здание. «Happy RIZZI House» – это небольшой шестиэтажный дом ярко розового цвета. Его окна – в форме сердечек и облачков, на стенах изображены счастливые и влюбленные люди. Здание увешано сердцами, поцелуями и звездами.

Берлинское «поле» бетонных колосьев

И вот мы в Берлине. В этот день столица Германии явно не ждала нас в гости. Казалось, берлинское небо вылило на нас всю воду. Единственным спасением стала автобусная обзорная экскурсия. Только сквозь окно автобуса удалось увидеть самые известные достопримечательности Берлина – 69-метровую Колонну Победы, увенчанную 8-метровой фигурой богини Виктории, Рейхстаг, Бранденбургские ворота, Александерплац, «Красную ратушу», Ведомство федерального Канцлера Германии и современный, открытый всего пять лет назад Памятник уничтоженным евреям Европы.

Если до этого времени мы видели памятники, водруженные на месте скорбных мест, то этот монумент сооружен в историческом центре городе как раз над бункером служебной виллы Геббельса. На его строительство Германия истратила более 27 миллионов евро. На площади в 19 тысяч квадратных метров в шахматном порядке установлены 2 711 бетонных стел различной высоты – от 20 сантиметров до 4 метров. По замыслу американского архитектора Питера Айзенмена, памятник должен напоминать волнуемое поле колосьев. Не знаю, напоминает ли он поле, но когда ты идешь между огромными бетонными стелами, расположенными в четком гео-

метрическом порядке, тебя обуревают страх, хочется взяться за руку рядом идущего, чтобы не потеряться в этом «поле», «чтоб не пропасть по одиночке»...

Задаешься вопросом: нужен ли страх современным немцам? Думаю, нет. Но государство постоянно наглядно демонстрирует своим гражданам, что оно признает преступления, которые были совершены их страной, что оно считает себя ответственным за историю и считает себя виновным в гибели миллионов людей. Потому в Германии не только заботятся о старых захоронениях и памятниках, но и строят новые. А близость «поля» к парламентским и правительственным кварталам только подчеркивает обращенность мемориала к государству и обществу.

Под мемориальным полем Памятника уничтоженным евреям Европы находится музей. В шести залах собраны не только архивные материалы, рассказывающие о Холокосте, его причинах и последствиях, но и частная информация – фотографии, личные документы, письма людей, в которых сплелась вся судьба еврейских семей в период Второй мировой войны.

Татьяна Нахтигаль

...Мы вышли из музея и не узнали Берлина. На его чистом голубом небе светило солнце. Успели высохнуть лужи. Словно не только мы, но и природа прошла сложный период понимания, очищения, познания.

Вместо послесловия

Пролетели две недели невероятно быстро. В последний день нам устроили прощальный вечер. Девушки – в туфлях на каблуках, которые бесполезно валялись в чемоданах две недели, юноши – в белых рубашках. Все напоминало выпускной бал. Даже именитые гости были. Проститься с нами и поблагодарить за работу прибыл президент парламента города Магдебурга. На прощание – на польском, английском, латышском и русских языках прочитана речь, посвященная жертвам всех войн. Она призывала к миру.

После фуршета руководители лагеря вручили нам подарки, наговорили много добрых слов. Было немного грустно, чувствовалось, что прощается большая, дружная, интернациональная семья. Увиденное, услышанное, прочувствованное, общение со сверстниками из других стран, труд, извините за пафос, во благо – все это подарило много сил.

Посол Германии привез в Челябинск документы без вести пропавших военнопленных

27 марта 2010 года в Челябинске чрезвычайный и полномочный посол Германии Вальтер Юрген Шмид вручил документы о местах захоронения в Германии пятидесяти советских солдат их родственникам, проживающим в Челябинской области.

Это произошло во время торжественного приема, который прошел в резиденции губернатора Челябинской области и был посвящен 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. На этом приеме чувствовали тех, чьи отцы и деды из числа военнопленных до сих пор считались пропавшими без вести на дорогах войны. Вице-губернатор Валентин Буравлев представил собравшимся высокого немецкого

гостя, прибывшего в Челябинск с такой ответственной и благородной миссией. Господин посол сказал, что он привез родственникам документы, рассказывающие о судьбе их близких, что его народ осознает свою ответственность за мрачные страницы истории и делает все для национального примирения, ибо, только осознав всю глубину содеянного, мы можем избежать повторения прошлого.

- Вторая мировая война - очень мрачные страницы в истории наших стран, - подчеркнул Вальтер Юрген Шмид, чрезвычайный и полномочный посол Германии. - И мы, Германия, несем полную ответственность за преступное вторжение на территорию вашей родины. Мы осознаем

нашу ответственность. И мне очень важно это вам сегодня сказать.

И в Германии, и в России есть люди, которые занимаются поисковой работой и на государственном уровне, и, что называется, по зову души. В данной ситуации пропавших без вести искали, объединив усилия, сотрудники объединения «Саксонский мемориал» и УФСБ России. Им помогали сотрудники военных архивов, поисковики Магнитогорского государственного университета, областной совет ветеранов.

Как рассказал начальник архива ФСБ, генерал-лейтенант Василий Христов, из Челябинской области ушло на фронт около одного миллиона человек. Судьба 750 тысяч из них установлена, но многое еще предстоит сделать, чтобы узнать про тех, кто считается без вести пропавшим. По России это огромные цифры. Ведь только в немецком плену было 4-5 миллионов советских военнослужащих. Домой вернулось около двух миллионов. Объединение «Саксонский мемориал» активно занимается поиском без вести пропавших более десяти лет. Вот уже четыре года с ним сотрудничают поисковики МаГУ. Челябинская область получила базу данных на 2073 человек, которые погибли в Германии, будучи военнопленными. Пока что удалось найти родственников 157 из них (130 живут в Челябинской области). Безусловно, эта работа будет продолжаться. В благородном деле активно участвует общественная организация детей погибших защитников Отечества – «Память сердца». Несколько лет назад к общему поиску подключилось ФСБ Украины, Белоруссии. Вероятно, со следующего года подключится

Казахстан.

130 имен и фамилий - 130 судеб, которые опалила война. Почти все южноуральские солдаты стали пленниками фашистских концлагерей, но у себя на Родине считались без вести пропавшими. Рядовой Советской армии Василий Паниковский ушел на фронт еще в 40-м, почти сразу же в родную деревню Григорьевка пришла похоронка. И только сейчас его племянница Наталья узнала: все четыре года, что шла война, ее дядя находился в плену в одном из страшных концлагерей под Нюрнбергом. Там же и был похоронен - в братской могиле.

- Я увлекаюсь историей своей семьи, - говорит Наталья Бельшева, племянница солдата Василия Паниковского. - Много написала о ней, искала корни. И вот то маленькое звено, которое нам было неизвестно, теперь заиграло новой гранью. Как рассказал руководитель центра документации «Саксонского мемориала» Александр Харитонов, в Германии создана организация «Народный союз», которая ухаживает за военными могилами, в том числе и советских солдат. В целом на территории Германии около 15 тысяч мест захоронений советских солдат, и все они хорошо содержатся.

Родственники погибших поблагодарили немецких гостей за большую работу по сохранению памяти о погибших. Нюрнберг, Витцендорф, Хоенштайн, Зандбостель... Получая папки с бесценными документами, потомки погибших солдат признавались: их главная мечта сегодня - побывать на могилах своих родных в Германии.

Виктор Максимов

«Пути земные...»

Информация в СМИ Германии о гуманитарной акции помощи российским ветеранам войны, организованной немцами, и участие в этой работе помогали расширять круг моих знакомств с немецкими ветеранами войны. Одним из них явилось при-

глашение посетить выставку художника Христиана Модерсона, с которым руководитель Общества помощи ветеранам войны в России Ханнелоре Дандерс уже переписывалась.

Летним днем 1997 года мы с Ханнелоре едем в Фишерхуде, который находится недалеко от Бремена, в старой усадьбе, где жил и творил отец Христиана, художник Отто Модерсон. В свое время он соперничал в мастерстве с Репиным и Шишкиным. В Берлине одна из улиц города носит имя Отто Модерсона.

Христиан встречал нас с улыбкой на лице, излучающей стариковскую доброту, одет просто, по-домашнему. Из-под козырька фуражки через очки на нас смотрел живой взгляд... В первую очередь знакомимся с музеем Отто Модерсона, затем идем в мастерскую Христиана. Бережно он извлекает из папок оригиналы своих зарисовок, сделанные на фронте: в рваной, потрепанной одежде женщины, дети, старики, измученные, страдающие лица, глаза полные тревог на фоне разрушенных и сожженных изб, улиц. Деревенские, бытовые картины, пикирующие самолеты на Сталинград, разрывы бомб... Я все это видел уже раньше, на фронте и вот, вижу снова, как наяву, а сердце начинает учащенно биться...

Эти рисунки, оказывается, спасли жизнь художнику: под Сталинградом наши солдаты натолкнулись на тяжело раненого немецкого солдата и хотели его добить, но увидели в его сумке рисунки наших людей, удивились их правдивости, перевязали немцу раны и оставили лежать на поле боя. Уже потом немцы подобрали своего солдата и доставили в госпиталь. Немецкий врач в госпитале по бинтам понял, что Христиана перевязали русские и этим спасли ему жизнь.

Христиан подарил нам с Ханнелорой прекрасную копию рисунка: на вершину горы из последних сил, с посохом в руках и огромной сумой за спиной поднимается человек. Гора окутана мраком, пустынна... Смотрю на рисунок и перед моим взором возникает образ горьковского Данко.

Христиан восторженно приветствовал гуманитарную акцию немцев помощи российским ветеранам, считал ее очень важной, ведь он признавал вину своего народа за войну против Советского Союза. Христиана волнует гонка вооружения, милитаризация стран, волнует и судьба будущих

поколений, и считает своевременным принятие обращение к народам ветеранов войны – «В XXI век, без оружия и войн», в котором слышит голос прошлой войны.

Я понимал его сожаление о невозможности лично побывать в России, познакомиться с ветеранами и рассказать о своих чувствах и мыслях в кругу новых друзей. Радовала Христиана проведение выставок его работ в России, считая это его вкладом в укрепление нашей дружбы и примирения. Они прошли в городах Поволжья, на Урале: в Екатеринбурге, Челябинске, других городах уральского региона. Постоянными экспонатами остались в военно-историческом музее Екатеринбурга. Познакомились с работами Христиана Модерсона и жители Санкт-Петербурга. Поселились они в Успенском храме, возле Сокологубовки, что рядом с кладбищем немецких и советских солдат, погибших под Ленинградом.

В 2005 году мы с Ханнелоре получили приглашение от Христиана Модерсона на открытие выставки картин его отца, Отто Модерсона. На этой выставке мне выпала честь вручить Христиану «Знак примирения» народов России и Германии, изготовленную в России. Зал музея во время этой процедуры буквально взрывался от восторга. Дискуссии после этого среди присутствующих затянулись до позднего вечера – война оставалась в памяти немцев старшего поколения.

Христиан с нескрываемым волнением заявлял, что он уверен в прекрасном будущем народов России и Германии, в том, что они вместе будут противостоять возникновению любого военного конфликта. Он верит в мирную жизнь людей и что разум восторжествует.

Во время одной из встреч у Христиана Модерсона, Ханнелоре дискутировала с хозяином дома о творчестве Бетховена, а мой взгляд бродил по картинам, развешанных на всех стенах, и вдруг, как молния, перед моим взором появилась икона! Наша, православная. Стояла она на почетном месте – на камине. Христиан заметил мое волнение при виде иконы и рассказал такую историю.

Его родной брат – Ульрих, не лишенный способности к живописи, был мобилизован на войну рядовым солдатом и оказался на Восточном фронте. С фронта Уллрих и привез с собой эту икону.

На фронте часть, в которой служил Ульрих, однажды остановилась в одной из деревень и он расположился со своими лошадьми и повозкой у одинокого старика и ночевал в старой, крестьянской избе, крытой соломой, очень бедной и совершенно пустой. И только одна икона, в углу избы привлекала внимание брата. Иногда он брал ее в руки, разглядывал и возвращал на прежнее место. Ульрих ухаживал за лошадьми, на которых подвозил на передовую продукты питания, помогал старику в огороде, старался и подкормить старика. Так продолжалась несколько дней.

Покидая деревню брат запряг лошадей в повозку, забрал свои вещи, попрощался со стариком и уселся в повозку. Тронулся. И вдруг, солдаты закричали Ульриху и стали показывать, что к нему спешит старик. Все остановились. Старик подошел к Ульриху, рукой позвал его, и, когда он подошел к нему, старик перекрестил его иконой, которая была у него в руках и протянул ее Ульриху. Ульрих сообразил, что старик отдает ему икону и взял ее. Старик снова перекрестил Ульриха рукой, поклонился ему, показал пальцем на повозку и махнул рукой – поезжай.

Все происходило на глазах других солдат, стоящих вокруг повозки Ульриха. Солдаты стояли молча потрясенные, пока унтер-офицер не пошел к своей повозке. Старик стоял и взглядом провожал немцев...

Так икона оказалась в доме Модерсонов и стала самой дорогой семейной реликвией. А Ульрих с войны не вернулся.

Невольно, когда думаю об этом случае, стараюсь найти ответ на главный вопрос: почему старик подарил немцу икону, святыню? Мало того, еще и дал ему свое благословение... Не знаю, до сих пор не могу объяснить и понять не могу.

...Не перестаю удивляться благосклонности судьбы ко мне, старому солдату. Она свела меня в Дрездене с ветераном войны, немецким солдатом Хансем Мрачински, к тому же еще и художником, профессором.

Юношей Ханс был мобилизован в армию и отправлен на Восточный фронт освобождать народы от каких-то коммунистов, каких-то врагов, которые угрожали и немцам, и Германии, но вскоре оказался в плену.

Лагеря военнопленных находились в Подмоскowie. В лагере профессия художника предопределила многие возможные события судьбы военнопленных: ватман, карандаш, краски и рабочий стол в структурах лагерных служб политпропаганды.

Со слов Ханса, только в лагере он осознал и понял, что война была ужасом и страданием для всех людей, втянутых в нее по воле политиков. С тех пор война поселилась в его мыслях и чувствах, и стала яркой канвой в его творчестве и не ослабевает до сих пор, если не нарастает.

С первой встречи наши мысли и души с Хансом, старых солдат, оказались открыты друг другу: единая судьба, понимание прошлого. Что не говори, прошлое и родило нас: из утробы войны мы вышли. Войну без слов я увидел в рисунках Ханса, написанных в лагере и после войны. Война, она и есть война, откуда на нее не посмотри.

Оригиналы некоторых рисунков, после возвращения из плена, в ГДР у Ханса изъяли соответствующие органы, о чем он весьма сожалеет, но тему войны продолжает рассказывать в рисунках и после.

Работы Ханса Мрачински вместе с рисунками Христиана Модерсона представлялись на выставках в России для общественности, остались в фондах музеев Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, музея примирения в Успенском храме Сологубовки, кладбища немецких и наших солдат, погибших под Ленинградом.

В 2008 году Ханс Мрачински на личные средства издал триста экземпляров проспекта картин, последствий прошлой войны и подарил Обществу, выражая этим и материальную поддержку: держа в своих руках прошлое, люди прикасаются к истории прошлой войны своими глазами, а старшее поколение напомним, невольно прикоснет к прошлому, военному времени...

Активное участие Ханса в работе Общества помощи ветеранам войны в России, материальная поддержка, содействуют, по-

могают поиску и торению путей укрепления дружбы российских и немецких ветеранов войны, примирению народов России и Германии. Ханс всем своим сердцем близко принял совместное обращение ветеранов войны «В XXI век без оружия и войн» к общественности. Я понимал, чувствовал его тревогу и заботу за политику милитаризации стран властями, военные конфликты, нестабильность в мире. Близки и его тревоги за возможность ядерной войны...

Что говорить, особенно на Западе, сердце старых солдат еще и кровоточит... О своем – не говорю.

Аргументы Ханса в этом – неоспоримы. Так же, как и всех старых ветеранов, солдат, немцев и российских. Всех, в ком остается еще и живет война своим кровавым следом, страданиями народов...

Нет смысла говорить о том, насколько близки мне, старому солдату, Христиан Модерсон и Ханс Мрачински. Война породила нас: доступны и понятны стали наши судьбы, связанные войной. И все же между Христианом и Хансом, плюс ко всему, оказалось сходство их профессии – художники. Мы, ветераны стараемся, в меру своих возможностей, сказать свое слово о войне, человеческом горе и страданиях принесенные войной, мы не можем молчать об этом, не имеем права перед ее жертвами. Мы в постоянном диалоге с людьми, общечеловечески: рассказываем, выплескиваем их себя прошлое, напоминаем нынешнему поколению о тех ужасах, которые выпали на нашу долю.

Говорят об этом и мои друзья, но помимо слов Христиан и Ханс еще и представляют возможность людям, с помощью рисунков увидеть реальность кошмара и безумия войны своими глазами: люди видят и содрогаются их души, сжимаются сердца и смогут видеть всегда, в будущем.

1996 год. В центре Екатеринбурга, накануне Дня Победы в музее молодежи, с трансляцией российского телевидения, открывается персональная выставка акварелей немецкого художника, профессора Адольфе Бёлиха, организованная германским фондом помощи ветеранам войны

России и нашим фондом помощи инвалидам войны.

Через несколько дней, после открытия выставки получаю сообщение – на выставке в книгу отзывов посетителей записал, излил свою душу: у нас де, куда не посмотри на картинах, в журналах мазня, уродливые тела, не поймешь кто и что, голые бабы, от чего отворачиваешься... причем все выражалось словами нашего, русского языка, богатого фольклором... а зашел на эту выставку и очумел: чудесная гамма цветов радует глаз, видишь красоту природы, чувствуешь доброту, умиротворение. От всего исходит тепло, уют, такое чувство и не хочется расставаться с увиденным и думает человек, рассуждает: почему у немцев все по-человечески, а у нас... и снова мысли и слова в наш адрес, да такие, что решили как-то, незаметно убрать лист из книги отзывов.

В то время в России, уже новой России можно было говорить и писать все откровенно, ничего не бояться – налаживалась демократия...

Адольф Бёлих. Мальчишкой помнит войну, непростое послевоенное время – война оставила свой след: юношей начал трудовой путь электриком, но дар и любовь к живописи, упорная борьба за реализацию своего дара помогли стать художником, профессором, доктором искусства и ректором художественной академии в городе Дрездене.

Знакомство с Ханнелоре Дандерс, интерес к новой России и сложности социальных проблем российских ветеранов войны России, гуманные чувства привели Адольфа в Общество помощи ветеранам войны в России.

Выставка акварелей Адольфа Белиха положила начало проведения, в последующем, в которых стали участниками Христиан Модерсон и Ханс Мрачински. Выставки прошли в городах Урала: Екатеринбурге, Челябинске, в том числе – академии искусств, музеях, выставочных залах, ВУЗах. Немецко-культурный центр Челябинска организовал выставки в городах региона. Прошли выставки и в Санкт-Петербурге, где отдельные работы навсегда поселились в музее примирения Успенского храма,

кладбища немецких и русских солдат, возле Сологубовки.

Вход на выставки посетителей всюду был свободным. Все они готовились немецким Обществом помощи ветеранам войны в России.

От имени Общества акварели дарились госпиталям ветеранов войны, общественным и благотворительным организациям, музеям, административным органам и инвалидам, ветеранам прошлой войны. При последнем посещении Германии Адольф вручая мне картины, просил подарить их старым, российским солдатам, ветеранам прошлой войны, чтобы они, картины, оставаясь в квартирах и домах жертв войны, напоминали, как память, знак примирения наших народов.

Удивляюсь, как много же послал добра и своих чувств людям России своими картинами Адольф Белих. Большинство картин прошло через мои руки и мое сердце. Не представляю, как выразить чувство признания и благодарности за все, что сделал Адольф людям, помог и обрадовал своим вниманием, своим пониманием и своей искренностью.

Если рисунки на выставках и музеях Христиана Модерсона и Ханса Мрачински напоминают и навевают о великой скорби народа и будут волновать людей всегда, то акварели Адольфа Белиха, наоборот – излучают добро, ласкают и будут ласкать взор людей красотой природы, гармонией счастья.

Сколько же я везу с собой, когда еду в Германию, для Белихов приветов, добрых пожеланий, благодарностей, сувениров из России от наших ветеранов, людей, посетивших Германию и побывавших в гостях у Адольфа и Кристины. Замечал: когда меня просили об этой услуге наши люди, надо было видеть их лица и слышать тон голоса,

видеть глаза, а после, в Германии передать все Адольфу и Кристине. Это мне еще бывает по плечу, а вот как выразить чувства своих земляков – бывает непросто.

По стариковски поделюсь: сколько картин Адольфа Белиха Ханнелоре ежегодно привозит в Россию, в специально приобретенном для этого большой, по размерам чемодан, чтобы не смять картины, а сколько картин подарены с выставок.

Это у меня голова кругом идет, а у Адольфа Белиха не видно, что она кружится: в глазах выражение внимания, приветливости и вместе с улыбкой, на чисто выбритом лице, вижу счастливого человека...

Коснусь судьбы всего друга, немца Вольфганга Хверта: прошел войну сполна, остался жив, журналист, профессия и жизнь бурлила, насыщена судьбами людей и так до старости. Казалось бы, радуйся, отдыхай, будь счастлив. Не получается: Вольфганг человек той судьбы, крест которой таскает на себе всю, послевоенную жизнь. Только к старости он стал тяжелым и давит своим грузом прошлого. Непокойная старость у Вольфганга, ответственная, как считают старые солдаты, и уйти от этого им невозможно: настоящее и будущее людей беспокоит. Ради этого Вольфганг пашет в Обществе помощи ветеранам войны в России: информационная работа, переписка общества, редактирование материалов, Интернет – куда больше, иногда и дня не хватает пробыться в бюрократических условиях.

Волнует старых солдат нестабильность в мире: военные конфликты, угроза войны... и это только ради того, чтобы не повторилось прошлое, ради завтрашнего дня, мирной жизни будущих поколений...

Тревогу за будущее у старых солдат отнять невозможно. Этим мы живем, и этим живу я, вместе, русские и немцы.

Александр Нахтигаль

Дружба понятие конкретное

В советские времена было немало такого от чего нельзя было отказываться или по крайней мере сохранить: это дружбу между

народами бывшего Советского Союза и дружбу между народами бывшего социалистического лагеря. Но политические бури

разметали нас в разные стороны. Нашим элитам это оказалось ненужным, а у нас мнение никто не спрашивал. Мы погруженные в проблемы посчитали, что мы, российские граждане никому не интересны и нас с легкостью выбросили из своей памяти народы бывших братских стран. Но оказывается

это большое заблуждение и в этом мне пришлось самому убедиться.

В конце октября 2009 года меня, представителей Челябинского городского Совета ветеранов и областного госпиталя ветеранов войны пригласили в Берлин наши партнеры из Общества помощи ветеранам войны в России из Дрездена на торжественную и очень приятное мероприятие. Международный клуб при Министерстве иностранных дел ФРГ совместно с Фондом Западные и восточные встречи провел итоги конкурса среди германских организаций, которые реализуют гуманитарные проекты на территории бывшего Советского Союза. Победителем этого конкурса и стали наши друзья из Дрездена.

С этой организацией нас связывает многолетняя дружба и тесное сотрудничество. Наши немецкие друзья оказали существенную материальную помощь госпиталю ветеранов войны, совместно с Советом ветеранов войны Челябинска мы провели конференции, в которых участвовали российские и немецкие ветераны Второй мировой войны, а вместе с Немецким культурным центром организовали выставки немецких художников в вузах Челябинска. Также призерами конкурса стали немецкие организации, которые работают в Таджикистане и в Прибалтике.

Мне пришлось представлять всех уральских партнеров Общества помощи ветеранам войны в России и в память о встрече от имени челябинских организаций я вручил председателю Международного клуба г-ну Б. Шлагхекту книгу-фотоальбом «Челябинская область», а президенту Фонда Западные и восточные встречи г-ну Г. Домке — златоустовскую гравюру.

Впервые деятельность немецкой организации в нашем регионе была так высоко оценена правительственной структурой ФРГ. Члены клуба, а это дипломаты, депу-

таты бундестага, общественные деятели, были искренне удивлены масштабом и глубиной сотрудничества Общества с российскими организациями и той поддержкой, которую оказывают этой дружбе региональные власти Челябинской области.

Хочется сказать, что Международный клуб находится в здании Министерства иностранных дел Германии и он имеет солидный вес в международных делах. Это подчеркнули и дипломаты тех стран, представители которых получали награды. Но только представителей посольства России не было, к сожалению, в их числе.

Но не об этом речь. После награждения мы стали активно общаться и выяснилось, что многие очень хорошо говорят по-русски. А потом я узнал информацию, которая меня, честно сказать, потрясла. Оказывается Фонд Западные восточные встречи это бывшее Общество германско-советской дружбы, которое после объединения Германии сохранилось и продолжает работать. Были сохранены средства Общества, которые формировались из добровольных пожертвований граждан ГДР, а их хотели забрать.

Деньги, которые остались после обмена валют, расчетов по долгам, были положены в банк и на эти средства Фонд продолжает финансировать гуманитарные проекты на территории бывшего Советского Союза. Мы, к сожалению, ничего об этом не знаем, а те зерна дружбы, которые были посеяны продолжают давать благодарные всходы. Хочу особенно подчеркнуть, что членами германских организаций, которые работают у нас, являются в том числе и немецкие ветераны Второй мировой войны. Это ли не признаки того исторического примирения между российским и немецким народами, которые позволяют нам вместе идти в будущее и строить на основе сотрудничества и взаимопомощи европейский дом.

Поверти, очень приятно находится в месте, где во многом формируется европейская политика, обсуждать мировые проблемы на русском языке и твои собеседники с большой радостью вспоминают и практикуются на языке, который всегда и сейчас ассоциируется как язык дружбы и

взаимопонимания. А мне было приятно по-
практиковаться в немецком языке.

И простите за высокопарность, если

немцы и россияне договорятся, то эти догово-
воренности никто не разрушит. А это га-
рантия стабильности в Европе.

7. Помнить, чтобы не повторилось

Как современному человеку относится к прошлому? Одних оно не беспокоит, другие хотят знать только то, что хотят знать. Третьи — знать все, что было и на этой основе сделать для себя выводы. И все эти позиции имеют право на существование.

А как должно поступать государство? Может ли оно поступать так, как заблагорассудится его сегодняшним руководителям и на этой основе знакомить нас с нашей историей дозировано. Субъективный фактор среди тех, кто принимает решения, к сожалению, сейчас властвует. На мой взгляд, это происходит потому, что во властных структурах отсутствует контроль и ответственность за принятые решения. И эта безответственность разъедает вертикаль нашей законодательной и исполнительной власти.

Есть две напасти, которые воздействуют на власть и этим разрушают государство: первая — коррупция и вторая — безответственность. Если с коррупцией хоть делаем вид, что боремся, то за безответственность еще ни один чиновник не пострадал.

Отношение к Закону «О реабилитации репрессированных народов» яркое тому подтверждение. Закон принят, в нем все прописано, он не отменен, но не исполняется чиновниками и они при этом чувствуют свою правоту. Кроме России, где это еще возможно?

Александр Нахтигаль

Юбилей, который никто не заметил

В 2011 году мы отметили 70 летнюю годовщину депортации в 1941 году советских граждан немецкой национальности из Республики немцев Поволжья. Дата серьезная. Хороший повод вернуться к событиям, прошедшим в годы Великой Отечественной войны, и наряду с присвоением российским городам звания «Город воинской славы», вспомнить и о людях, которые внесли немалый вклад в нашу общую Победу. Я имею в виду репрессированные народы. Государство приняло решения, которыми

признало решения 70 летней давности ошибочными и незаконными. А какие изменения прошли в сознании нашего российского общества?

В первую очередь меня интересует реакция на этот печальный юбилей у населения, которое сейчас проживает на территории бывшей республики. Главным событием мероприятий, которые провели в августе 2011 года общественные организации немцев Российской Федерации, стало открытие в Саратове памятника, посвящен-

ного репрессиям против советских немцев и их депортации в глубь Советского Союза. Обстановка, которая сложилась вокруг этого события, требует более детального рассмотрения.

Бумага все стерпит

У любой памятника должна быть надпись, которая говорит о том, кому и какому событию он посвящен. Казалось бы Указу Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года была дана однозначная оценка еще в 1964 году и теперь какие могут быть вопросы. Но не тут то было. Оказывается, до сих пор живут люди, для которых немец это только фашист, свой, советский немец в том числе. И эту позицию они не скрывают. Я считаю, что с позицией и аргументацией этих людей надо познакомиться обязательно.

«Письмо членов общественного совета Энгельсского муниципального района В.И. Надеждина, А.И.Зюбиной, А.Г.Каричева, В.А.Королёвой, А.В.Кульпина, Б.Н.Тищенко, Т.А.Холоповой, направленное в апреле-мае 2011 года Председателю Государственной Думы, Премьер-министру, Министру по делам Федерации РФ (так у авторов, видимо имели ввиду Министерство регионального развития РФ), Губернатору.

Саратовское отделение ФНКА «Немцы России» вышло с инициативой установить на центральной площади г. Энгельса памятник к 70-летию депортации немцев в восточные части страны. Своё предложение они аргументируют тем, что решение о переселении немцев было преступлением, в результате которого, из-за сложных условий в трудовых лагерях, значительно сократилось численность немецкого населения,

Годы	1936	1959	1979
Русские, млн.	99,6	114,1	137,4
Немцы, тыс.чел.	1427,2	1619,7	1936,2

С 1936 по 1959 год численность русских увеличивалась на 14,6%, немцев - на 13,4%. С 1959 по 1979 - на 20,1% и 19,5% соответственно.

Прирост украинцев на 1959-1979 г.г. составил 13,7%. Темпы роста численности русских и немцев настолько близки, что даже без учёта снижения численности из-за

вынужденной эмиграции немцев (1943-1944 г.г.) нет никаких оснований заявлять о геноциде немецкого народа.

Легко обвинять сейчас. А в то время, когда половина Европейской части страны за два месяца была оккупирована, когда на 7 ноября 1941 года был назначен парад немецких войск на Красной площади Москвы, когда чаша весов колебалась, и любой незначительный факт мог стать решающим, перед правительством и командованием стоял не лёгкий вопрос.

Советское правительство решило исключить возможность контакта немецкой армии с немецким населением автономии, переселить его в восточные районы страны.

Такое же решение принималось в 1917 году царским правительством во время первой мировой войны.

Сенатор предвоенной Германии Г. Раушнинг в своей книге (М. «МИФ», 1993. стр. 114 - 121) приводит факты, как Германия планировала использовать диаспоры зарубежных немцев, как ставилась задача вовлечь всех зарубежных немцев в сеть секретных служб, нацелить их на выполнение боевых задач в тылу противника. Заявление Гитлера: «Пусть тот, кто осмелится перечить, знает, что ему нечего больше ждать от Германии и в своё время он получит по заслугам, как предатель нации», не осталось незамеченным. На захваченной врагом территории имело место сотрудничество немецкого населения с оккупационными немецкими властями.

Книга Г. Раушнинга «Говорит Гитлер зверь из бездны» веский аргумент в споре с теми, кто считает ошибочным решение Советского Правительства о переселении немцев с Европейской части СССР вглубь страны.

Лидеры российских немцев и сейчас не перестают апеллировать к Германии, обращаясь к ней как к прародине, заявляя, что они никогда не теряли её из вида и, что она является движущей силой современных их требований создать республику на Волге.

В Отечественной войне погибло 27 млн. человек, 25 млн. осталось без крова, полностью или частично разрушено и

сожжено 1710 городов, более 70 тыс. сёл и деревень. Сожжено и разрушено более 6 млн. зданий.

Трудовым фронтом была вся страна. Понимая это можно ли говорить, что пострадала только одна национальная группа - немцы, что трагедия тех, кого увозили на Восток, была большей, чем трагедия тех, кого увозили на Запад, в действующую армию, в окопы, под пули. Или трагедия тех, кто с детьми и пустыми котомками пешком пробирался на Восток из оккупированной и разорённой врагом территории. Это неверно, нескромно и бессовестно.

Явилась ли трагедия белорусов, украинцев и других национальностей на захваченной врагом территории, жителей сожжённых и разрушенных городов, угнанных в рабство в Германию менее значительной, чем трагедия немцев СССР?

Решение о переселении нельзя воспринимать как безрассудный акт жестокости или более того, как политический террор против немецкого населения. Так делают сегодня лишь бессовестные политиканы.

Депортация немцев в восточные районы страны - это вынужденный шаг продиктованный обстановкой военного времени, это следствие нападения Германии на СССР.

Посмотрим, как решался вопрос с немецкими диаспорами в других странах.

Все немецкие поданные, проживающие в Англии и Франции были интернированы превентивно. В Голландии, Бельгии арестовывались все немцы, подозреваемые в принадлежности к пятой колонне. Аресты и высылки сопровождались оскорблениями и унижениями.

В Польше распускались сельские кооперативы, закрывались школы и клубы, активисты арестовывались, были закрыты немецкие издательства, возникали стихийные погромы. После нападения Германии на Польшу репрессии усилились. Для вывоза немцев иногда подавались поезда. Выселяемые часто шли пешком, перенося унижения и оскорбления.

После нападения на флот США в Перл-Харборе все лица японской национальности были согнаны в концлагеря, за колючую проволоку. Лишь через 30 лет правительство США принесло им свои извинения. И проблему закрыли.

Несмотря на то, что в США проживает 5,1 млн. немцев, никто не требует там территории для республики или особых к себе отношений. Знают, что государственная политика этой страны не терпит анархии в государственном строительстве, что за призыв к сепаратизму можно угодить на 10 лет в тюрьму.

Так отреагировало мировое сообщество и цивилизованная Европа на немецкие диаспоры в своих странах. И только в Советском Союзе, эта проблема решалась без истерии и более цивилизованно, чем в «цивилизованной» Европе.

Эти исторические фрагменты говорят о том, что депортация немцев в восточную часть страны была общепринятой в мировой практике военной необходимостью, явилась следствием нападения Германии на СССР и не является актом политических репрессий.

Инициатива саратовского отделения ФНКА установить на центральной площади г. Энгельса памятник к 70-летию депортации является безосновательной и провокационной. Провокационной потому, что является продолжением их незаконных требований на территорию Поволжья, попыткой достижения их основной уставной цели, создать республику;

вносит напряжение в межнациональные отношения многонационального Поволжья;

нарушает хрупкое равновесие и наметившееся улучшение отношений, после бурных 90-х годов, к немецкому населению;

требует установки памятника на территории, не имеющей никакого отношения к депортации и никогда не являвшейся территорией немецких поселений.

Место установки не воспринимается потому, что г. Покровск ставший Энгельсом в 1931 году никогда не был

немецким поселением. Незаконно присоединенный к немецкой области в 1922 году он в течение 19 лет вынужденно был её центром. В настоящее время немецкое население составляет менее 0,5% от населения города. Даже если бы памятник был нужен, ставить его не для кого.

По изложенным причинам мы не принимаем идею создания памятника, и считаем невозможным его установку на территории г. Энгельса.

Для всего многонационального сообщества России есть одна общая дата - это 22 июня 1941 года. Вместе с 9 мая 1945 года - это трагедия и триумф нашего общенационального сознания. Не надо делить её на маленькие трагедии с целью получить для себя дивиденды. Не надо тянуть одеяло на себя.

Если ФНКА РН желает показать немецкому населению свою работу и оправдать трату бюджетных денег, она может реализовать эту идею в качестве выпуска от своего имени памятного знака, или реализовать её в качестве памятника с установкой его в месте компактного проживания немцев, например, в Азовском национальном районе.

ФНКА, по сути, поставила членов Общественного Совета района перед фактом, заявив, что во всех инстанциях вопрос уже согласован. Согласован и состав делегации, в том числе и представители Германии, численностью в 300 человек. Это встречает непонимание.

Инициативу ФНКА по установке памятника ко дню депортации немцев в г. Энгельсе считаем исторически несостоятельной, политически ошибочной. Реализация идеи может быть использована для обоснования убеждения, что немцам доверять нельзя, что к своей цели они пойдут, негласно решая вопросы, перешагивая через интересы других национальностей, что может стать фактором стимулирующим напряжение в регионе. Требуем исключить возможность установки памятника в г. Энгельсе. Денежные средства, выделенные из бюджета на проезд в августе этого года в г.г. Энгельс, Маркс, Красноармейск и

другие районы, по случаю дня депортации, делегации в количестве 300 человек, ждут лучшего применения».

Что характерно, сайт города Энгельса опубликовал это письмо по заголовком «Мы против оккупации немцами Поволжья!» без кавычек, видимо редакция разделяет точку зрения авторов.

Я уверен, что в этом письме не отражена позиция всех жителей Саратовской области. Но это мнение довольно большой прослойки нашего общества, которое, кстати, очень активно. На сайте «Взгляд-инфо» под рубрикой «Новости Саратова» опубликована информация «Власти и горожане возмущены надписью на памятнике немцам Поволжья». Я думал, что сейчас их должны возмущать действия советской власти в 1941 году против своих немцев, а их видите ли возмущает желание потомков тех репрессированных увековечить память безвинно погибших. Фактически это письмо должно заинтересовать прокуратуру, ведь в нем разжигается бацилла национальной розни и звучит призыв к продолжению дискриминации одного из российских народов.

Позиция российского правосудия просто удивительна. То что произошло в Саратовской области, становится характерным для межнационального общения в России. Совсем недавно журналистка татарского телеканала «ТНВ» Эльмира Ибрафилова публично назвала русских, проживающих в республике, оккупантами и стала для членов националистических организаций чуть ли национальной героиней. Следственные органы не нашли в ее действиях состава преступления. Интересно, в каких регионах и какие народы тоже станут оккупантами?

Отсутствие политической воли у власти, на решения которые она уже приняла, но не реализовала, приводит к сохранению в нашем обществе мнения, что репрессии в годы войны по национальному признаку были обоснованы, и этим оправдывают смерть десятков тысяч ни в чем не повинных советских граждан: женщин, стариков и детей.

В нашем обществе сложились две версии на далекие исторические события, которые были высказана на форуме саратовского интернет-журнала «Общественное мнение»:

Александр Николаевич Сукманов,
25.08.2011

«Ну и ну. Какое вопиющее невежество и нахальное вранье. Немцев не депортировали — поскольку депортируют за границу. Немцев не репрессировали — а переселили по законам войны. Как американцы японцев после Пирл-Харбора интернировали до окончания войны. Интернированные в 1941 году поволжские немцы жертвы войны 1941-1945 г.г., а не жертвы депортации или репрессий. Еще неизвестно — а не пошел бы вермахт на Саратов — который взять можно одной пушкой, обстреливая весь город с любой горы. Так что политика десталинизации, переходящая в политику дерусификации — медленно набирает обороты...»

Федя, 25.08.2011

«Сукманов хватит врать!

Российских немцев репрессировали и депортировали, потому что, потом была реабилитация этого народа, как и многих других начиная с 1956 года. Хватит вещать народу лапшу. Есть несколько нормативно-правовых актов СССР и РФ по данному вопросу. Читайте открытые источники, например, вот эту книгу: Земсков В.Н. Спецпоселенцы (1930–1960). М., 2005;

А также следующие законодательные акты: Федеральный Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» (№1761-1 от 18 октября 1991 года); Постановление Верховного Совета СССР «Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26.04.1991 № 1107-1 26 апреля 1991 г., Постановление Верховного Совета РСФСР «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26.04.1991 № 1108-1 и т.д.»

«Уважаемый ФЕДЯ! Нормативные акты, на которые Вы ссылаетесь - не имеют к исторической истине никакого отношения. Их напринимали на волне горбачёвской демократизации - которая закончилась развалом Отечества. Никакие акты и памятники не исправят историческую истину - в 1941 г. было принято политическое решение о временном переселении немцев. Точно также США приняли политическое решение интернировать японцев после ПИРЛ-ХАРБОРА. И эти политические решения никакими актами и памятниками исправить нельзя. Точно также бессмысленно судить прошлое - оно состоялось. Поэтому утверждения о репрессиях и депортации немцев являются собой политическую провокацию. Была война на истребление. А на войне нет никаких законов. Поэтому на территории Энгельса задумана и осуществлена подлая политическая провокация, разжигающая межнациональную рознь. Иначе - совершено преступление. Интернированные в 1941 г. немцы являются жертвами войны 1941-1945г.г., а не жертвами политического режима. Подобных политических провокаций на всей территории России происходит великое множество при непротивлении власти. И каждая такая провокация вбивает гвоздь в гроб русской цивилизации и моего отечества. В части изгнания из собственных домов - что-то не слышу ни одного голоса в защиту русских, миллионами выгнанных из своих домов в бывших союзных республиках и сотнями тысяч убитых? Например - в той же Чечне. Вам не кажется это странным? **Александр Николаевич Сукманов — 89063035171.**

Бей своих, а чужие не боятся

Такая «каша» в головах многих россиян. Кто им ответит? Государство молчит. Немцы вынуждены сами доказывать, что они не верблюды. Делать это непросто, но ничего другого не остается.

А теперь об аргументах нынешних стратегов, которые готовы убивать тысячи людей только из-за того, что они в чем-то сомневаются. Хочу напомнить, что перед войной в Красной Армии служило около 40 тысяч наших немцев, которые с оружием в руках встретили врага. Они и после приня-

тия Указа 28 августа оставались в армии и воевали. К примеру, моего отца из армии перевели в тыл в начале ноября 1941 года. За это время нет ни одного свидетельства о предательстве советскими немцами своей Родины. Это признают даже те, кто и сейчас оправдывает сталинские репрессии против народов СССР.

«Как свидетельствуют многие документы, гитлеровцам не удалось склонить к сотрудничеству немцев, проживавших на территории СССР, ни в тылу Красной Армии, ни на оккупированных территориях. По признанию В. Шелленберга, приверженность к идеям большевизма у этой категории была выше, чем у русских, а участие в оказании помощи германским оккупационным властям было чуть не единичным», - пишет начальник кафедры внутренних войск Военного университета, кандидат исторических наук, полковник Павел Смирнов.

Хочется спросить авторов письма, какими угрозами можно оправдать дискриминацию российских немцев до 1972 года. Несмотря на Указ от 1964 года, немцы не могли вернуться в свои родные места. Только 3 ноября 1972 году был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан», в котором он постановляет снять ограничения в выборе места жительства, предусмотренного Указами Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года в отношении немцев и членов их семей.

А уж оправдывать репрессии и ссылаться на царское правительство, значит совсем не знать историческую правду и противоречивость действий власти в 1914 году. Постановление о борьбе с немецким засильем подписал премьер-министр России немец по национальности Б. В. Штюрмер, десятки тысяч российских немцев воевали на Кавказском фронте и были военными санитарами.

Излюбленным аргументом в необходимости репрессий против советских немцев становятся перечисления того, что было уничтожено агрессором на территории Советского Союза и то, что от войны страдали все народы. Нынешняя группа даже обвиняет сейчас представителей российского немецкого народа в нескромности и бессовестности. Большого цинизма невозможно себе представить.

Домыслы, подозрения, возведенные в ранг до государственной политики, когда провалы властей списали на десятки народов своей страны, которые уже прошли через фильтры социальных репрессий и дошли до национальных. Это привело к тому, что лжепатриоты уже не утруждают себя документальными доказательствами. Сейчас то все понимают, что Победа над врагом была оплачена не только гибелью солдат на фронте, но и смертью в тылу от морального и физического террора сотен тысяч своих граждан. Натравливание одних народов на другие — одно из главных преступлений сталинского режима. Это ничем оправдать нельзя.

«Не надо делить её на маленькие трагедии с целью получить для себя дивиденды. Не надо тянуть одеяло на себя» - пишут авторы письма. Давайте посчитаем дивиденды, которые получили российские немцы, и спросим, кто ответит перед последующими поколениями российских немцев за сломанные их жизни, когда после войны они не могли вернуться в родные места, получить обратно отобранное имущество, поступить и учиться в вузах, служить в армии, занимать руководящие должности, получать заслуженные награды? У нас что и в 50, и 60, и 70 годы прошлого века продолжалась Великая Отечественная война?

Как может отнестись нормальный российский гражданин к факту установки памятника, на стеле которого написано: **«Российским немцам – жертвам репрессий (1920-1930 г.г.), депортации (1941г.) в Сибирь и Казахстан, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны, в рабочих колоннах (1941-1945**

гг.) и на спецпоселении (1945-1955 гг.). Тем более памятник на свои деньги установили потомки тех, кто за колючей проволокой, под прицелами винтовок возводил в годы войны в тылу промышленные предприятия. Нормальный гражданин сказал бы: «Молодцы!» Так должны действовать все народы. Вклад в Победу каждого народа, человека должен быть отмечен. Это касается и безымянных солдат на полях бывших сражений, и безымянных трудармейцев, закопанных в общих могилах без опознавательных знаков на Урале, в Сибири, в Казахстане и многих других местах нашей необъятной Родины. Предлагаю авторов этого письма провести по этим памятным местам. Разве стремление к справедливости может вызвать напряженность в межнациональных отношениях, если эта справедливость не за чей-то счет, а пример для других как надо поступать, чтобы ее добиться. Не все завалы Великой войны мы еще разобрали.

Все начинается с головы

Из напористости авторов письма можно сделать следующие выводы. К сожалению, такая позиция очень жива в нашем обществе и у ней немало сторонников. Значит информация о том, какие трагические события в нашей стране происходили до, во время и после Великой Отечественной войны, неизвестна российской общественности. Истинные знания удел только специалистов. То, что события Великой Отечественной войны и сейчас будоражат общество, говорит о том, что многое надо объяснять, начиная со школьной парты, и два часа в школе на изучение истории Великой Отечественной войны катастрофически мало.

Если кто-то подумал, что это письмо единственное действие против установки памятника, то глубоко заблуждается. Бурную реакцию, даже во властных структурах, вызвала надпись на памятнике. За несколько дней до его открытия президент национально-культурной автономии немцев Поволжья Саратовской области Юрий Гаар заявил, что областные чиновники требуют переделать надписи на уже готовом монументе.

По его словам, на строительную площадку, когда памятник и надписи уже были сделаны (причем они прошли согласование с администрацией города Энгельса), приехал представитель правительства области. Министр Саратовской области и председатель комитета общественных связей и национальной политики Сергей Аvezниязов «в ультимативной форме потребовал разбить эти плитки и нанести другие надписи, непонятно откуда взявшиеся и кем согласованные».

Изменения, на которых настаивает региональное правительство, следующие:

– на главном месте памятника – стеле – должна была располагаться надпись «Российским немцам – жертвам репрессий в СССР». Требование власти: заменить слово «репрессии» на «депортация». На сайте Комитета общественных связей и национальной политики области памятник изначально именовался «памятник «Российским немцам - жертвам депортации 1941 года».

– Внизу на основании, фронтальной части памятника должна была располагаться надпись из романа Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», касающаяся российских немцев. Выдержка из текста была ранее направлена представителями организации «Национально-культурная автономия российских немцев Поволжья» вдове писателя, от которой было получено письменное согласие. Требование власти: текст удалить и поместить другой фрагмент, не согласованный с автором. Причем текст должен быть размещен на немецком языке, а перевод, как отмечает Гаар, сделан неправильно.

– С левой стороны должны были быть стихи Гете, с правой – Шнитке, жителя Энгельса. Требование власти: Шнитке вообще убрать и разместить какой-то другой текст.

Ю. Гаар отмечает, что требования власти невозможно выполнить даже технически - открытие памятника намечено на 26 августа. Подрядчик в письменной форме уведомил, что он отказывается выполнять эти работы, поскольку физически не в состоянии их выполнить. Также Ю. Гаар сообщил, что подрядчику поступают угрозы, чтобы он не завершал работу над памятником.

«Таким образом, открытие мемориала оказалось под угрозой срыва», - заключает Ю. Гаар и добавил от имени немцев Поволжья: «Мы заявляем протест действиям областного правительства и заявляем, что не уйдем от памятника, пока чиновники не откажутся от правки его проекта».

Информация об этом факте была опубликована в правительственной газете «Российская газета», но журналисты постарались сгладить ситуацию и не увидели в нем проявления большой исторической несправедливости в отношении российских немцев: «Между тем его оппоненты утверждают, что Гаар сам виноват в сложившейся ситуации: не согласовал проект ни с областными, ни с муниципальными структурами, не выполнил рекомендации, данные на общественных слушаниях.

- Мы предлагали внести туда фактическую информацию о числе высланных, к тому же слово «депортация» **более точно**(!- А.Н.) отражает смысл произошедших исторических событий, - объясняет министр общественных связей и национальной политики Саратовской области Сергей Аvezнязов.

Однако устраивать скандал накануне торжеств областные власти не стали. Вице-губернатор Александр Бабичев заявил, что никаких изменений в надпись на памятнике вноситься не будет и при этом сослался на высокий авторитет:

- В президентском указе присутствует слово «репрессии», значит, оно будет и на памятнике, - заявил чиновник.

Сами представители немцев Поволжья считают, что установка монумента поможет убрать непонимание,

которое сохраняется в отношении исторического пути этого народа.

- Немцы Поволжья в трудовой армии также отдавали свои жизни на благо Победы, но это многие годы замалчивалось, установка памятника покажет нашим современникам, что в этой стране их понимают и ценят, - считает доктор исторических наук Аркадий Герман.

Памятник репрессированным немцам Поволжья станет первым монументом такого рода в нашей стране. Ранее в Краснотуринске Свердловской области (то есть за пределами бывшей автономии) был установлен памятник погибшим в тех местах в годы войны немецким трудармейцам». («Российская газета» 24 августа 2011 г.)

Тем, кто выступил против надписи, хотелось бы предложить прочитать в словаре значение этих слов. **«ДЕПОРТАЦИЯ** (лат. deportatio), насильственное изгнание, ссылка. В СССР в период Великой Отечественной войны Д. подверглись многие народы (балкарцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, крымские татары, немцы, турки-месхетинцы и др.). В 1989 Съезд народных депутатов признал Д. этих народов незаконной».

А теперь давайте сравним, что значит в нашем случае слово «репрессии». Это «меры политического контроля, предпринятые против политических противников или возможных противников. Репрессии, так же как и угнетение, и подавление, предполагают физическое или психологическое давление, которое затрагивает эмоциональное, психическое или духовное состояние выбранных групп. Спектр репрессивных действий включает в себя:

вторжение и обыск жилища без ордера; разрушение частной собственности, включая поджог; подавление газет и других средств информации; запрещение пользоваться родным языком; запрещение политических партий; запрещение религиозных обрядов; увольнение с должности; использование специальных агентов с целью спровоцировать случаи насилия, оправдывающие применение репрессий; избиения и физические

нападения на отдельных оппонентов; насильственная высылка или предотвращение выезда; неправомерные аресты и заключение; угрозы и репрессии в адрес семей противников; пытки и увечья; политическое убийство; казнь заключенных без суда или показательных процессов; тайные похищения отдельных лиц, сопровождаемые пытками и убийствами; погромы; уничтожение в трудовых лагерях каторжным трудом, плохим питанием, лишением сна; марши смерти под предлогом депортации».

Каждый, кто сравнит значение этих слов понимает, что депортация это только часть репрессий. И кто это решил, что депортация «отражает смысл произошедших исторических событий»? Удивляет, что оппоненты упрекали Ю. Гаара в том, что он «не согласовал проект ни с областными, ни с муниципальными структурами, не выполнил рекомендации, данные на общественных слушаниях». А что надо было согласовывать? Искать пути для сглаживания исторических фактов, искать аргументы, оправдывающие действия властей? Пора не согласовывать, а называть вещи своими именами, эти оценки давно даны в государственных документах. А теми, кто препятствует их реализации, должна заниматься прокуратура.

Но позиция власти и сейчас остается половинчатой. Вместо того, чтобы не было неопределенности, надо честно рассказать людям что произошло после Указа от 28 августа 1941 года и к каким последствиям эти действия привели, тем более что оценки этим действиям даны, к примеру, в Законе о реабилитации репрессированных народов и местная власть должна на него опираться.

А как поступила власть Саратовской области, когда возникло противодействие установке памятника? Как предполагает Саратов-times со ссылкой на независимых экспертов, возможно, по этой причине на открытие памятника не приехал губернатор региона Павел Ипатов. Губернатор «в Большом зале правительства области приветствовал участников международной научно-практической конференции, представителей центров российских немцев

из других регионов, ученых-историков, членов Национальной культурной автономии российских немцев Поволжья Саратовской области», - говорится на сайте правительства области:

«Уроки истории не должны забываться. Проанализировав трагические ошибки тех лет, главы наших государств, общество, региональная власть нацелены на восстановление исторической справедливости и создание условий для эффективного сотрудничества наших народов», – отметил губернатор. А вот сказать это, глядя в глаза землякам, духу не хватило.

На церемонию приехало немало официальных лиц. Но вот первых лиц замечено не было. «Непосредственно в торжественной церемонии открытия памятника приняли участие заместитель Министра регионального развития Российской Федерации, председатель российской части межправительственной Российско-Германской комиссии Максим Травников, парламентский статс-секретарь Министерства внутренних дел Федеративной Республики Германия, Уполномоченный Федерального Правительства Германии по делам переселенцев и национальных меньшинств доктор Кристоф Бергнер, вице-губернатор - первый заместитель Председателя Правительства Саратовской области Александр Бабичев, Глава Энгельсского муниципального района Дмитрий Лобанов, президент федеральной национально – культурной автономии российских немцев Генрих Мартенс, а также члены официальной делегации республики Германия, представители российских немцев с различных регионов России, жители Энгельсского муниципального района.» - перечисляет сайт администрации Энгельсского муниципального района.

Обращаясь к присутствующим, глава района Дмитрий Лобанов отметил, что открытие памятника – это напоминание о том, что все люди равны в своем праве на жизнь и свободу. Чиновник также выразил надежду, что таких трагических событий, как переселение (а было не только переселение, но не хочется это видеть —

А.Н.) российских немцев, больше не будет в календаре истории. (А его и нет в календаре исторических событий нашей страны — А.Н.)

«Другие выступившие отметили, что открытие монумента - это не только дань памяти российским немцам, пострадавшим в ходе депортационной (сказать «репрессивной» язык не поворачивается — А.Н.) политики советской власти. Памятник имеет большое значение для сохранения исторической памяти народа, поддержания преемственности поколений», - отмечается на сайте.

Памятник появился с теми надписями, которые и должны быть, со словами Виктора Шнитке:

Мне дерево знакомо это с детства
без имени. Нет множество имён,

исчезнувших по прихоти времён
среди скитаний жизненных и бегства.
А многих я не знал...

Памятник поставлен, но осталось в сердце каждого российского немца червь сомнения — а признает ли российское общество историческую несправедливость в отношении советских (российских) немцев. Опять как в 90-е годы прошлого века разошлось саратовцы, да не только они, по разные стороны баррикады. Немцы так и остались для многих навсегда фашистами. Не прозрели за 70 лет. И живет в нашем обществе мнение: сейчас немцы хорошие, а тогда по-другому нельзя было. Так мы и остались без вины виноватые.

Александр Нахтигаль

Срок наказания: бессрочно

Общество только тогда развивается, когда делает выводы из прошлого, когда не только восстанавливает правду, но и устанавливает справедливость. Как же сейчас поступают с памятью о репрессированных народах России? Вроде бы приняты документы, которые отменили все официальные решения, на основе которых применялись репрессивные меры к народам. Вроде бы всем известно, что эти репрессии были оплачены жизнями сотен тысяч советских граждан, вина которых только в том, что у них не та национальность.

Не может быть сомнений, что в истории страны факт репрессий должен быть обязательно отражен. Такие понятия как ГУЛАГ, трудармия, депортация, репрессии, «тройка», особое совещание — должны быть понятны российскому гражданину любого возраста.

Это не значит, что мы преуменьшаем подвиг народов, умаляем значение Победы и мешаем патриотическому воспитанию. Наоборот, это только возвеличивает героизм советского народа, который, несмотря на преступную внутреннюю политику ру-

ководства страны того периода, выполнили свою историческую миссию.

Но то, что очевидно для старшего поколения будет ли очевидным для детей и внуков? Существуют большие сомнения. Сейчас сформировался своеобразный заговор молчания вокруг темы репрессированных народов, которое фактически превратилось во второй этап репрессий: никто ничего не знает, и знать ничего не хочет. К сожалению, в этом процессе пример показывают наши российские ученые. Выходят книги, которые даже фальсифицируют нашу историю.

В 2004 году был издан полный энциклопедический иллюстрированный справочник «Россия». Его редактором-консультантом является доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ А.Г. Харьков. В огромном томе всего один скромный абзац в главе «Империя по Сталину» был посвящен репрессиям:

«С 1944 г. началась новая волна массовых репрессий, проходившая уже не только по классовому, но и по национальному признаку. Прежде всего, она затронула народы Крыма и Северного Кавказа. Гитлер

считал Кавказ лишь промежуточным плацдармом, и поэтому оккупационный режим там был сравнительно либеральным. Карачаевцы, кабардинцы и балкарцы, поднявшие после отхода Красной Армии антисоветские восстания, получили политическую, экономическую и религиозную автономию...

После освобождения Северного Кавказа виновными в пособничестве захватчикам были объявлены не конкретные лица, а народы. Сталинское руководство применило к ним испытанное наказание – выселение. К депортации начали готовиться еще осенью 1943 года, определяя места выселения и необходимые ресурсы. В конце 1943 – первой половине 1944 г. г. в Сибирь были высланы карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы и крымские татары. В ноябре 1944 г. такая же судьба постигла живших на юге Грузии турок-месхитинцев. Всего в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан было выселено более 700 тысяч человек. Депортации проводились самым жестоким образом: на сборы людям иногда давали считанные минуты, бесконечно долго везли в товарных вагонах к месту назначения и выбрасывали практически на голой земле».

Что поразительно? Авторы не только допустили немало фактических ошибок и проявили полное незнание исторических событий, но и оправдывают репрессивные действия властей СССР по отношению к своим народам.

Это уровень федеральных подходов, а что же ждать от региональных ученых? В 2008 году вышла книга «Военная история Урала: События и люди». Под общей редакцией д.и.н., профессора А.В. Сперанского (Екатеринбург).

Она рекомендована к изданию Ученым советом Института истории и археологии УроРАН. Ее готовили, видимо лучшие, силы Екатеринбурга, Челябинска, Кургана, Москвы, Перми и Оренбурга. Рецензентами издания были кафедра отечественной истории Уральского государственного педагогического университета и д.и.н., профессор Л.Н. Мартюшев.

Книга представлена читателям, как «первый обобщающий труд, показываю-

щий роль и место Урала в целой серии войн России...

Книга подготовлена на солидной базе архивных источников с привлечением современных исторических исследований и рассчитана на учащихся и преподавателей общеобразовательных школ, высших учебных заведений, всех интересующихся общероссийской и региональной историей».

Уже не секрет, что в годы Великой отечественной войны Урал был главным заводом по производству вооружений. Под властью ГУЛАГа был весь уральский промышленный потенциал. Здесь, кроме эвакуированных, работали трудмобилизованные, заключенные, военнопленные, оплачивая своими жизнями производство каждого снаряда, добычу каждой тонны угля, выплавку каждой тонны металла.

Трудармейцы из них были самым многочисленным и самым бесправным контингентом. Как же они представлены в книге. Читаем главу «3. Все для Победы»:

«...Для решения кадровой проблемы использовались трудовые мобилизации. Наряду с общегражданскими мобилизациями имело место создание трудовой армии. В нее направлялись люди, признанные негодными к строевой службе в армии или считавшиеся неблагонадежными по социальному и национальному признаку. К январю 1942 года трудармейцев, выполнявших в основном подсобные работы, насчитывалось на Урале около 290 тысяч, 96000 из них были мобилизованные из Средней Азии и Казахстана (43 — Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. С.16)

Производственные мощности региона обеспечивались также трудом «спецконтингента»: заключенных, военнопленных, спецпереселенцев...

Несмотря на естественную убыль, связанную с мобилизацией на фронт и гибелью от невыносимых условий труда, «спецконтингент» уральского ГУЛАГа не имел серьезной тенденции к уменьшению. Он постоянно пополнялся за счет военнопленных и интернированных иностранных граждан, а также депортированных представителей национальностей СССР, обвиненных в пособничестве оккупантам».

Вот и все. Уверен, что перечисление объектов, на которых работали трудармейцы, занял бы больше места. Читать эти два абзаца сложнейших научных выводов профессора тяжелое моральное испытание. Мало того, что описание событий и выводы не соответствуют действительности, тональность рассуждений фактически оправдывает преступления власти. Да и то, что касается жизни нескольких миллионов людей, которые заплатили за Победу тысячами жизней, говорить как-то мимоходом, вскользь, просто оскорбительно.

О какой правде и справедливости узнают наши школьники и студенты из таких «учебников»?

Невежество ученых не такая безобидная штука. Это, как не вылеченная болезнь, ко-

торая дает метастазы, осложнения и продолжает поражать жизненно важные органы организма. В нашем случае под ударом оказалась историческая память. Люди, у которых она поражена, уже не способны объективно воспринимать прошлую реальность. Реальность репрессий в том числе. Такие подходы главенствуют не только в обществе, но и в верхних эшелонах власти.

Хочу предложить вам переписку между Государственной Думой и общественными организациями российских немцев, которая показывает, насколько готовы «народные избранники» решать острые государственные проблемы.

Обращаю ваше внимание, что это не первая попытка достучаться до сердца и разума чиновников федерального уровня.

«Председателю комитета
Государственной Думы Российской Федерации
по делам национальностей
г-ну Сафаралиеву Г.К.

Уважаемый Гаджимент Керимович!

26 апреля 1991 года в Российской Федерации (РСФСР) был принят Закон «О реабилитации репрессированных народов». Этот Закон распространяется и на российских немцев, который в 1941 г. подвергся необоснованному обвинению в пособничестве врагу и противоправному, насильственному переселению в Сибирь и Казахстан.

Вместе с тем, в отношении российских немцев вышеупомянутый Закон не выполнен, а остался лишь декларативным актом, хотя ст. 13 данного Закона гласит: «Особенности применения настоящего Закона по отношению к репрессированным народам, проживающим и проживавшим на территории Российской Федерации, регулируются отдельными законодательными актами РСФСР, принимаемыми по отношению к каждому репрессированному народу».

Исходя из вышеизложенного, просим Вас включить в план работы Комитета по делам национальностей разработку проекта Закона «О реабилитации российских немцев» и внести его на рассмотрение Депутатов Государственной Думы для принятия.

Приложение: Пояснительная записка: 7 л.

С уважением.

Международная общественная
организация «Международный
Союз общественных объединений
немцев
В.Ф. Баумгертнер

Общероссийская Ассоциация
общественных объединений
российских немцев «Содружество»

И.И. Келлер
Приложение 1

Пояснительная записка

2 августа 2011 года в г. Москве состоялся
Международный памятный форум обще-

ственности, посвященный 70-летию со дня
депортации российских немцев.

В работе форума приняли участие представители общественности российских немцев из России, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Украины и Крыма, а также представители органов власти, интеллигенции и предприниматели.

Участники форума заслушали доклады о положении народа российских немцев и политико-правовых аспектах его реабилитации и приняли открытое обращение в адрес Президента Российской Федерации, Председателя Правительства российской Федерации.

Участники форума единодушно отметили, что:

В ходе первого послевоенного визита Канцлера ФРГ К. Аденауэра в СССР в 1955 году ему фактически удалось подвигнуть руководство СССР на изменение участи российских немцев, которых оно намеревалось навечно оставить в местах ссылки – спецпоселениях.

Постепенные и осторожные шаги СССР в этом направлении в эпоху кратковременной «оттепели» сделали свое дело. Были предприняты соответствующие меры и правовые акты по изменению условий жизни репрессированных во время войны народов, в том числе и в отношении российских немцев.

Намерение реабилитировать российских немцев отчетливо проявилось у руководства СССР, а в последующем и у Российской Федерации в конце 80-х - начале 90-х годов. Это был исторический период, когда объединилась Германия, и развалился СССР.

С 1992 года проблему реабилитации российских немцев решают Российская Федерация – их родное Отечество и Германия, - их историческая родина в рамках Межправительственного Российско - Германского Соглашения о поэтапном восстановлении государственности российских немцев (Протокол от 10 июля 1992г.).

Реализация этого Соглашения была возложена на соответствующую Межправительственную Российско-Германскую комиссию по совместной подготовке программы мероприятий, направленных на поэтапное восстановление государственности российских немцев.

Все эти предпринятые меры в России, активная позиция и финансовая поддержка российских немцев германской стороной, вселили в них уверенность и надежду на восстановление исторической справедливости – на их реабилитацию в соответствии с Законом Российской Федерации 1991 года «О реабилитации репрессированных народов». Но, какие-то неизвестные общественности политические обстоятельства межгосударственных Российско – Германских отношений в очередной раз лишили российских немцев их надежды и обратили народ к массовому переселению в Германию. Германия приняла 2,5 млн. российских немцев из России и из государств – бывших республик СССР.

Это произошло практически сразу, с началом работы Межправительственной Российско – Германской комиссии. Чиновники российской и германской стороны в рамках этой комиссии по умолчанию, или по обоюдному предварительному согласию увели деятельность Комиссии далеко от ее первоначального предназначения.

Межправкомиссия на протяжении всей своей деятельности занималась только согласованием условий реализации совместных Российско-Германских проектов в пользу российских немцев, солидная часть из которых не имеет отношения к решению проблемы нашего народа.

В результате такой совместной работы российские немцы за последние 20 лет утратили даже то, что ранее имели.

Тональность последних заседаний Межправкомиссии, проводимых не в Москве, а в далекой Сибири, и не в Берлине (что тоже важно) свидетельствует о том, что чиновники обеих сторон за спиной российских немцев собираются «актуализировать» Протокол от 10 июля 1992 года и «переформатировать» деятельность Межправительственной российско – германской комиссии.

Это, на взгляд участников форума, предполагает снять с повестки дня главную цель Российско- Германского Соглашения – восстановление государственности российских немцев, а деятельность Комиссии направить на обеспечение и поддержку территориальных межгосударственных по-

братимских отношений (города – побратимы) российской и германской сторон.

Отказ России и Германии от дальнейшей реализации Межправительственного Соглашения 1992 года не будет, видимо, оформлен прямым, открытым международным актом с последующей его публикацией. Такого не может произойти, т.к. это будет означать, что Российская Федерация, де – факто – отказывается реализовывать Закон Российской Федерации 1991 года «О реабилитации репрессированных народов» в отношении российских немцев.

К тому же это будет противоречить как общим законодательным принципам, так и нормам Международного права.

С достаточной вероятностью можно предположить, что «нейтрализация» и последующее «замораживание» Межправительственного Соглашения может произойти осенью т.г. путем подписания «Нового соглашения», в котором российским немцам будет отведена роль только «моста дружбы», далеко уводящего их от реабилитации.

История свидетельствует, что под обломками таких «мостов» дружбы покоятся останки нескольких невинных поколений российских немцев.

В порядке обозначения позиции участников форума по этому вопросу следует констатировать:

- вся подготовительная работа по нейтрализации ныне действующего Межправительственного Российско- Германского Соглашения и разработка нового проекта проходит келейно, в режиме секретности, без привлечения основной части общественного движения российских немцев, требующего реабилитации народа;

- в период 2007-2009 гг. из состава российской части Межправительственной Российско – Германской комиссии под тем или иным предлогом выведены представители общественности из числа российских немцев, которые настаивают и требуют реабилитации нашего народа в соответствии с Законом «О реабилитации репрессированных народов» и организации работы этой комиссии в соответствии с ее первоначальным предназначением. Участники форума считают, что в разрешении этой

сложной международной правовой ситуации необходимо руководствоваться общепринятыми демократическими принципами. Российские немцы – как народ, - имеют конституционное право – самим определять свою будущую судьбу.

Реализовать это право в условиях российской действительности российские немцы могут только через свой общенациональный съезд. Такие съезды нашего народа при поддержке органов государственной власти проводились в начале 90-х годов.

На этом съезде российские немцы могли бы принять решение о дальнейшей судьбе народа, принять соответствующую программу и решить судьбу ныне действующего Межправительственного Соглашения.

На этом съезде можно избрать представительные органы народа, полномочия и решения которого до принятия решения о полной реабилитации народа признавались бы государственными органами власти.

Возможно, что в процессе подготовки общенационального съезда Президент Российской Федерации может принять решение о реабилитации народа, а Государственная Дума Российской Федерации примет соответствующий Закон.

Только после этого могут быть определены роль и место германской стороны в оказании поддержки в пользу российских немцев.

Более раннее участие германской стороны не желательно, т.к. в противном случае это может быть расценено как вмешательство во внутренние дела России.

Исходя из вышеизложенного участники форума просят Канцлера ФРГ при принятии решения по дальнейшей судьбе Межправительственной Российско – Германского Соглашения по совместной подготовке программы мероприятий, направленных на восстановление государственности российских немцев (Протокол от 10 июля 1992 г.) учесть их принципиальную позицию и предложения относительно народного съезда, а также тот факт, что от решения судьбы российских немцев в России зависит их судьба и в других государствах - в республиках бывшего СССР.

Участники Международного памятного форума общественности российских немцев, посвященного 70-летию со дня депортации».

Говорят, время лечит. Но это не так, пока не восторжествует справедливость, не может вылечиться душа народа. Тем более, что прилагается немало усилий, чтобы свести на нет усилия по реабилитации российских немцев и убедить общество — все что было сделано в прошлом было необходимо и допустимо, и на этом закрыть тему.

Неужели государственные мужи в этом заинтересованы и так добиться справедливости. Но власти не уйти от решений, которые ждет зрелое гражданское общество, и чем раньше это произойдет, тем лучше для власти.

Так каков же ответ?

Госдума комитет по делам национальностей

30 марта 2012 г.

№ 3.18-22\61

Президенту Международного Союза
общественных объединений немцев
В.Ф. Баумгертнеру

Уважаемый Виктор Фридрихович!

Комитет Государственной Думы по делам национальностей направляет Вам ответ на Ваше обращение, полученное из Министерства регионального развития Российской Федерации.

Председатель Комитета Г.К. Сафаралиев

Министерство регионального
развития Российской Федерации
22.03.2012 №6451-РП\04

Председателю
Комитету Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации
по делам национальностей
Г.К. Сафаралиеву

Уважаемый Гаджимет Керимович!

Министерство регионального развития Российской Федерации рассмотрело ваше письмо от 24 февраля 2012 года № 3.18-19\28 и сообщает.

Действие Закона РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» в редакции Закона Российской Федерации от 01 июля 1993 г. № 5303-1 «О внесении изменений и дополнений в закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» и Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» распространяются, в том числе, и на российских немцев.

Во исполнение поручения Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2007 г. № СН-П11-1696 Министерство регионального развития Российской Федерации совместно с Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, а также совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти уже проводило работу по рассмотрению вопроса реабилитации российских немцев, затронутого в одном из обращений Федерального Координационного Совета общественного движения российских немцев на имя полномочного представителя Российской Федерации в Центральном федеральном округе.

По общему мнению федеральных органов исполнительной власти, принимавших участие в работе по данному вопросу, в Российской Федерации созданы все необходимые условия для самоорганизации граждан, в том числе для сохранения своей идентичности и культуры. Основные права и свободы закреплены в Конституции Российской Федерации и получили свое развитие в действующем законодательстве.

Решать вопросы российских немцев целесообразно в рамках имеющего правовое поле, структур и механизмов, в том числе в рамках Межправительственной Российско-Германской комиссии по проблемам российских немцев и Консультативного совета по делам национально-культурных автономий при Минрегионе России, а также через реализацию мероприятий Федеральной целевой программы «Социально - экономическое и этнокультурное развитие российских немцев на 2008-2012 годы», утвержденную постановлением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2008 г. №142.

На основании изложенного считаем, что объективных предпосылок для разработки проекта отдельного федерального закона «О реабилитации российских немцев» на данный момент нет.

Р.Ю. Панов

Исп.: Н.В. Панченко

Тел. 980 25 47 доб. 24199

Исх № 01-4\04-МС 12 апреля 2012

Информация к размышлению

«10 ноября 2012 г. Тверской суд Москвы удовлетворил ходатайство следствия о мере пресечения в виде содержания под стражей для премьер-министра Пермского края, бывшего замглавы Минрегиона развития РФ, а также бывшего претендента на пост губернатора Челябинской области Романа Панова, который подозревается в хищении 93 млн. рублей в ходе подготовки саммита АТЭС, передает корреспондент Агентства новостей «Доступ».

Мы в России строим политическую систему, в которой, как заявляют, законодательная и исполнительные власти разделены и первая, как избранная народом России, должна контролировать первую. И критерием оценки законодательной властью качества управленческих решений власти исполнительной должен быть один принцип — насколько они соответствуют интересам народов России.

Что же удивляет в этих двух ответах? В отношении ответа Госдумы: комитет по делам национальности выступил в роли обычного курьера, просто переслал ответ из Минрегиона. Комитет не стал утруждать себя оценкой содержательной части ответа: насколько ответы зам. Министра соответствуют действительности, стоит ли проблема, поднятая в письме немецких обще-

ственных организаций, перед федеральными органами и решают ли ее, если проблема есть, какие меры предпринимаются исполнительной властью. Комитет полностью солидарен с позицией Минрегиона, это странно, но факт. А теперь давайте проанализируем ответ, а точнее, классическую отписку, теперь уже бывшего, зам. Министра.

Оказывается Минрегион уже проводил «работу по рассмотрению вопроса реабилитации российских немцев» и пришел к выводу, что федеральная исполнительная власть создала «все необходимые условия для самоорганизации граждан, в т.ч. для сохранения своей идентичности и культуры». Очень интересно, только немцам об этом ничего не известно. Видимо в Министерстве не видят проблем преподавания немецкого языка как родного в школах, получения высшего образования на немецком языке, видимо наши книжные магазины завалены книгами на русском и немецком языках, в которых рассказывается о истории и культуре российских немцев. Быть может, в учебниках истории упоминают о немцах России. Самое ужасное, нынешняя молодежь не способна продолжить российские немецкие традиции, потому что их родители были лишены возможность передать им свою немецкость. Все это необхо-

димо делать буквально с нуля и без государственной поддержке это сделать невозможно. Что наши чиновники это не знают? Такое ощущение, что они живут даже не в другой стране, а на другой планете.

Нам буквально открыли глаза, оказывается «Основные права и свободы закреплены в Конституции Российской Федерации и получили свое развитие в действующем законодательстве». Закрепить в законодательстве – это забота законодательной власти, а реализовывать – задача исполнительной. Но, видимо, в Министерстве не знают как эти права и свободы реализуются в жизни. А это позиция ведомства, на котором лежит вся ответственность за проведение государственной национальной политики.

Что касается Межправительственной Российско-Германской комиссии по проблемам российских немцев, то ее цель не решать проблемы российских немцев, а помогать решать. Да и как-то несолидно внутренние проблемы России перекладывать на плечи иностранного государства. А по поводу Консультативного совета по делам национально-культурных автономий при Минрегионе России, кто кроме Министерства знает о ее существовании и о том, чем она занимается?

Упомянутая целевая программа «Социально - экономического и этнокультурного развития российских немцев на 2008-2012 годы» вообще уникальный проект: ее существование очень важно, это мощный инструмент для того, чтобы как-то держать проблемы российских немцев перед федеральными органами. Но вот сможет ли она повлиять на сохранение немецкой идентичности у тех, кто это хочет, если львиная доля средств уходит на капитальное строительство, а те несколько процентов, что расходы на гуманитарные проекты не смогут возродить немецкую идентичность у граждан.

Аргументов для вывода, который сделал зам. Министра более чем недостаточно. Но их хватило, чтобы отфутболить заявителей на очередной бюрократический круг. Ведь немцы надеются когда-то встретить у чиновников понимания проблемы, люди же меняются. Пока Минрегион стоит на смерть, а Госдума в этом его активно поддерживает.

Поэтому Комитету по делам национальностей аккуратно указали, что он не ответил на поставленный вопрос и предложили все же обсудить проблему с заинтересованными немецкими общественными организациями.

Международная общественная организация

Международный Союз общественных объединений немцев

123 610, Москва, ул. Краснопресненская наб., 12, Международная – II, оф. 1106

Тел./факс: (495) 258-23-07;

e-mail: msoon@yandex.ru

Исх. № 01-4/04- МС

« 12 » апреля 2012г.

Председателю комитета Государственной Думы
Российской Федерации по делам национальностей
г-ну Сафаралиеву Г.К.

Уважаемый Гаджимет Керимович!

Благодарим Вас за письмо с приложенной к нему копией ответа из Минрегиона России на наше обращение к Вам по вопросу о включении в план работы Комитета разработки проекта закона «О реабилитации российских немцев».

К сожалению, Вы на нашу просьбу не ответили, ограничившись копией ответа из Минрегиона России, подписанной Р.Ю. Пановым (без указания его должности) без каких-либо комментариев. Позиция чиновников Минрегиона России по реабилитации нашего народа известна с 2004 года.

Исходя из принципа – «закон обратной силы не имеет», - мы считаем, что они не обладают правом отменять ст. 13 действующего Закона РСФСР 1991 года «О реабилитации репрессированных народов»

Кроме того, г-н Панов Р.Ю. ввел Вас в заблуждение относительно содержания и итогов проведенной в 2007 году Минрегионом работы по рассмотрению... одного из обращений Федерального Координационного Совета ...» на имя полномочного представителя Президента Российской Федерации в ЦФО.

В том обращении на имя Полтавченко Г.С. мы предлагали принять отдельный федеральный закон о системе самоорганизации российских немцев в качестве первого этапа на пути к полной реабилитации российских немцев.

Действительно, в 2007 году на это наше обращение и предложения через г-на Полтавченко Г.С. в адрес Президента Российской Федерации Минрегион России обобщил мнения заинтересованных федеральных ведомств относительно нецелесообразности принятия отдельного Закона «О самоорганизации российских немцев» и направил их на имя Полтавченко Г.С. Мотивировано это было тем, что существующая правовая база в Российской Федерации достаточна для реабилитации российских немцев.

Но это никак нельзя принять за отрицательный ответ на наше обращение в Ваш адрес с просьбой о включении в план работы Комитета вопрос о подготовке законопроекта «О реабилитации российских немцев» в соответствии со ст. 13 Закона РСФСР 1991 года «О реабилитации репрессированных народов».

Для обсуждения вопроса о проблеме реабилитации народа российских немцев, исключения разночтений и принятия ошибочных решений просим в удобное для Вас время принять руководство Международного Союза общественных объединений немцев.

Приложения:

- Копия письма Государственно – правового управления Президента РФ в адрес Приходько С.Э.
- Копия письма «Института законодательства ...» в адрес Минрегиона.
- Копия письма Заместителя Министерства регионального развития в Правительство РФ

С уважением,

Президент Союза, проф., д. экон.н. Баумгертнер В.Ф.

Но не тут-то было:

Госдума комитет по делам национальностей

2 мая 2012 г.

№ 3.18-22\94

Президенту Международной общественной организации «Международный Союз общественных объединений немцев»
В.Ф. Баумгертнеру

Уважаемый Виктор Фридрихович!

Комитет Государственной Думы по делам национальностей рассмотрел Ваше обращение по вопросу включения в план работы Комитета разработки проекта закона «О реабилитации российских немцев» и сообщает следующее.

Аналогичные обращения уже неоднократно рассматривались Комитетом, на которые направлялись квалифицированные ответы.

Однако, необходимо отметить, что в соответствии с частью 1 статьи 104 Конституции Российской Федерации и статьи 103 регламента Государственной Думы одним из субъектов, обладающим правом законодательной инициативой являются депутаты Государственной Думы.

15 февраля 2012 года на заседании Комитета (протокол № 3\7-2) обсуждался вопрос «Об обращении в Комитет Международной общественной организации «Международный Союз общественных объединений немцев» и Общественной Ассоциации общественных объединений российских немцев «Содружество».

По данному вопросу было заслушено мнение Заместителя Министра регионального развития РФ М.А. Травникова, который доложил депутатам о том, что данное предложение уже обсуждалось в министерстве совместно с другими заинтересованными органами исполнительной власти (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Минкультуры России, МИД России, Минобрнауки России, ФСБ России, Минюста России).

Органы исполнительной власти признали, что нецелесообразно разрабатывать отдельный законопроект. Так как по их мнению данный вопрос уже урегулирован федеральным законодательством, либо подзаконными актами, либо другими инструментами. В процессе обсуждения ни один из депутатов Государственной Думы-членов комитета не поддержал инициативу о разработке проекта федерального закона «О реабилитации российских немцев».

Председатель Комитета Г.К. Сафаралиев

Но Комитет стоит на своем: вам же направляются квалифицированные ответы. В переводе с бюрократического на наш обычный язык это означает: чего пристали, не мешайте нам работать.

Видимо, мнение другого зам. Министра М. Травникова должно было поставить окончательную точку. Исполнительная власть считает нецелесообразно, депутаты

Госдумы – не поддержали, чего не понятно? Вот только как быть с немцами, да и с другими народами, их проблемами, что государство решило все проблемы на бумаге решать? Для чего существуют органы власти, если они не защищают интересы тех, кто их выдвинул и кому они обязаны служить?

Несмотря ни на что, рука партнерства протянута вновь.

Международная общественная организация

Международный Союз общественных объединений немцев 123 610, Москва, ул. Краснопресненская наб., 12, Международная – II, оф. 1106Тел./факс: (495) 258-23-07;

e-mail:msoon@yandex.ru

Исх. № 05-10/05- МС

«28» мая 2012г.

Председателю комитета Государственной Думы
Российской Федерации по делам национальностей
г-ну Сафаралиеву Г.К.

Уважаемый Гаджимет Керимович!

Благодарим Вас за более подробный ответ на наше обращение по вопросу о включении в план работы Комитета разработки проекта закона о реабилитации российских немцев.

В Ваших ответах прослеживается нежелание в проявлении законодательной инициативы и в принятии каких-либо шагов, направленных на реабилитацию народа российских немцев.

В условиях, когда в многонациональной Российской Федерации с 2002 отсутствует федеральный орган исполнительной власти, ведающий делами национальностей, роль и значение профильного Комитета в Государственной Думе для всех национальностей общественных объединений имеет наиважнейшее значение еще и потому, что при комитете действует общественный Совет.

К Вашей позиции можно было бы отнестись с пониманием, если бы общественность российских немцев требовала что-то незаконное и противоправное.

Но мы требуем соблюдения законного права – восстановления исторической справедливости – реабилитации нашего народа в соответствии с Законом РСФСР 1991 года «О реабилитации репрессированных народов» Ст.13 этого Закона гласит, что особенности применения этого закона к каждому репрессированному народу регулируется отдельными законодательными актами. Исходя из этой нормы закона, мы и просим, чтобы Комитет выступил с инициативой о разработке проекта закона о реабилитации российских немцев и представил его Государственной Думе для принятия.

При этом мы исходим из основных положений Конституции Российской Федерации. Российская Федерация является многонациональным государством. Все народы России являются равноправными. Носителем суверенитета Российской Федерации является ее многонациональный народ.

Государство гарантирует право каждому из ее народов. Оно обеспечивает условия для полноценного социального и национально-культурного развития всех народов России, обеспечивает правовые, организационные и материальные условия, способствующие учету и удовлетворению национально-культурных интересов народов.

Вместе с тем, в отношении народа российских немцев ни одна из этих конституционных норм не соблюдается.

Более 70 лет наш народ остается не реабилитированным, в то время, как еще в конце 1957 года всем репрессированным народам, имевшим свою государственность вернули все, что у них было незаконно отнято. Всем, но только не российским немцам. Считаем, что это несправедливо и противоправно еще и потому, что несмотря на принятый в 1991 году Закон «О реабилитации репрессированных народов», он для российских немцев по каким-то необъяснимым причинам остается лишь декларативным актом. Незаслуженное обвинение с нашего народа сняли, а наказание продолжает оставаться. Так быть не должно.

Ссылки на то, что народы были репрессированы еще в СССР в период культа личности Сталина и что Россия – уже другое государство и не может нести ответственность за ранее содеянное несостоятельны.

Российская Федерация является правопреемником СССР. Она унаследовала от СССР не только землю, недра и все остальное недвижимое имущество, но и все проблемы бывшего Союза, в том числе и проблемы реабилитации народов, которые должны быть решены.

Ваши ссылки на то, что Минрегион России в лице г-на Травникова выступает против принятия отдельного закона о реабилитации российских немцев не должно являться основанием для принятия Вами отрицательного решения по нашему обращению. Это, на наш взгляд, принципиально важно потому, что Государственная Дума является высшим органом законодательной власти в Российской Федерации. Она принимает законы, которые должны исполняться исполнительной властью. В этом и проявляется воля народа, избирающего законодательную власть.

В нашей с Вами переписке невольно возникает один, но очень важный вопрос. Почему в Минрегион России и на заседание Вашего Комитета при рассмотрении нашего обращения не пригласили представителей от заявителя?

Мы не можем удовлетвориться такой постановкой вопроса. На наш взгляд, такой подход никак не соответствует требованиям Президента Российской Федерации В.В. Путина относительно реализации политики в сфере межнациональных отношений. А это, в свою очередь, подрывает доверие к органам власти и не способствует формированию положительного имиджа России, в том числе на международном уровне.

Просим Вас о проведении рабочей встречи в удобное для Вас время.

С уважением,

Президент Союза, проф., д. экон.н. Баумгертнер В.Ф.

Но повернется ли власть к народу лицом!

Вместо заключения

В сборнике мы рассказали о некоторых страницах истории, причем не самых радостных, одного из российских народов. Ими изобилуют истории многих народов России. Одни считают, что восстановление этой истины разделяет народы и разрушает страну. Категорически с этим не согласен.

Наоборот, знание о них очищает нас и показывает, что в самые трагические страницы истории мы поддерживали друг друга, помогали выжить. Ничто не может разрушить нашу дружбу. Сохранить ее нам завещали наши предки и наш долг выполнить этот наказ.

Александр Нахтигаль

Содержание

Глава 3. В вере нашли спасение	5
Лидия Мухамадеева. «Католичество в Челябинске. История и современность».....	5
Светлана Симакова. «Отец Вильгельм (Палиш), настоятель римско- католической церкви Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии: «Мои прихожане в Германии были "сытыми", поэтому я хотел служить в России».....	20
Нина Чистосердова. «Мы верим в бога живого»	25
Глава 4. Немцы с русской душой.....	27
Светлана Шлыкова. «Александр Миллер: «Слышу музыку дзюдо»	27
Эльдар Гизатуллин. «Александр Миллер: «Чемпионом без тренера не стать, как бы ни был одарен человек от природы».....	31
Из биографии Ирины Штаух (урожд. Шифердекер).....	33
Татьяна Синецкая. «Веккер Владимир Павлович».....	38
Румия Бульхина. «Александр Фриш, заслуженный артист России: «Я рад, что сел в поезд, который привез меня к мечте».....	42
Татьяна Марьина. «Фридрих Липс - баянист, покоровший мир, - помнит родной Еманжелинск».....	46
А.М.Стороженко. «Мастер-класс Фридриха Липса»	52
«С опорой на трудовой коллектив».....	57
Виктор Чигинцев. «Бременский музыкант»	59
Виктор Рискин. «Родное гнездо Отто Горста»	61
Глава 5. Лицом к лицу: военнопленные.....	65
Таисия Ильина. «На чужбине».....	65
Николаус Риль. «Десять лет в «золотой клетке».....	68
Любовь Алямкина. «Непрошенные гости».....	74
«Аристократки». Воспоминания анонима (из фонда В.Г. Борисова).....	86
Валерий Еремин. «Фрау родом из лагеря».....	88
Виктор Чигинцев. «И праху павших поклониться».....	89
Виктор Чигинцев. «Поиск привел в Копейск».....	92
Глава 6. Историческое примирение.....	94
Виктор Максимов. «Впервые в истории».....	94
Александр Нахтигаль. «Мост дружбы».....	97
Наталья Нахтигаль. «Работа во имя мира».....	99
Наталья Нахтигаль. «Молодежный лагерь в Магдебурге».....	103
Татьяна Нахтигаль. «Посол Германии привез в Челябинск документы без вести пропавших военнопленных»	107
Виктор Максимов. «Пути земные...».....	108
Глава 7. Помнить, чтобы не повторилось	114
Александр Нахтигаль. «Юбилей, который никто не заметил».....	114
Александр Нахтигаль. «Срок наказания: бессрочно».....	123
Вместо заключения.....	135